

А.Г.
Брикнер

ИСТОРИЯ
ЕКАТЕРИНЫ
ВТОРОЙ

А.Г.
Брикнер

ИСТОРИЯ
ЕКАТЕРИНЫ
ВТОРОЙ

Сочинения
А.Г. Брикнера
Профессора русской истории
в Дерптском университете

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

в 3 томах

Том

1

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

ББК 63.3(2)
Б87

Оформление художника
П. Сацкого

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭПРОН»

- Брикнер А. Г.**
Б87 История Екатерины Второй: В 3 т. Т. 1. — М.: ТЕРРА,
1996. — 256 с.: ил.
ISBN 5-85255-562-2 (т. 1)
ISBN 5-85255-756-0

Предлагаемое читателю произведение выдающегося русского историка А. Г. Брикнера (1834—1896) органично сочетает в себе тщательность авторского отбора и организации исторического материала с высоким художественным уровнем и психологической точностью воссоздания личности Екатерины Великой, глубоким знанием описываемой эпохи «просвещенного абсолютизма».

Б 0503000000-269
А30(03)-96 Без объявл.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-85255-562-2 (т. 1)
ISBN 5-85255-756-0

©Издательский центр
«ТЕРРА», 1996

Екатерина II

ВВЕДЕНИЕ

Россия, до царствования Петра Великого имевшая мало общего с Западом, сделалась при этом великом государе членом европейского семейства государств, Московское царство превратилось в великую державу. Благодаря необычайной и неутомимой деятельности гениального преобразователя такой переворот совершился чрезвычайно быстро и успешно. Более ясно и отчетливо, нежели его предшественники, Петр сознавал необходимость сближения с Западом. Понимание нужд государства в нем было тесно связано с необыкновенной силой воли. Принимая на себя полную ответственность за все нововведения и перемены в государственном организме, он должен был придать своему царствованию характер неумолимо строгой диктатуры. Не мудрено, что подданные царя, не постигавшие значения его реформ, неохотно подчинялись воле грозного повелителя. Неограниченный деспотизм царя, жесткие меры, крутые приемы не могли не казаться народу тяжелым бременем. Трудно было в то время оценить услугу, оказанную Петром России.

И на Западе у современников мы не находим справедливой оценки преобразовательной деятельности московского царя, превратившегося во всероссийского императора. Почти всюду было заметно некоторое неудовольствие по поводу того веса, который приобрела Россия при Петре в области общеевропейской

политики. Многочисленные и могущественные противники России питали надежду на упадок России вслед за кончиною Петра. Многие считали весьма вероятным превращение России вновь в азиатскую державу, по крайней мере лишение ее того значения, которое она приобрела в делах общеевропейских.

Все такого рода предположения оказались ошибочными. События последующего за смертью Петра времени заключали в себе доказательство, что судьбы народов не могут зависеть от меры гениальности отдельных исторических лиц, а, скорее, должны считаться результатом идей в массах, плодом общечеловеческого развития. Россия не могла лишиться тех выгод, которые являлись выражением общего хода ее исторического прогресса, независимо от индивидуальных стремлений и мыслей Петра. Поворот к Западу не был новостью в то время, когда он начал управлять государством. Направление движения России было указано событиями, совершившимися до вступления Петра на престол Московского государства. Самое движение России в указанном ей общим ходом дел направлении шло особенно быстро при этом государе. Можно было считать вероятным, что наследники Петра не будут иметь подобных успехов, что при них движение государства окажется гораздо медленнее; однако не было никакого основания надеяться на застой или хотя бы на некоторый успех реакционного движения против реформы Петра.

Время, следовавшее за кончиною великого преобразователя, не может быть названо эпохой реакции. Оно может считаться периодом отдыха, сильного утомления. Нелегко было заменить энергию и способности Петра. Особенно чувствительным оказался в это время недостаток в политических учреждениях, которые могли бы, независимо от возраста, пола и способностей царствующего лица, обеспечить дальнейшее развитие государства и общества. Даже не существовало закона о престолонаследии, определения на случай назначения регентства. В каждом случае вопрос о том, кому занять престол, решался как бы случайно, благодаря первенствующему влиянию той или другой придворной партии, того или другого отличавшегося смелостью и честолюбием царедворца. Весьма часто бразды правления являлись яблоком раздора в борьбе между разными лицами и приверженцами

разных представителей царствующего дома. На протяжении многих лет несколько царствований быстро следовали одно за другим. Порой царствование коронованных лиц было лишь номинальным. Могущественные министры своим временным влиянием заменяли настоящую власть государей. Временщики делались иногда жертвами крупных переворотов. В царствование императрицы Екатерины I настоящим государем был Меншиков; при малолетнем Петре II указывали на Остермана как на фактического императора; Бирон неограниченно управлял делами при Анне. В отчаянной борьбе за власть и влияние мало обращалось внимания на выгоды государства и на благосостояние народа. Временщики более мечтали о своих интересах, нежели о славе и могуществе России. Стремление к целям честолюбия иногда, впрочем, превращалось в борьбу за существование. Перемены на престоле, министерские кризисы в это время в России были весьма часто сопряжены с ужасными катастрофами в жизни отдельных высокопоставленных лиц. Нередко вельможи, только что управлявшие государством, управлявшие в роскоши и богатстве, имевшие влияние на общеевропейские дела, вдруг превращались в подсудимых, делались государственными преступниками и оканчивали свою жизнь на эшафоте или в опале и ссылке. Довольно часто государственные сановники, полководцы, фавориты гибли неожиданно после более или менее краткой эпохи блеска, могущества и «фавора». При отсутствии настоящей борьбы противоположных политических убеждений имели простор личная ненависть, месть и ожесточение придворных противников, старавшихся погубить друг друга. Не было и в самих потомках Петра, занимавших престол после него, до 1762 года, ни стремления к высоким целям, ни замечательных способностей.

При столь печальном состоянии России в это время нельзя было удивляться возраставшему влиянию на нее других держав. Не встречая в России самостоятельной политической программы, сильной воли и способности к независимым действиям, западноевропейские державы пользовались этим для достижения своих целей. Бывали случаи вмешательства иностранных правительств в дела России. Особенное внимание обращалось за границу на вопросы престолонаследия; иностранные дипломаты при русском

дворе иногда старались содействовать их решению. Отсутствие закона о престолонаследии, недостаток в учреждениях государственного права давали полный простор подобному вмешательству. Россия стала походить на Швецию и на Польшу, где не прекращались козни иностранных дипломатов, путем подкупа и всевозможными средствами агитации участвовавших в решении важнейших вопросов. Как Польша или Швеция, так и Россия подчас становилась яблоком раздора между европейскими державами. Не раз случалось, что иностранные дипломаты при решении вопросов о замещении престола, или о назначении наследства, или о мире и войне приписывали себе важную роль и самолюбиво указывали на свое влияние. Так, например, голштинский дипломат Бассевич гордился своим участием в деле воцарения императрицы Екатерины в 1725 году; так, к концу царствования этой государыни, при решении вопроса о престолонаследии в пользу Петра II, имели некоторое значение австрийские деньги; так, в 1730 году, по случаю воцарения императрицы Анны Иоанновны, датский резидент хвалился успехом своих происков, клонившихся к исключению из списка кандидатов герцога Голштинского Петра Федоровича; так, шведский и французский дипломаты играли некоторую роль при воцарении Елизаветы Петровны; так, во время царствования последней, Англия не без успеха старалась подкупить Бестужева, и проч. Подобные случаи вмешательства иностранных держав в русские дела были немыслимы в царствование Петра Великого; они оказались невозможными и после вступления на престол Екатерины II.

Однако Россия в эту эпоху, от 1725 до 1762 года, оставалась первоклассною державою. В делах общеевропейской политики некоторые государственные люди, например Остерман, Миних, Бестужев, обнаруживали редкие способности в дипломатическом искусстве. Другие державы довольно часто должны были принимать в соображение намерения и желания этих сановников. В восточном вопросе Россия при Анне Иоанновне обнаруживала необычайную силу и энергию; в этом отношении Миних следовал примеру Петра Великого. Участие России в Семилетней войне при Елизавете свидетельствовало о громадном значении для других держав дружбы или нерасположения России. Франция, дол-

гое время остававшаяся равнодушной к России или даже действовавшая против нее враждебно, около половины XVIII века считала для себя выгодным искать расположения России, мечтать о союзе с нею. Русские дипломаты в Швеции имели весьма сильное влияние на дела этого государства. Англия употребляла чрезвычайные усилия для того, чтобы не лишиться расположения России. Положение Польши, благодаря перевесу России, становилось безнадежным.

Несмотря на разные затруднения, русский двор не переставал отличаться блеском и пышностью. Высшие слои общества, сделавшиеся при Петре Великом питомцами западноевропейской цивилизации, не переставали и после того находиться под влиянием приемов общежития германских и романских народов. Мало того, влияние нравов и обычаев, литературы и науки Запада на Россию постепенно усиливалось во время царствований преемников Петра. Даже временное перенесение столицы из Петербурга в Москву не могло изменить западноевропейского характера двора и высшего общества, оставшихся верными началам коренной перемены, происшедшей в царствование великого преобразователя. Сношения России с Западом становились все более и более оживленными. Постепенно увеличивалось число русских путешественников в чужих краях. В особенности Париж был в это время весьма часто целью поездок русских за границу. Усиливалось влияние французской литературы, французского искусства на умственный кругозор высшего русского общества. В эпоху Петра Великого Франция в этом отношении почти не имела вовсе значения для России, между тем как Германия, Голландия и Англия были школою русских, отправлявшихся за границу. Теперь же русские стали отличаться необычайною восприимчивостью к началам французского просвещения.

Во Франции в это время, при быстром политическом упадке, при неизбежном разложении, которое повело к ужасному кризису 1789 года, господствовала оппозиционная литература; между знаменитостями в области французской словесности и некоторыми представителями русского общества завязались кое-какие сношения: личное знакомство, переписка. В некоторых случаях русские вельможи играли пред французскими знамени-

тостями роль меценатов; они посещали наиболее выдававшиеся парижские салоны; они владели французским языком не хуже самих французов. Находясь под влиянием утонченности французских приемов общежития, русские оказались более способными учениками, чем они были на голландских и английских верфях и в тех мастерских, в которых должны были трудиться по воле Петра Великого. Нехотя превратившись сперва в матросов и корабельных плотников, они теперь по собственному желанию наслаждались беседами с французскими публицистами. Энциклопедическое образование давалось русским легко: не сделавшись при Петре немцами, голландцами и англичанами, русские после Петра обнаруживали некоторую способность превращаться в полуфранцузов.

Нельзя сказать, чтобы такого рода успехи в развитии высших слоев русского общества шли рука об руку с успехами в области политического образования и политической опытности. Частные интересы всегда оставались на первом плане; для большинства не было случаев к участию в делах, к развитию патриотизма, к практическому применению общих политических идей. Все это не соответствовало ни преданию, ни наклонностям русского общества. Главною чертою отношения последнего к государству, к правительству оставалась некоторая пассивность, некоторое равнодушие. К тому же и мелочность придворных интриг, преобладание личных соображений, не дававших простора развитию общих мыслей и теорий, не благоприятствовали политическому развитию русского общества, не могли внушить ему желания участвовать в занятиях делами. Кто не имел возможности разыгрывать какую-нибудь роль в придворной жизни, тот легко довольствовался ролью праздного зрителя. Настоящее политическое честолюбие являлось лишь весьма редким исключением: гласности не было, обсуждение политических вопросов в литературе оказывалось делом невозможным. Правда, в 1730 году, по случаю воцарения императрицы Анны Иоанновны, было заметно некоторое участие со стороны разных групп русского общества в решении самых важных политических вопросов, однако прения, имевшие целью ограничение монархической власти, создание нового государственного строя, оказываются

каким-то странным исключением, внезапно явившимся и быстро исчезнувшим случаем. Мысль о подражании в области государственного права Польше, Швеции или Англии производит на нас скорее впечатление неопасного припадка острой болезни, нежели регулярного отправления общественного и государственного организма России. Событие 1730 года поэтому имело смысл лишь малозначащего эпизода. Дуализм между государством и обществом, между правительством и подданными, между начальством и публикою оставался в полной силе.

В то же время события, происходившие в центре, при дворе, не могли не обращать на себя самого оживленного внимания всех сословий. Эти события отличались разнообразием, быстротою перемен, драматическими эффектами, представляли собою потрясающие крайности счастья и горя, богатства и бедности, величия и ничтожества, славы и позора, неги и страдания. Екатерина I, женщина самого скромного происхождения, занимавшая некоторое время место подруги царя Петра и сделавшаяся затем его женою, его другом, вступает после него на престол, формально не имея на то законного права. Права дочерей ее и Петра, Анны и Елизаветы, нарушаются назначением наследником престола сына погибшего ужасной смертью в Петропавловской крепости царевича Алексея Петровича. Первая невеста Петра II, дочь Меншикова, была отправлена в Сибирь; вторую невесту юного государя, княжну Долгорукую, о воцарении которой мечтали ее родственники, постигла та же участь. Внезапная кончина царственного отрока в 1730 году застигла государство врасплох. Престол оказался праздным; было несколько кандидатов. То обстоятельство, однако, что вовсе не было речи о правах прямых потомков Петра Великого, о кандидатуре сына Анны Петровны, герцога Карла-Петра-Ульриха Голштинского, о кандидатуре Елизаветы, то обстоятельство, что выбор пал на Анну Иоанновну, причем опять-таки не было обращено внимания на права ее старшей сестры, герцогини Мекленбургской, свидетельствовало о полнейшем отсутствии каких-либо законных определений в отношении престолонаследия. Важный вопрос о замещении престола оказывается делом случая и какою-то азартною игрою.

При таких обстоятельствах престол постоянно был окружен опасностями. Удержаться на престоле оказывалось делом чуть ли не более трудным, чем овладеть им. Скромная роль, которую играла Елизавета Петровна во время царствования Анны Иоанновны, не возбуждала опасений императрицы относительно кандидатуры дочери Петра Великого. Зато она охотно желала бы избавиться от принца Карла-Петра-Ульриха Голштинского. Вспоминая о нем, она говорила: «Чертушка в Голштинии еще живет»¹. Прямые потомки Петра долго не пользовались правом престолонаследия. Анна Иоанновна назначила себе преемником сына своей племянницы, герцогини Брауншвейгской Анны Леопольдовны, Иоанна Антоновича, родившегося в 1739 году. Таким образом, и при этом случае не было речи о правах Елизаветы и ее племянника, герцога Голштинского. С их стороны, впрочем, и не последовало никакого заявления о каких-либо притязаниях. Царствование юного императора Иоанна Антоновича казалось обеспеченным; регентом сделался Бирон; затем, после падения курляндского герцога, Анна Леопольдовна сделалась правительницею. И она, как императрица Анна Иоанновна, опасалась совместничества «чертушки в Киле», Петра Федоровича, не обращая внимания на гораздо большую опасность, грозившую ей и ее семейству со стороны Елизаветы Петровны. В то самое время, когда она мечтала о том, чтобы, воспользовавшись несовершеннолетием сына, сделаться императрицею, она стала жертвою государственного переворота. Брауншвейгские принцы были отправлены в ссылку, на престол вступила дочь Петра Великого.

Но и в первое время своего царствования императрица Елизавета опасалась претендентов: Брауншвейгских принцев и молодого герцога Голштинского. Опасения относительно Иоанна Антоновича и его родственников повлекли за собою содержание несчастного семейства в тесном заключении. В отношении же кандидатуры Петра Федоровича было продумано иное средство для устранения грозившей с его стороны опасности: то было фор-

¹Записки Штелина об императоре Петре III в «Чтениях Московского общества истории и древностей», 1866, IV, Смесь, 72.

мальное признание его прав, приглашение его в Россию и назначение наследником престола.

Образ действий императрицы при этом случае свидетельствует о затруднениях, с которыми она боролась в первое время своего царствования. Саксонский дипломат Пецольт доносил своему двору 19 ноября 1742 года: «Дело это велось до последнего часа так тайно, что ни правительствующий Сенат, ни вице-канцлер не имели о нем ни малейших предварительных сведений. Из всего этого можно заключить, что ближайшею причиною такой поспешности и скрытности было возрастающее внутреннее неудовольствие, для превращения которого сочли самым лучшим средством неожиданно представить народу наследника престола. Достигнется ли та цель, покажет время, но теперь событие это вызывает скорее притворную, чем неподдельную радость»¹.

Нужно было спешить с решением вопроса о престолонаследии еще потому, что Иоанн Антонович в это время казался опасным претендентом; был составлен заговор с целью захватить и умертвить Елизавету и ее племянника и возвести на престол свергнутого Иоанна Антоновича². Заговор был открыт, преступники наказаны. Однако вообще в то время не считали вероятным, чтобы Елизавета Петровна долго удержалась на престоле.

И за границу придавали особенное значение той опасности, которая грозила императрице со стороны брауншвейгской фамилии. Так, например, Фридрих II в августе 1743 года советовал Елизавете, ради собственной безопасности, разлучить членов несчастного семейства, заключить бывшую правительницу, Анну Леопольдовну, в монастырь, отправить бывшего императора, Иоанна Антоновича, в Сибирь, а герцога Антона Ульриха отпустить в Германию. Прусский король, в то время хлопотавший о женитьбе Петра Федоровича, заявил даже, что успех этого дела должен обуславливаться принятием строгих мер против брауншвейгского семейства³.

¹ «Сборник Исторического общества», VI, 463.

² Соловьев. «История России», XXI, 200.

³ Droysen. «Geschichte der preussischen Politik», V, 2, 152 и 153.

Герцог Голштинский в то время считался как бы средством обеспечения царствования Елизаветы. Когда он в декабре 1743 года заболел весьма опасно, императрица горько плакала и была в отчаянии. Ближайшие советники ее, Лесток и Брюммер, ожидали, в случае кончины наследника престола, страшной опасности для императрицы. Даже возникло предположение, в случае смерти Петра Федоровича отправить несчастное брауншвейгское семейство в Пруссию, предоставить воспитание Иоанна Антоновича Фридриху II и назначить бывшего императора наследником престола в России¹. Петр Федорович выздоровел, и намерения относительно освобождения из заключения брауншвейгского семейства были оставлены. Появление подобных проектов бесспорно свидетельствует о шаткости положения, в котором находилась Елизавета.

Так называемый заговор Ботты тоже заключал в себе доказательство непрочности престола императрицы. И в этом случае можно было видеть, что у брауншвейгской фамилии были приверженцы: с разных сторон появлялись слухи о предстоявшей в ближайшем будущем важной перемене, о готовившихся покушениях на жизнь Елизаветы и проч.²

В такое тревожное время вопрос о женитьбе наследника престола должен был иметь весьма важное значение. Сама императрица не думала о браке, не надеясь на прямых потомков. Тем более мысль о браке Петра Федоровича занимала императрицу. Назначение герцога Голштинского наследником престола считалось средством упрочения его. Рождение наследника у наследника могло быть обеспечением будущности государства.

Тогда-то была вызвана в Россию принцесса Ангальт-Цербстская София-Фредерика-Августа. В 1744 году никому не приходило на мысль, что Екатерине было суждено сделаться самодержавной русской государыней.

¹ Droysen, V, 2, 180.

² Там же, V, 2, 191.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Путь к престолу

ГЛАВА I

До брака

Императрица Екатерина в позднейшее время охотно вспоминала и в шутовском тоне говорила о той сравнительно скромной обстановке, в которой она, бывшая принцесса Ангальт-Цербстская София-Фредерика-Августа, родилась (21 апреля ст. ст., или 1 мая н. ст., 1729 года) и выросла в Штетине как дочь губернатора этого города, принца Христиана-Августа и принцессы Иоганны-Елизаветы, происходившей из Голштинского дома и бывшей, таким образом, в довольно близком родстве с великим князем Петром Федоровичем¹.

Граф Д.Н. Блудов рассказывал, что ему, при разборе архива Зимнего дворца, случилось читать неизданную собственноручную, писанную Екатериной II на французском языке тетрадь, посвященную ее приятельнице, графине П.А. Брюс, и содержащую в себе подробные ее рассказы о своем рождении и вообще о жизни ее до приезда в Россию². К сожалению, эта тетрадь, кажется, потеряна. В изданных Герценом «Записках Екатерины» почти ничего не сказано о молодости ее до приезда в Россию. Зато она в письмах к разным лицам неоднократно упоминает о многих чертах своей жизни в Германии до 1744 года.

¹См. подробности в моей статье «Жизнь Петра III до вступления на престол» в «Русском Вестнике», 1883, № 1, 184 и след.

²«Осмынацатый век», 1, 8.

Узнав в 1776 году о намерении барона Гримма посетить Штеттин, Екатерина писала ему в веселом расположении духа: «За-чем вам Штеттин? Вы никого там не застанете в живых, одного разве Лорана, дряхлого старика, который в молодости был ничтожеством; но если вы не можете освободиться от этой охоты, так знайте, что я родилась в доме Грейфенгейма¹, в Мариинском приходе, что я жила и воспитывалась в угловой части замка и занимала наверху три комнаты со сводами, возле церкви, что в углу. Колокольня была возле моей спальни. Там учила меня мамзель Кардель и делал мне испытания (Prüfungen) г-н Вагнер. Через весь этот флигель, по два или по три раза в день, я ходила, подпрыгивая, к матушке, жившей на другом конце. Впрочем, не вижу в том ничего занимательного; разве, может быть, вы полагаете, что местность что-нибудь значит и имеет влияние на произведение сносных императриц. В таком случае вам надо предложить прусскому королю, чтобы он завел там школу или рассадник в этом вкусе» и проч. В другом письме сказано: «Вы увидите, что со временем станут ездить в Штеттин на ловлю принцесс, и в этом городе появятся караваны посланников, которые будут там собираться, как за Шпицбергенем китовые», и проч.²

Несколько раз Екатерина упоминает о своей воспитательнице г-же Кардель. Считая свое первоначальное образование далеко не полным, она однажды заметила: «Что делать? — г-жа Кардель не могла выучить меня лучше». Другой раз она писала: «Мамзель Кардель и г-н Вагнер имели дело с непутною головою, которая все, что ей говорили, принимала наыворот». Мы знаем, что наставница Екатерины была хорошо знакома с литературой, что «кроме разных наук, она знала как свои пять пальцев всякие комедии и трагедии», что «она знала почти все, ничему не учившись, почти так же, как ее воспитанница». «Кардель была умная женщина», — пишет Екатерина; в другом

¹ О доме, где родилась Екатерина, см. статью Пички (Pitschky) «Die Sammlung russischer Denkmünzen in Stettin» в журнале «Baltische Studien», 32, кн. 3 и 4. Штеттин, 1882, 338 и след.

² «Сб. Исторического общества», XXIII, 51 и 55.

месте она рассказывает, что г-жа Кардель заставляла ее читать комедии Мольера. Своего наставника Вагнера Екатерина называла дураком и скучным педантом. В числе других педагогов упоминается учитель чистописания Лоран, кальвинист, французский эмигрант, о котором Екатерина писала к Гримму в 1775 году: «Хотя он был дурак, но не даром брал деньги за уроки каллиграфии». Учителем музыки был некто Реллиг, и о нем писала Екатерина к Гримму в шутиливом тоне¹. О какой-то графине Вахтмейстер Екатерина рассказывала в 1766 году: «Двадцать два года тому назад она бранила меня за то, что я не убирала моих волос»².

Нельзя сомневаться в том, что мать Екатерины мало заботилась о ее воспитании. Вот что Екатерина рассказывает, упоминая о приезде в Гамбург графа Гилленборга: «Это был человек очень умный, уже не молодой и очень уважаемый моею матушкой. Во мне он оставил признательное воспоминание, потому что в Гамбурге, видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, он говорил ей, что она напрасно не обращает на меня внимание, что я дитя выше лет моих и что у меня философское расположение ума»³.

Екатерина не всегда жила в Штетине, а иногда бывала и в других местах: в Эйтине, в Гамбурге, в Брауншвейге, в Цербсте и в Берлине. В 1739 году, в Эйтине, куда съехались разные члены Голштинского дома, она в первый раз видела своего двоюродного брата, будущего жениха и мужа, Петра Федоровича⁴. В Брауншвейге, где жила ее бабушка, герцогиня Вольфенбюттельская, она брала уроки закона Божия у лютеранского пастора Дове⁵. Там же, в 1742 или 1743 году, один каноник, упражняющийся в предсказаниях и хиромантии, ска-

¹ «Сб. Исторического общества», XXIII, 12, 18, 20, 50, 68, 78, 88.

² Там же, X, 106. Письмо к г-же Бьельке.

³ «Записки Екатерины», Лондон, 1859. 20.

⁴ Там же, 4, 26.

⁵ «Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters des Dritten». Leipzig, 1733, 135.

месте она рассказывает, что г-жа Кардель заставляла ее читать комедии Мольера. Своего наставника Вагнера Екатерина называла дураком и скучным педантом. В числе других педагогов упоминается учитель чистописания Лоран, кальвинист, французский эмигрант, о котором Екатерина писала к Гримму в 1775 году: «Хотя он был дурак, но недаром брал деньги за уроки каллиграфии». Учителем музыки был некто Реллиг, и о нем писала Екатерина к Гримму в шутиливом тоне¹. О какой-то графине Вахтмейстер Екатерина рассказывала в 1766 году: «Двадцать два года тому назад она бранила меня за то, что я не убирала моих волос»².

Нельзя сомневаться в том, что мать Екатерины мало заботилась о ее воспитании. Вот что Екатерина рассказывает, упоминая о приезде в Гамбург графа Гилленборга: «Это был человек очень умный, уже не молодой и очень уважаемый моею матушкой. Во мне он оставил признательное воспоминание, потому что в Гамбурге, видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, он говорил ей, что она напрасно не обращает на меня внимание, что я дитя выше лет моих и что у меня философское расположение ума»³.

Екатерина не всегда жила в Штетине, а иногда бывала и в других местах: в Эйтине, в Гамбурге, в Брауншвейге, в Цербсте и в Берлине. В 1739 году, в Эйтине, куда съехались разные члены Голштинского дома, она в первый раз видела своего двоюродного брата, будущего жениха и мужа, Петра Федоровича⁴. В Брауншвейге, где жила ее бабушка, герцогиня Вольфенбюттельская, она брала уроки закона Божия у лютеранского пастора Дове⁵. Там же, в 1742 или 1743 году, один каноник, упражняющийся в предсказаниях и хиромантии, ска-

¹ «Сб. Исторического общества», XXIII, 12, 18, 20, 50, 68, 78, 88.

² Там же, X, 106. Письмо к г-же Бьельке.

³ «Записки Екатерины», Лондон, 1859. 20.

⁴ Там же, 4, 26.

⁵ «Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters des Dritten». Leipzig, 1733, 135.

Как видно, мнение баронессы фон Принцен не согласовалось с гораздо более выгодным мнением о ней графа Гилленборга.

Об одной черте своего характера в молодости Екатерина пишет следующее: «Самым унижительным положением мне всегда казалось быть обманутой: быв ребенком, я горько плакала, когда меня обманывали, а между тем я поспешно исполняла все, что от меня ни требовали, и даже не правившееся мне, когда мне объясняли причины»¹.

Настоящее воспитание и развитие Екатерины относилось, впрочем, к несколько позднему времени, когда она сделалась невестой Петра, и к эпохе ее брака. Она, в сущности, была обязана своим образованием самой себе: большим запасом сведений она обладала благодаря собственным, самостоятельным занятиям.

Уже в 1743 году в Петербурге был возбужден и решен вопрос о женитьбе наследника престола. Еще до этого, а именно в конце 1742 года, английский посланник Уич (Wich) сделал предложение о браке Петра с одной из дочерей английского короля; рассказывают, что портрет этой принцессы чрезвычайно понравился Петру². С другой стороны, зашла речь об одной французской принцессе, однако императрица Елизавета не желала этого брака³. Из записок Фридриха II видно, что императрица Елизавета при выборе невесты для своего племянника «всею более склонялась на сторону принцессы Ульрики, сестры прусского короля». Зато выбор Бестужева пал на Саксонскую принцессу Марианну, дочь польского короля Августа III, ибо этот брак вполне соответствовал политической системе канцлера, союзу между морскими державами, Россией, Австрией и Саксонией, для сдерживания Франции и Пруссии⁴.

В это время, однако, Бестужев не пользовался особенным доверием Елизаветы. Она любила говорить о делах с воспитателем

¹ «Сб. Ист. общ.», VII, 89.

² Droysen. «Gesch. d. preuss. Politik.», V, 2, 134 и 147.

³ Herrmann. «Gesch. d. russ. Staats», V, 76—77.

⁴ «Histoire de mon temps» Фридриха II в издании «Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven». Berlin, 1876, IV, 302—303.

великого князя Петра Федоровича, Брюммером, и со своим врачом, Лестоком. Без ведома Бестужева императрица, через посредство Брюммера, начала переговоры о браке с княгиней Ангальт-Цербстскою.

С давних пор между русским двором и родственниками невесты великого князя Петра Федоровича существовали довольно близкие сношения. Брат княгини Иоганны-Елизаветы, епископ Любский Карл, при Екатерине I был в России в качестве жениха Елизаветы Петровны. Он вскоре умер, но Елизавета не переставала питать некоторую привязанность к его родственникам. Еще до мысли о браке Петра с принцессою Ангальт-Цербстскою, она находилась в переписке с ее матерью. Так, например, Иоганна-Елизавета, тотчас после государственного переворота, в конце 1741 года, поздравила императрицу Елизавету с восшествием на престол; в ответ на это письмо императрица просила принцессу Ангальт-Цербстскую прислать ей портрет Анны Петровны, находившийся у Иоганны-Елизаветы. Портрет, конечно, был прислан, и в том же 1742 году императрица подарила Иоганне-Елизавете свой собственный портрет, осыпанный бриллиантами в 18 000 рублей. Рассказывают, что Фридрих II, желая угодить императрице Елизавете, повысил Христиана-Августа Ангальт-Цербстского в чине, пожаловав его в 1742 году фельдмаршалом¹. В марте 1743 года принц Август Голштинский прибыл в Петербург и привез для императрицы портрет принцессы Софии-Фредерики-Августы Ангальт-Цербстской².

По некоторым известиям, первая мысль о браке Петра с этой принцессою принадлежала прусскому министру Подевилюсу³. По другим данным, воспитатель Петра Брюммер первый внушил эту мысль императрице Елизавете⁴. Нет сомнения, что прусский резидент в Петербурге Мардефельд содействовал осуществле-

¹ «Осмынадцатый век», I, 11—12.

² Записки Штелина в «Чтениях», 1866, IV, Смесь, 86.

³ L. Ranke. «Neun Bucher preussischer Geschichte», III, 125.

⁴ См. его письмо к Иоганне-Елизавете у Соловьева, XXI, 321 и след.

нию этого плана. Когда все было решено и улажено, невеста Петра, в письме своем из Москвы к Фридриху II, выразила последнему благодарность, считая его главным виновником своего счастья¹.

Решение вопроса о браке встретило некоторое затруднение, заключавшееся в близком родстве жениха и невесты. Духовенство легко могло воспротивиться заключению этого брака. Фридрих II говорит в своих записках: «Чтобы устранить эту помеху, не падали денег: этим способом во всех странах опровергаются возражения»².

В конце 1743 года Иоганна-Елизавета отправилась с дочерью из Штетина в Цербст, чтобы провести праздник Рождества в семейном кругу. Как кажется, они совсем не знали о переговорах относительно брака Петра Федоровича до 1 января 1744 года. В этот день, после утреннего богослужения в дворцовой часовне в Цербсте, они получили эстафетой из Берлина письмо Брюммера от 17 декабря нового стиля. В тот же день, позднее, получено было и письмо Фридриха II от 30 декабря, в котором заключалось предложение отправиться в Россию.

Сохранилась краткая заметка молодой принцессы, где говорится о впечатлении, произведенном на нее и на ее мать столь важным известием. Иоганна-Елизавета при этом случае вспомнила о заслугах знаменитого писателя Олеария, за сто лет до этого содействовавшего некоторому сближению между Московским государством и Голштиниею³. В ответном письме к прусскому королю Иоганна-Елизавета замечает, что никак не могла думать о возможности такого оборота в жизни дочери⁴, и при том дает обещание во всех отношениях руководствоваться советами Фридриха II.

¹ «Сб. Ист. общ.», XX, 149.

² См. подробности по этому вопросу в сочинении Шлецера «Friedrich der Grosse und Katharina II», Berlin, 1859, 35.

³ L. Ranke. «Neun Bucher preuss. Gesch.», III, 127.

⁴ Siebigk. «Katharina II Brautreise nach Russland». Dessau, 1873, 140.

Нужно было поспешно собираться в дорогу. Значение России было таково, что в подобных случаях выражение желания императрицы считалось как бы приказанием. Принцесса Иоганна-Елизавета самым тщательным образом старалась держаться инструкций, которые сообщал ей Брюммер. Были приняты все меры для сохранения в тайне путешествия Ангальт-Цербстских принцесс в Россию. 12 января 1744 года (31 декабря 1743 г.), они выехали из Цербста и через два дня прибыли в Берлин, где совещались с министром Фридриха II, Подевильсом.

Дипломаты начали подозревать нечто необыкновенное. Австрийский посланник в Берлине прямо спросил Подевильса и Бюлова, не предполагается ли брак Ангальт-Цербстской принцессы с русским наследником. Прусские сановники отвечали уклончиво¹.

К этому времени относится составление записки, или «Рго Мемогіа», принца Христиана-Августа для дочери. Здесь особенное внимание обращается на предстоявшее Екатерине принятие православия. Затем принц дает дочери разные наставления о том, как она должна относиться к императрице Елизавете, к великому князю, к царедворцам и проч. Принцесса, сказано далее, должна держать себя осторожно, с достоинством, уклоняться от всякого участия в политических делах², не заступаться ни за кого и т.д. Ввиду широкой политической деятельности Екатерины совет отца ее не вмешиваться в дела производит довольно странное впечатление. На пути в Россию принцесса, в письме к отцу из Кенигсберга, торжественно обещала постоянно руководствоваться его советами³.

Путешествие зимой было сопряжено с затруднениями. Зато прием, оказанный принцессам в Риге, в Петербурге и в Москве, отличался особенною торжественностью. Принцесса Иоганна-Елизавета была в восхищении от роскоши, пышности и церемо-

¹ Droysen. «Gesch. d. preuss. Pol.», V, 2, 215.

² Siebigk. «Jnsonderheit in keine Regierungs-Sachen zu entriren um den Senat nicht zu aigriren», 145.

³ «Сборник Ист. общ.», VII, 1—2.

ниала, окружавших ее и ее дочь по приезде в Россию и не похожих на сравнительно скромную обстановку из житья-бытья в Штеттине и Цербсте.

В Риге путешественницы узнали кое-что о содержавшихся в то время в крепости Динаминд принце и принцессе Брауншвейгских, которых княгиня Иоганна-Елизавета называет «государственными преступниками»¹; в Петербурге им рассказали некоторые подробности о государственном перевороте в ноябре 1741 года. В Москве императрица особенно радушно приветствовала принцессу и ее дочь. Увидев сестру своего бывшего жениха, Елизавета не могла удержаться от слез².

Первое впечатление, произведенное принцессою Иоганною-Елизаветою и ее дочерью на императрицу, было чрезвычайно благоприятно. Однако в то же время они видели себя окруженными придворными интригами. Для приверженцев проекта саксонской женитьбы приезд Ангальт-Цербстских принцесс был громовым ударом. Они не хотели отказаться от своих намерений. Саксонский резидент продолжал хлопотать об этом деле, обещая Курляндию как приданое невесты Марианны³. Шетарди писал, что Бестужев приведен в ярость приездом принцесс Цербстских и сказал: «Посмотрим, могут ли такие брачные союзы заключаться без совета с нами, большими господами этого государства»⁴. Все это не имело значения, пока императрица оставалась расположенною в пользу принцессы Иоганны-Елизаветы и ее дочери. В первое время она была чрезвычайно довольна и осыпала приезжих милостями⁵.

Из записок Екатерины видно, что она, имея тогда не более пятнадцати лет, с первой же минуты своего пребывания при русском дворе, при всех затруднениях, держала себя осторожно, действовала осмотрительно и постоянно мечтала о будущем сво-

¹ Siebigk, 32. Рассказы о встрече Екатерины с Броуном в Риге в «Русской Старине», IV, 694, и V, 129, кажется, лишены основания.

² «Сб. Ист. общ.», VII, 23—26.

³ Droysen, V, 2, 216.

⁴ Соловьев, XXI, 331.

⁵ Записки Штелина в «Чтениях», 1866, IV, 87.

ем величии. Происходили разные столкновения то с матерью, которая, отличаясь честолюбием, не всегда обращала достаточно внимания на интересы дочери и обнаруживала отсутствие такта, то с императрицей, которая вскоре начала выказывать некоторое недоверие к молодой принцессе, то с женихом, который казался весьма мало способным любить и уважать назначенную для него невесту. При всех этих затруднениях Екатерина приняла твердое решение не останавливаться ни перед каким препятствием, преодолевать все преграды, мешавшие ей достигать желанных целей, пользоваться всевозможными средствами для составления себе выгодного положения. В ее действиях заметен холодный расчет, видно спокойное соображение всех обстоятельств. Она старалась составить себе точное понятие о том, какой образ действий должен считаться целесообразнейшим. Во что бы то ни стало она хотела надеть обещанную ей судьбою русскую корону. Обстоятельства принуждали ее действовать вполне самостоятельно и надеяться исключительно на собственную силу. Среди пышного двора, шумных увеселений и празднеств, постоянно окруженная толпою, молодая принцесса чувствовала себя в совершенном одиночестве. Нельзя не удивляться той сосредоточенности, той энергии и силе воли, которыми в то время отличались поступки невесты Петра Федоровича. У нее не было никаких советников или наставников. Мелочность, склонность к интригам, поверхностное образование лиц, окружавших Екатерину, отталкивали ее, внушали ей презрение к той среде, в которой ей приходилось жить целые восемнадцать лет, до вступления на престол. В противоположность ничтожности интересов других лиц при дворе императрицы Елизаветы Екатерина отличалась стремлением к целям высшего образования, серьезными занятиями наукой и литературой, обращением внимания на идеалы эпохи просвещения.

Внешняя обстановка, в которой находилась принцесса, была далеко не благоприятною. Отношения ее к жениху не могли обещать ей счастливого брака. Она стояла выше Петра, превосходя его и сосредоточенностью характера, и стремлением к образованию, познаниями, железной волей и умением обращаться с людьми.

Нельзя не признать, что обстоятельства, при которых воспитывался и развивался жених Екатерины, были также весьма неблагоприятны. Много было сделано для того, чтобы вредно повлиять на его умственное и душевное развитие. Матери он лишился, имея всего несколько недель от роду, а отца — в то время, когда ему было одиннадцать лет. Во все время своего детства он был предоставлен надзору невнимательных, плохо подготовленных воспитателей, склонных к интригам и жестокостям царедворцев и грубых слуг. Тетка юного герцога, императрица Елизавета, в 1745 году велела русскому посланнику в Копенгагене, барону Корфу, собрать подробные сведения о его детстве до 1742 года. Тогда узнали, что попечения о физическом развитии мальчика были столь же неудовлетворительными, сколько и заботы о его нравственности или обучении. Часто по несколько часов ребенка заставляли дожидаться обеда. Раздраженный и запуганный постоянными угрозами и наказаниями, мальчик, ненавидевший своих наставников, нередко хворал, страдал головными болями и рвотою. Даже в летнюю пору ему едва позволяли движение на свежем воздухе; зато заставляли участвовать в танцах, тогда как он не любил этого развлечения. Особенною грубостью в обращении с герцогом отличался Брюммер, о котором другой из наставников герцога заметил, что он способен разве обучать лошадей, а не воспитывать принца¹. После кончины отца положение Петра Федоровича ухудшилось еще более; его дядя, Адольф Фридрих, управлявший герцогством, не заботился о воспитании племянника. Родственники Петра вообще не были высокого мнения о его способностях. Молодая принцесса Ангальт-Цербстская, увидевшая одиннадцатилетнего Петра в Эйтине, слышала там довольно резкие отзывы о характере его. В записках Екатерины сказано: «Тут я услышала, как собравшиеся родственники толковали между собою, что молодой герцог наклонен к пьянству, что его приближенные не дают ему напиваться за столом, что он упрям и вспыльчив, не любит своих приближенных и особливо Брюммера, что, впрочем, он довольно живого нрава, но сложения слабого и болезненного. Дейст-

¹ См. записку Корфа у Соловьева, XX, 86—88.

вительно, сказано далее в записках Екатерины, цвет лица его был бледен; он казался тощ и нежного темперамента. Он еще не вышел из детского возраста, но придворные хотели, чтобы он держал себя как совершеннолетний. Это тяготило его, заставляя быть в постоянном принуждении. Натянутость и неискренность перешли от внешних приемов обращения и в самый характер¹.

Сам Петр сообщил своему наставнику в России, Штелину, кое-какие подробности о неблагоприятных условиях своего воспитания в Киле. Неспособный учитель древних языков успел внушить ему непреодолимое отвращение к латинскому языку. Когда после приезда в Петербург, в 1742 году, его подвергли некоторому испытанию, то оказалось, что сведения великого князя были чрезвычайно скудны.

Нет сомнения, что Штелин не щадил ни труда, ни времени при обучении Петра. Он придумал для него систему наглядного обучения в больших размерах, старался путем беседы объяснять главные начала истории и государственных наук, математики, фортификации и проч. Для обучения Петра, по требованию Штелина, были доставлены из академии наук гравюры, коллекции медалей, великолепные издания разного рода; были составлены, по указаниям Штелина, модели крепостей, военных снарядов и проч. Однако успехи ученика оставались неудовлетворительные. Принц часто хворал; к тому же участие в придворных празднествах и церемониях прерывало занятия науками. Брюммер продолжал относиться весьма невнимательно к потребностям и нуждам Петра. Весьма часто великий князь оставался без всякого надзора, предоставленный пагубному влиянию бесед с прислугой и занимаясь ребяческими развлечениями. Напрасно Штелин делал ему внушения о необходимости держать себя с большим достоинством: ребяческие игры не прекращались и в позднейшее время. К тому же не ослабевала и упорная неприязнь между великим князем и Брюммером. Однажды последний в порыве ярости едва не прибил великого князя. Петр, в страшном раздражении, убежал в спальню и

¹Записки Екатерины, 2—5.

возвратился оттуда со шпагою. С величайшим трудом Штелину удалось положить конец этой неприятной сцене¹.

Не только из записок Екатерины и Штелина, но также из деловых бумаг, из инструкций, составленных для лиц, окружавших Петра, видно, что у последнего не доставало склонности к серьезным занятиям и силы воли и что он не понимал своего положения.

О своих отношениях к великому князю после своего приезда в Россию Екатерина пишет: «Казалось, великий князь был рад приезду моей матери и моему. Мне тогда был пятнадцатый год. В первые дни он был очень предупредителен ко мне. Уже тогда, в это короткое время, я увидала и поняла, что он мало ценил народ, над которым ему суждено было царствовать, что он держался лютеранства, что он не любил своих приближенных и что был очень ребячлив. Помню, как, между прочим, он сказал мне, что ему всего более нравится во мне то, что я его двоюродная сестра, и что по родству он говорит со мною откровенно; вслед за тем он мне открылся в своей любви к одной из фрейлин императрицы, удаленной от двора по случаю несчастия ее матери, г-жи Лопухиной, которая была сослана в Сибирь; он мне объяснил, что желал бы жениться на ней, но что готов жениться на мне, так как этого желает его тетка. Я краснела, слушая эти излияния родственного чувства, и благодарила его за предварительную доверенность; но в глубине души я не могла не дивиться его бесстыдству и непониманию многих вещей»².

Из этих замечаний видно, в какой мере Екатерина с самого начала стояла выше Петра по умственному развитию, какое жалкое впечатление производил он на нее и какое внимание обращала она с первого времени своего пребывания в России на свои отношения к народу и к той стране, которая должна была сделаться для нее второю родиной. Она старалась по возможности скорее выучиться русскому языку, ознакомиться с началами православного церковного учения и даже вставала

¹ «Чтения», 1866, IV, Смесь, 66—94.

² Записки Екатерины, 8.

по ночам, чтобы вытверживать наизусть тетради, которые давал ей ее учитель Ададуров. Когда она заболела опасно и мать ее хотела было призвать к ней лютеранского пастора, она сказала: «Зачем же? Позовите лучше священника Симона Тодорского, я охотно поговорю с ним». Рассказывая об этом эпизоде, Екатерина прибавляет: «Его привели, и мой разговор с ним в присутствии посторонних был всем очень приятен. Это значительно расположило в мою пользу как императрицу, так и весь двор»¹.

Цель принцессы была достигнута. Вскоре по приезде ее в Россию в «С.-Петербургских Вестниках» было напечатано: «Молодая принцесса показывает великую охоту к знанию русского языка и на изучение оного ежедневно по несколько часов употреблять изволяет»². Там же с похвалою говорилось о «неусыпной терпеливости» Екатерины во время болезни³.

Приверженцы проекта брака Петра с саксонской принцессою имели неосторожность обнаружить свою радость во время болезни молодой принцессы. Это сильно рассердило императрицу, и она сказала Брюммеру и Лестоку, что приверженцы саксонского брака ничего не выиграют, и если бы она имела несчастье потерять такое дорогое дитя, как Екатерина, то все же саксонской принцессы никогда не возьмет⁴.

Положение Екатерины и после выздоровления оставалось опасным и трудным. Ей даже нельзя было рассчитывать на постоянство расположения к ней императрицы. Между последнею и принцессою Елизаветою происходили недоразумения и столкновения. По случаю одного крупного разговора между матерью Екатерины и Елизаветою Петровною Лесток сказал принцессе: «Укладывайтесь; вы тотчас же отправляетесь в дорогу и возвращаетесь к себе домой». Сообщая об этом эпизоде в своих записках, Екатерина прибавляет: «Я видела ясно, что великий князь

¹ Записки Екатерины, 8.

² «Сб. Ист. общ.», VII, 26.

³ «Осмынацатый век», I, 45—46.

⁴ Соловьев, XXI, 327—329.

расстался бы со мной без сожаления. Что касается меня, то, зная его свойства, я бы не пожалела о нем; но к русской короне я не была так равнодушна»¹.

Эти неприятности были следствием участия принцессы Иоганны-Елизаветы в каких-то крамолах, имевших целью свержение Бестужева. Он оставался некоторое время опасным противником Екатерины и ее матери и был главным виновником того, что Иоганна-Елизавета, навлекшая на себя немилость императрицы, тотчас же после свадьбы дочери должна была выехать из России.

Трудно сказать, как сама Екатерина внутренне относилась к вопросу о перемене религии. Мардефельд писал Фридриху II: «Я недоумеваю лишь относительно следующего обстоятельства: мать думает или показывает вид, что думает, будто молодая принцесса не решится принять православия». Вследствие этого король писал к Иоганне-Елизавете: «Мне остается только просить вас победить в вашей дочери отвращение к православию». Иоганна-Елизавета попыталась было, в беседе с императрицей, выставить на вид, ссылаясь на пример супруги царевича Алексея Петровича, что и ее дочь могла бы сделаться супругою наследника всероссийского престола, не принимая православия; но императрица настаивала на необходимости перемены исповедания. Очевидно с целью успокоить тревожившегося мыслью об этой мере отца молодая принцесса в это время писала ему, что после тщательного изучения дела она убедилась в ничтожности различия между исповеданиями в отношении догматов и в том, что различие относится более к внешнему богослужению. При всем этом, однако, Мардефельд доносил королю Фридриху II, что молодая принцесса часто находилась в страшном волнении, что она плакала и что нужно было тайком приглашать к ней лютеранского пастора, дабы хоть несколько успокоить ее. Ко всему этому, однако, Мардефельд прибавляет: «Честолюбие берет свое»².

Таким образом, превращение «принцессы Ангальт-Цербст-

¹Записки Екатерины, 15.

²«L'ambition en prend a la fin le dessus».

ской, Софии-Августы-Фредерики» — так она подписывала свое имя до конца июня 1744 года — в «Екатерину» было неминуемо. Скромная «Fiekchen», как называл ее отец (сокращение имени Sophie), сделалась невестой, затем супругой наследника русского престола и, наконец, императрицей.

28 июля 1744 года происходила церемония принятия Екатериною православия. Мардефельд писал, что она «держала себя как настоящая героиня». Это свидетельство подтверждается письмами матери и других лиц¹. И по случаю принятия православия, и впоследствии Екатерина своим внешним благочестием производила обыкновенно глубокое впечатление на публику, представляя совершенную противоположность Петру III, относившемуся чрезвычайно небрежно к религиозным обязанностям. В своих записках Екатерина рассказывает, как Петр в первое время брака порицал ее за соблюдение постов.

Еще до свадьбы отношения к жениху становились все более и более холодными. Петр не любил общества невесты и тещи; между ним и княгиней Иоганною-Елизаветою происходили иногда шумные сцены; зато он был счастлив в компании своих придворных лакеев и занимался детскими играми, между тем как Екатерина чрезвычайно ревностно занималась чтением книг, которые получала из библиотеки академии наук, и с большим успехом изучала русский язык.

В то время как великая княгиня во всех своих действиях соблюдала крайнюю осмотрительность, стараясь составить себе точно выработанную программу для той роли, которую ей приходилось играть в России, Петр не имел сознания о важности своего положения, на каждом шагу обнаруживал полнейшее отсутствие такта и отличался ребяческою болтливостью.

Так, например, Петр простодушно сообщил своей невесте, что его камердинер, бывший шведский драгун, наставлял его, как должно обращаться с женою; наставления заключались в том, что жене не следует позволять пикнуть перед мужем, что она не должна вмешиваться в дела мужа, и что, как скоро она заговорит, ее должно заставить молчать, и проч. В другой

¹Schlozer, 51.

раз Петр через одного из слуг велел сказать невесте, что так как он в летнем дворце живет слишком далеко от нее, то не может часто видаться с нею, и т.п. Екатерина замечает в своих записках: «Я хорошо чувствовала, как ему мало было до меня дела, но я была слишком горда, чтобы горевать о том; я сочла бы для себя унижением, если бы кто-нибудь смел изъяснить мне сострадание. Но тем не менее, оставаясь одна, я заливалась слезами». О своем образе действий Екатерина в это время сообщает следующее: «Я обращалась со всеми как можно лучше и старалась приобрести дружбу или, по крайней мере, смягчить неприязнь тех людей, которых я могла подозревать в неблагоприятном к себе расположении. Я не хотела держаться никакой партии, ни во что не вмешивалась, всегда показывала веселый вид, была предупредительна, внимательна и вежлива со всеми. Я была от природы веселого нрава и с удовольствием замечала, что с каждым днем росло расположение ко мне публики, которая смотрела на меня, как на замечательного и умного ребенка. Я показывала великую почтительность матушке, беспредельное послушание императрице, отличную внимательность великому князю и, одним словом, всеми средствами старалась снискать любовь публики»¹.

Между тем как Петр, по рассказу Штелина, «в безбрачном состоянии проводил время в одних увеселениях»², Екатерина, по совету приехавшего в то время в Россию графа Гилленборга, занялась чтением сочинений Плутарха, Цицерона и Монтескье. Не без основания она писала впоследствии: «Пятнадцатилетнею девушкою я была в уединении и занималась усердно». Весьма любопытен следующий ее рассказ о случае с графом Гилленборгом: «Приехав в Петербург и посетив нас, он спрашивал, что случилось с моею философией в суете придворной жизни. Я ему пересказала, чем я занималась у себя в комнате. Он возражал, что философ пятнадцати лет не может знать себя, что я окружена столькими подводными камнями, что надобно весьма опасаться, чтобы не потерпеть крушения, если только душа моя не

¹Записки Екатерины, 25—26, 33.

²«Чтения», 1866, IV, 87—89.

самого высокого закала... Я ему сказала, что я набросаю ему мой портрет таким, каким он мне известен, для того чтобы он мог видеть, знаю ли я себя или нет. И действительно, я набросала на бумаге собственное изображение под заглавием «Портрет пятнадцатилетнего философа» и отдала его графу Гилленборгу. Много лет спустя, именно в 1758 году, я нашла у себя эту тетрадь и сама удивилась, с какой глубиной и точностью изображала я себя самое. Гилленбург через несколько дней возвратил мне мое сочинение; не знаю, взял ли он с него список. Он прибавил к нему страниц двенадцать своих размышлений обо мне, которыми старался укрепить во мне возвышенность и твердость души, равно и другие качества ума и сердца. Много раз я читала и перечитывала эти размышления и старалась проникнуться ими. Я дала себе обет искренно следовать его советам, а как скоро я давала себе в чем-нибудь обет, то я не помню, чтобы когда-нибудь не исполняла его. По желанию графа Гилленборга, я отдала ему назад его размышления. Я должна признаться, что склад ума моего и души моей образовался и укрепился под его значительным влиянием»¹.

Из следующего обстоятельства видно, какое значение придавала Екатерина влиянию Гилленборга. Когда в 1766 году сын графа приехал в Россию, императрица в ответе на письмо, которое она при этом случае получила от графа Гилленборга, писала: «Письмо ваше доставило мне тем более удовольствия, что в нем увидела те же знаки внимания, которые оказывали вы мне более чем двадцать лет тому назад... я считаю себя очень и очень обязанною вам, и если имею некоторые успехи, то в них вы участвуете, так как вы развили во мне желание достигнуть до совершения великих дел» и проч.²

Обстановка, в которой великая княжна находилась в это время, была далеко не отрадною. Мелочность и раздражительность матери ее доходили до крайних пределов. Императрица была недовольна Екатериною, упрекая ее в расточительности. После припадка болезни, случившегося с нею весною 1744 года в Москве, она

¹Записки Екатерины, 20—21.

²«Сб. Ист. общ.», X, 157.

хворала, страдала болью в груди и сильно похудела. И великий князь был опасно болен оспой, после которой, как пишет Екатерина, «черты его сделались грубее» и он «стал ужасно дурен».

О своем настроении в то время, когда приближался день свадьбы, Екатерина рассказывает: «По мере того, как приближался этот день, меланхолия все более и более овладевала мною. Сердце не предвещало мне счастья: одно честолюбие меня поддерживало. В глубине души моей было, не знаю, что-то такое, ни на минуту не оставлявшее во мне сомнения, что рано или поздно я добьюсь того, что сделаюсь самодержавною русскою императрицею»¹.

Бракосочетание было совершено 25 августа 1745 года с чрезвычайным великолепием. Образцами для церемониала служили свадьба французского дофина в Версале и бракосочетание сына короля Августа III в Дрездене². Празднества продолжались десять дней. Вскоре после этого Иоганна-Елизавета должна была выехать из России. Штелин замечает в своих записках: «Мать великой княгини возбудила в канцлере подозрение своим прусским и французским образом мыслей, и потому он хлопотал у императрицы об ускорении ее отъезда. Она придерживалась более партии Лестока и графа Брюммера, чем канцлера, графа Бестужева; это лишило ее благосклонности и доверия императрицы, которая, чтобы удалить ее, спешила бракосочетанием великого князя вопреки советам придворных врачей»³.

Отец Екатерины умер в 1747 году в Цербсте. В записках Екатерины сказано: «Это известие меня очень огорчило. На восемь дней меня оставили в покое, и я могла плакать, сколько хотела; но на восьмой день Чоглокова объяснила мне, что довольно плакать и что императрица приказала перестать, так как отец мой не был король»⁴. Благодаря подозрительности Бестужева была пресечена возможность переписываться с матерью;

¹ Записки Екатерины, 33.

² «Histoire de Pierre III». Londres, 1774, стр. 82; Siebigk, 103.

³ «Чтения», 186, IV, 88—89.

⁴ Записки Екатерины, 56.

ей только дозволялось писать письма, наполненные общими местами. В приписке к одному из таких писем встречается намек на стесненное положение Екатерины, которая должна была искать случая для тайной переписки с матерью; так, она получала от последней письма чрез мальтийского кавалера Сакромозо и отправляла к ней через него же ответы. Ей было сказано, что русской великой княгине неприлично писать другие письма, кроме тех, которые сочиняются в коллегии иностранных дел¹.

Мать Екатерины в 1758 году поселилась в Париже, где и скончалась в 1760 году среди печальных условий жизни. Отношения Екатерины к брату, Фридриху-Августу, были постоянно холодны. Уже в 1746 году она формально отказалась от всяких прав на Ангальт-Цербстское княжество. Все ее интересы сосредоточивались в России, сделавшейся для нее второю родиною.

Однако уже в первые дни брака будущность являлась ей в довольно мрачном свете. Она пишет: «Мой любезный супруг решительно не занимался мною, но все время проводил со своими лакеями, играя в солдаты, экзерцируя их в своей комнате или переменяя мундиры по двадцати раз на день. Я скучала и зевала; мне не с кем было сказать слова; либо же я должна была разыгрывать великую княгиню»².

Более чем когда-либо Екатерина была предоставлена самой себе. С необычайною силою воли она опять-таки принялась за решение трудной задачи самовоспитания.

¹ Записки Екатерины, 65—67.

² Там же, 33.

ГЛАВА II

Брак

При противоположности характеров Петра и Екатерины можно было бы считать вероятным, что отзывы о Петре в записках его супруги не лишены пристрастия. Изображение Петра в этом замечательном историческом памятнике производит впечатление карикатуры. Однако предоставляется возможность проверить и содержание, и тон рассказов Екатерины другими источниками, и тут оказывается, что строгая критика, которой в записках Екатерины была подвергнута личность Петра, вполне соответствует фактам. Она же подтверждается и историей царствования и гибели Петра.

В записках Екатерины сказано: «Я очень хорошо видела, что великий князь вовсе не любил меня; через две недели после свадьбы он опять признался мне в своей страсти к девице Карр, фрейлине императрицы. Графу Девиеру он сказал, что между этою девушкою и мною не может быть никакого сравнения. Девиер был противного мнения; он на него рассердился за это. Сцена эта происходила почти в моем присутствии. В самом деле, рассуждала я сама с собою, не истребляя в себе нежных чувств к этому человеку, который так дурно платил за них, я непременно буду несчастлива и измучаюсь ревностью без всякого толку. Вследствие этого я старалась восторжествовать над моим самолюбием и изгнать из сердца ревность относительно человека, который не любит меня; но для того,

чтобы не ревновать, было одно средство — не любить его. Если бы он желал быть любимым, то относительно меня это вовсе было нетрудно; я от природы была склонна и привычна к исполнению моих обязанностей, но для этого мне был нужен муж с здравым смыслом, а мой его не имел»¹.

Затем Екатерина рассказывает подробно о ребяческих занятиях мужа, о кукольной комедии, которою он забавлялся по целым часам, о дрессировках собак, причем он безжалостно мучил несчастных животных, о разных маскарадах в обществе придворных лакеев и проч. То он был невыносим постоянною игрою на скрипке, то по целым часам упражнялся кучерским кнутом, которым хлестал направо и налево, и т.п. Причудам Петра не было конца. То он заставлял Екатерину вставать ночью и одеваться, чтобы есть с ним устрицы, то беспрестанно толковал о своем намерении выстроить близ Ораниенбаума увеселительный дом, на манер капуцинского монастыря. Иногда он заставлял Екатерину играть с ним в карты, причем, например, однажды его ночной кошак представлял собою сумму в 10 000 рублей. Не мудрено, что все это сильно надоедало великой княгине. Она пишет: «При всей моей решимости угождать ему и быть с ним терпеливою, очень часто — признаюсь откровенно — его посещения, прогулки и разговоры надоедали мне до чрезвычайности... Когда он уходил, самая скучная книга казалась мне приятным развлечением»².

Все эти рассказы подтверждаются замечаниями в записках Штелина. «Великий князь, — сказано тут, — забывает все, что учил, и проводит свое время в забавах с невеждами». Петру нужны были игрушки; ему нужна была фамильярность с прислутою. Лета в этом отношении ничего не изменили. Штелин жалуется на то, что «все употребляется на забавы, на пригонку прусских гренадерских касок, на экзерцицию с служителями и пажами, а вечером на игру»³.

Мало того что Петр играл в солдаты со своими лакеями, —

¹Записки Екатерины, 38.

²Там же, 119.

³«Чтения», 1866, IV, Смесь, 90 и 91.

у него было множество маленьких куколок, или солдатиков деревянных, свинцовых, восковых и проч., которых он расставлял на столах; вдоль столов были прибиты медные решетки, а к ним привязаны шнуры, и если дернуть за шнурок, то медная решетка издавала звук, который, по мнению Петра, походил на ружейный залп. Однажды Екатерина, войдя в комнату мужа, была поражена представившимся зрелищем. Посредине кабинета была повешена огромная крыса. Петр объяснил, что казнь происходила за уголовное преступление по военным законам за то, что крыса, забравшись на бастионы картонной крепости, съела двух часовых, сделанных из крахмала, и проч.¹ Это случилось в 1753 году, в восьмой год брака Петра.

Нельзя предполагать, чтобы в этих рассказах Екатерины заключалось преувеличение или пристрастие. Такая же характеристика Петра встречается в донесениях иностранных дипломатов. Дальон писал в марте 1746 года, что Петр делает всем неприятности, не исключая и жены, у которой разум превосходит лета; он же склонен к вину, водится с людьми пустыми и главная забава его — кукольный театр. В августе 1747 года Финкенштейн доносил своему королю Фридриху II: «Надобно полагать, что великий князь никогда не будет царствовать в России; не говоря уже о слабом здоровье, которое угрожает ему рановременную смертью... надобно признаться, что поведение его вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, как принц его лет может вести себя до такой степени ребячески. Некоторые думают, что он притворяется, но в таком случае он был бы мудрее Брута. К несчастию, он действует безо всякого притворства. Великая княгиня ведет себя совершенно иначе»².

Нет сомнения, что сама императрица Елизавета считала своего племянника как бы несовершеннолетним. Из инструкции, составленной Бестужевым для лиц, окружавших великого князя, видно, что Елизавета знала о забавах Петра, об отсутствии всякого достоинства в его образе действий. Поэтому она считала нужным усилить надзор над великим князем, назначить что-то

¹ Записки Екатерины, 140.

² Соловьев, XXI, 51—52.

вроде опеки над ним. Некоторые лакеи, особенно деятельно участвовавшие в ребяческих увеселениях Петра, были удалены от двора; из инструкции видно, что Петр во время богослужения в церкви обнаруживал полнейшее отсутствие такта, что императрице было хорошо известно грубое обращение Петра с женою, что она знала об игре в солдаты, о кукольной комедии и проч. Поэтому было предписано соблюдение известного порядка при распределении времени: было указано, как Петр должен вести себя при беседах с разными людьми, за столом и т.д., что он не должен «являть ничего смешного, притворного и подлого в словах и минах», что он должен удерживаться «от шалостей над служащими», «от неистовых издевок над бедными служителями», от «всякой фамильярности» с прислугой. По поводу игры в солдаты в инструкции было сказано: «Не позволять притаскивание всяких непристойных вещей, а именно: палаток, ружей, барабанов и мундиров»... «яко же мы едва понять можем, что некоторые из оных (лиц, окружавших великого князя) дерзость возымели так называемый полк в покоях его высочества учредить» и т.п.¹

Впрочем, все эти предписания оставались на бумаге, и ребяческие забавы Петра не прекращались. Чоглоков, которому поручили надзор над великим князем, был, как мы знаем не только из записок Екатерины, но также из замечаний Штелина, мало способным и бесхарактерным человеком.

В особенности продолжалась недостойная игра в солдаты. В 1755 году явились из Голштинии офицеры и солдаты, с которыми Петр в Ораниенбауме жил по-лагерному. Недаром Штелин смеялся над мелочностью и ребячеством такой игры в солдаты, дразнил великого князя тем, что он, в качестве голштинского офицера, считал нужным курить табак, между тем как до этого он не мог терпеть табачного дыму. Ко всему этому присоединились попойки, к которым Петр привык уже и прежде в компании лакеев и которые затем в Ораниенбауме, во время лагерной жизни князя, очевидно вредили его здоровью².

¹ Соловьев, XXIV, 52—54.

² «Чтения», 1866, IV, Смесь, 91—92, 107—109.

Трудно понять, каким образом Елизавета могла позволить эти забавы, происходившие в Ораниенбауме. Очевидно, противники Петра, желавшие уронить его в общественном мнении, убеждали императрицу смотреть сквозь пальцы на его поступки. Екатерина же хорошо понимала, что такой образ действий должен лишить вовсе великого князя популярности и что Петр, находясь постоянно в обществе голштинцев, становится все более и более чуждым тому положению, которое он должен был занять в качестве наследника всероссийского престола. Потому великая княгиня, в свою очередь, всячески избегала сношений с голштинскими воинами. В ее записках сказано: «Таким образом, я оставалась посреди моих придворных и беспрестанно ходила с ними гулять, но всегда в противоположную сторону, к лагерю же мы не подходили ни близко, ни издали»¹.

Обстоятельства были таковы, что Екатерина во всех отношениях должна была идти «в противоположную сторону»: Петр всячески отталкивал ее от себя.

Не только в записках Екатерины, но также и в других источниках говорится о склонности Петра к вину².

Екатерина рассказывает, между прочим, о следующем эпизоде: «Однажды, только что я успела заснуть, как пришел спать великий князь. Он был пьян до того, что не знал, что делать, и, улегшись, стал мне твердить о необыкновенных качествах своей красавицы, принцессы Курляндской. Чтобы заставить его замолчать, я притворилась спящею, но он, думая разбудить меня, начал говорить громче. Наконец, видя, что я не отвечаю, он раза два или три довольно сильно толкнул меня в бок кулаком и с ругательствами на крепкий сон мой повернулся и уснул. После таких толчков я много плакала в эту ночь, обдумывая мое положение, во всех отношениях неприятное и несносное»³.

При таких обстоятельствах Екатерина, чувствуя себя в пол-

¹Записки Екатерины, 169—171.

²Записки Екатерины, 84 и 145. «Архив кн. Воронцова», V, 19. «Memoirs of the princess Dashkawa», I, 29. Штелин, Кастера и др.

³Записки Екатерины, 95.

ном уединении, находила утешение в книгах. Ее обучение было как бы прервано путешествием в Россию. Вообще ее воспитание было отрывочным, неполным. Теперь ей приходилось пополнять пробелы в своих сведениях, причем она руководствовалась советами Гилленборга. Таким образом, она легче всего могла избавиться от вредного влияния той среды, в которой находилась. Ни одна из женщин, ее окружавших, не пользовалась ее доверием и не была его достойна. Дружба с княгиней Дашковой относится к несколько позднему времени, к последним годам царствования императрицы Елизаветы. Связи с Салтыковым и Орловым также начались несколько позже. Первые восемь лет безотрадной брачной жизни Екатерины были посвящены самообразованию. В ее письме к г-же Бельке (в 1766 году) сказано: «С 15-ти до 33-х лет у меня не было женщин, с которыми я могла бы разговаривать, и я смела иметь перед собою только горничных. Когда мне хотелось говорить, то надобно было приходиться в другой покой, где находились только мужчины. Таким образом, по привычке ли, по склонности ли, я могу хорошо разговаривать только с мужчинами»¹.

Кроме графа Гилленборга, еще прусский посланник, барон Мардефельд, давал великой княгине советы относительно выбора книг и занятий не только беллетристическими, но и серьезными сочинениями. Он же, как рассказано в одном современном источнике, предвещал ей великую будущность, самостоятельное царствование².

Екатерина рассказывает в своих записках, что она сначала занималась чтением легких книг, а затем привыкла к чтению более серьезному. Она пишет: «После свадьбы я беспрестанно читала. Первая книга, прочтенная мною в замужестве, была роман под заглавием *«Tigre le blanc»*, и в течение целого года я читала одни романы. Но они стали мне надоедать; случайно мне попались «Письма госпожи Севинье», которые я прочла с удовольствием и очень скоро. Потом мне подвернулись под ру-

¹«Сб. Ист. общ.», X. 105.

²Из книги Сумарокова «Черты Екатерины Великой», вышедшей в С.-Петербурге в 1819 году.

ку сочинения Вольтера, и после них я стала разборчивее в моем чтении»¹.

Вскоре после восшествия на престол Екатерина писала Вольтеру: «Могу вас уверить, что с 1746 года, когда я стала располагать собственным временем, я чрезвычайно многим вам обязана. До того я читала одни романы, но случайно мне попались ваши сочинения; с тех пор я не переставала их читать и не хотела никаких книг, писанных не так хорошо и из которых нельзя извлечь столько пользы... Конечно, если у меня есть какие-нибудь сведения, то ими я обязана вам»². В 1778 году она писала барону Гримму о Вольтере: «Он мой учитель; ему, или, вернее, его сочинениям, я обязана образованием моего ума и головы. Я его ученица», и проч. Екатерина считала себя до того знакомою со стилем Вольтера, что бралась по слогу любого сочинения ответить на вопрос, написано ли оно Вольтером или нет³.

В своих записках Екатерина упоминает о разных прочитанных ею в то время книгах; таковы, например, «Записки» Брантома, «История Генриха IV» Перефикса, «Церковная история» Барония, «История Германии» отца Барра, сочинения Платона, «О духе законов» Монтескье, словарь Бейля (Pierre Bayle) и проч. Довольно глубокое впечатление на Екатерину произвели исторические сочинения Тацита. «С картою на столе» она изучала пять томов разных путешествий. Как скоро стали являться выпуски энциклопедии Дидеро и Даламбера, она усидчиво занималась изучением этого капитального труда.

Что касается Петра, то он, как видно из вышеупомянутой инструкции, составленной Бестужевым для Чоглокова в 1747 году, читал разве только романы. В записках Екатерины сказано о Петре: «Он накупил себе немецких книг, но что это были за книги! Часть их состояла из лютеранских молитвенников, другую составляли юридические процессы и рассказы о разбой-

¹ Записки Екатерины, 52.

² См. статью Грота в «Древней и новой России», 1875, I, 122.

³ «Сб. Ист. общ.», XXIII, 103, 113.

никах, грабивших по большим дорогам, повешенных и колесованных» и проч.¹

Чтение знаменитых французских писателей XVIII века, во всяком случае, могло считаться лучшим средством приготовления к управлению государством, чем игра в солдаты, которою занимался Петр Федорович.

Нельзя удивляться тому, что такое успешное развитие ума и способностей Екатерины доставило ей большое значение при русском дворе; она все более обращала на себя внимание той «публики», мнением которой, как мы видели, так дорожила. Английский посланник Уильямс (Williams) писал в 1755 году: «Как только она приехала сюда, то начала стараться всеми средствами приобрести любовь русских. Она очень прилежно училась их языку и теперь говорит на нем в совершенстве (как говорят мне сами русские). Она достигла своей цели и пользуется здесь большою любовью и уважением. Ее наружность и обращение очень привлекательны. Она обладает познаниями о русском государстве, которое составляет предмет ее самого ревностного изучения. Канцлер говорил мне, что ни у кого нет столько твердости и решительности»².

К этому можно бы прибавить, что ни у кого не было столько идеализма, такой веры в необходимость прогресса, как у Екатерины. Ко времени с 1759 до 1762 года относятся собственноручные заметки Екатерины, имеющие характер и значение политической исповеди. Из этих афористических набросков видно, что Екатерина умела заниматься вопросами законодательства и администрации, что она мечтала о реформах, что она старалась вдумываться в то положение, которое ей было суждено занять немного позже. Кое-где встречаются обобщения, отвлеченные правила; местами встречается и доктринерство, которым отличалась «литература просвещения» того времени; ведь, однако, заметны серьезное отношение к делу, надежда принести России пользу, чувство ответственности пред государством и народом.

Вот некоторые образчики этих заметок:

¹ Записки Екатерины, 86—87.

² Соловьев, XXIV, 56.

«Желаю и хочу только блага стране, в которую привел меня Господь. Слава ее делает меня славною. Вот мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могут в том содействовать».

«Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты: вот начало, от которого я отправляюсь».

«Свобода — душа всего на свете, без тебя все мертво. Хочу повиновения законам; не хочу рабов; хочу общей цели — сделать счастливыми, но вовсе не своенравия, не чудачества, не жестокости, которые несовместимы с нею» (намек на необходимость отмены крепостного состояния крестьян).

«Когда в своей стране имеешь истину и разум, то это следует высказывать перед народом, объявляя ему, что такая-то причина привела меня к тому-то: разум должен говорить за необходимость. Будьте уверены, что он победит в глазах большинства».

«Власть без доверия народа ничего не значит. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желает: примите в основу ваших действий, ваших постановлений благо народа и справедливость, никогда неразлучные. У вас нет и не должно быть других видов. Если душа ваша благородна, вот ее цель».

В других местах великая княгиня затрагивает частные вопросы администрации, говорит о началах теории населения, хозяйственной полиции, финансового управления, рассуждает о тех затруднениях, с которыми приходится бороться законодателю, о необходимости действовать крайне осторожно в этой области. «Хотите ли вы уважения общества? — замечает Екатерина. — Приобретите доверенность общества, основывая весь образ ваших действий на правде и общественном благе». «По моему мнению, есть два правила при воспитании принца: это сделать его благодетельным и заставить его любить истину. Таким образом он сделается любезным пред Богом и у людей». «Пусть связывают мне руки, когда хотят помешать злу; но оставляйте меня свободною делать добро», и проч., и проч.

Как видно из этих немногих примеров выписок и заметок, сделанных Екатериною, она умела ценить пользу чтения серьезных книг. Сначала она читала от скуки, затем более и более привыкла к усидчивому труду. Множество вопросов затронуто в

этих афористических набросках и экспертах великой княгини. Тут говорится и о женском образовании, и о судопроизводстве в отношении к несостоятельным должникам, о значении дворянства в обществе, о том, как можно помочь потере военных способностей во время мира, о причинах чрезвычайной смертности в России, о вопросах технологии, о неблагоразумии пытаться людей, вина которых не доказана, о делах Курляндии и Голштинии, о разведении устриц, о соединении Каспийского моря с Черным и проч.¹

Таким образом, Екатерина, считая возможным, что ей рано или поздно будет суждено управлять Россией, старалась приготовиться к такой деятельности. В связи со стремлением сделаться способною к занятию делами она желала приобрести популярность, быть любимой и уважаемой всеми. Еще ко времени до свадьбы относится замечание в записках Екатерины: «Больше чем когда-либо я старалась снискать расположение всех вообще, больших и малых. Никто не был забыт мною, и я поставила себе правилом думать, что я нуждаюсь во всех, и всячески приобретать общую любовь, в чем я и успела»². Особенно тщательно Екатерина старалась снискать расположение императрицы, причем руководствовалась советами женщин, ее окружавших. В позднейшее время она любила рассказывать, каким образом ей удалось расположить к себе большее число лиц при дворе и приобрести внимание и доверенность. Особенно она, по ее подробному рассказу в беседе с Н. П. Румянцевым, старалась угождать всем старушкам в высших слоях русского общества, так как заметила, что они имели некоторое влияние на общественное мнение при оценке лиц, находившихся при дворе. «И в торжественных собраниях, — объясняла Екатерина, — и на простых сходбищах и вечеринках я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала об их здоровье, советовала, какие употреблять им средства в случае болезни, терпеливо слушала бесконечные их рассказы об их юных летах, о нынешней скуке, о ветрености молодых людей; сама спрашивала их

¹ «Сб. Ист. общ.», VII, 82—101.

² Записки Екатерины, 31.

совета в разных делах и потом искренно их благодарила. Я узнала, как зовут их мосек, болонок, попугаев, дур; знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял ее от моего имени и подносил цветы и плоды из ораниенбаумских оранжерей. Не прошло двух лет, как самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разлилась по всей России. Этим простым и невинным образом составила я себе громкую славу и, когда зашла речь о занятии русского престола, очутилось на моей стороне значительное большинство»¹.

Этот рассказ в сущности соответствовал тому, что, хотя гораздо короче и проще, говорится на этот счет в записках Екатерины. В противоположность Петру, навлекшему на себя общее негодование и не пользовавшемуся никакою популярностью, Екатерина умела ценить то значение, которое имело для нее общее мнение, и довольно искусно, не без некоторой мелочности, не без некоторого хладнокровного расчета выбирала средства для составления себе хорошей репутации.

При всем том, впрочем, Екатерина, прибывшая в Россию в то время, когда ей было лишь пятнадцать лет, отличалась веселостью нрава, склонностью к разным шуткам и играм. Она не могла ограничиваться чтением книг, занятием вопросами, относящимися к ее политическому положению. У нее были своего рода пречудные забавы и увеселения. Вот что она пишет о своем житье-бытье в Ораниенбауме летом 1748 года: «Поутру я вставала в три часа и без прислуги с ног до головы одевалась в мужское платье. Мой старый егерь дожидался меня, чтоб идти на морской берег к рыбацкой лодке. Пешком, с ружьем на плече, мы пробирались садом и, взяв с собою легавую собаку, садились в лодку, которою правил рыбак. Я стреляла уток в тростнике, который на две версты уходил в море. Часто мы огибали канал, и иногда сильный ветер уносил нашу лодку в открытое море» и проч.

Около этого же времени Екатерина пристрастилась к верховой езде. Она подробно рассказывает, как около 1759 года,

¹ «Русский архив», 1873, 336—337.

зная, что императрица не любила, чтоб она ездила по-мужски, заказала себе английское дамское седло, на котором ездила по-мужски в дамском платье. «В Ораниенбауме, — пишет Екатерина, — мы каждый Божий день ездили на охоту. Случалось иногда до тридцати раз в день садиться на лошадь... Сказать по правде, я была очень равнодушна к охоте, но страстно любила верховую езду, и чем больше было в ней опасности, тем она была милее мне: если случалось, что лошадь убегала, я бросалась за нею и приводила ее назад. В это же время также у меня в кармане постоянно бывала книга, которую я принималась читать, как скоро была одна»¹. Немного позже, а именно в 1756 году, Екатерина начала изучать верховую езду систематически. «Я вставала в 6 часов утра, — сказано в ее записках, — одевалась по-мужски и шла в свой сад: там у меня было устроено особое место на чистом воздухе, служившее мне манежем. Успехи мои были так быстры, что часто Циммерман (учитель верховой езды) подбегал ко мне и в невольном восторге, со слезами на глазах, целовал у меня сапог... По правилу манежа, Циммерман в награду трудов моих подарил мне серебряные шпоры. В три недели я прошла весь курс верховой езды, и к осени Циммерман привел лошадь для вольтижирования»² и проч.

В этих упражнениях Екатерины, вместе с некоторою молодецкою удалью, обнаруживаются известного рода самостоятельность, крепкое здоровье. Некоторый избыток физической силы, игривость молодости и веселость, иногда доходившая до резвости.

Таково было развитие Екатерины в эпоху молодости и во время ее злосчастного брака с Петром. Страсть к занятиям, склонность к развлечениям, необычайное честолюбие не давали ей покоя. Не могла она довольствоваться скромными забавами в кругу фрейлин, охотою и верховою ездою, чтением книг и изучением теории государственного управления и рано или поздно должна была идти дальше. Ее прошедшее было скромным, бесцветным существованием; теперь же ей представилась воз-

¹Записки Екатерины, 104—105.

²Там же, 183.

возможность занять одно из первых мест в мире; ее ожидали слава и пышность короны; она не могла не думать об удовлетворении своего безграничного честолюбия. Судьба связала ее лишь внешним образом и как бы случайно с человеком, стоявшим и физически, и нравственно, и умственно несравненно ниже нее. И прирожденные способности, и внешние обстоятельства, и личный интерес, и интересы России заставляли великую княгиню искать для себя вполне самостоятельного пути, воспользоваться своим положением для достижения своих целей. При таком различии темпераментов, характеров, способностей и наклонностей Петра и Екатерины нельзя удивляться тому, что история их брака представляет собой целый ряд недоразумений, столкновений; первоначальная холодность и невниманье превратились в ненависть.

Екатерина в 1767 году в письме к г-же Бьельке, говоря о датской королеве Каролине-Матильде, заметила: «Мне жаль бедной королевы... нет ничего хуже иметь мужем ребенка. Я опытна по этой части¹ и принадлежу к числу таких женщин, которые думают, что всегда виноваты мужа, если они нелюбимы, потому что поистине я бы очень любила своего, если бы представилась к тому возможность и если б он был так добр, что желал бы этого»².

Это замечание написано после кончины Петра. Зато следующий отзыв, как кажется, прямо касающийся Петра Федоровича, написан накануне его вступления на престол и встречается между собственноручными заметками великой княгини: «Человек, несправедливо нападающий на нас или отказывающий нам в том, что достоин нам, разрывает сам связи, соединяющие его с нами, и таким образом, по собственной вине, уничтожает обязательства, которые налагали на нас эти связи»³.

Мы уже знаем, что тотчас после свадьбы Екатерина жа-

¹ «Je sais se qui en vaut l'aune».

² «S'il avait eu la bonte de le vouloir». «Сб. Ист. общ.», X, 164.

³ «Сб. Ист. Общ.», VII, 10.

ловалась на невнимание к ней мужа. Достоин внимания следующий намек на некоторую холодность отношений Петра к Екатерине в это время. В письме к г-же Бьельке от 24 апреля 1774 года говорится о ложном слухе относительно беременности великой княгини Наталии Алексеевны; к этому прибавлено: «На этот счет я не чувствую нетерпения, да и не имею права на то: у меня не было детей в продолжение девяти лет супружества; правда, впрочем, что обстоятельства были другие»¹. Быть может, это последнее замечание состоит в некоторой связи с рассказом Штелина, что врачи, принимавшие во внимание физическую слабость великого князя, советовали отсрочить свадьбу. Из записок Екатерины мы узнаем, что императрица Елизавета немало была озабочена тем, что брак Петра с Екатериной так долго оставался бесплодным².

20 сентября 1754 года Екатерина родила сына Павла. Лишь только его спеленали, императрица приказала повивальной бабке взять ребенка и следовать за нею. Екатерина видела своего сына чрезвычайно редко. Рождение его не содействовало сближению великой княгини с супругом.

9 декабря 1758 года Екатерина родила дочь; она просила императрицу, чтоб та позволила назвать ребенка ее именем, но Елизавета дала ей имя старшей сестры своей, герцогини Голштинской, Анны Петровны.

Тем временем разлад между супругами не прекращался. Императрица была несколько озабочена этим обстоятельством. Недаром в наказе Чоглокову императрица вменяла ему в обязанность наблюдать за тем, «чтобы между их императорскими высочествами ни малейшее несогласие не происходило, наименьше же допускать, чтобы какое преогорчение вкоренилось»³.

Нельзя было избежать «вкоренения преогорчения». В записках Екатерины заключается полная история этого брака. Не

¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 100.

² Записки Екатерины, 93.

³ Соловьев, XXIV, 52.

щая мужа, Екатерина не скрыла и своих поступков и похуждений, о которых говорит с поразительной откровенностью.

Положение Екатерины заставляло ее подчас действовать непрямо и неоткрыто. Ей запрещали переписываться с матерью: она, несмотря на это, находила возможность сохранять некоторую связь с Иоганною-Елизаветою. За ней надзирали; она весьма часто, несмотря на строгий надзор, действовала вполне самостоятельно, по своему усмотрению. Императрица запретила ей ездить верхом по-мужски; она же изобрела седло особой конструкции и придумывала для себя костюмы с целью и в этом отношении избежать надзора и иметь свою волю. Сохраняя внешний вид смирения и уступчивости, она в душе стояла выше лиц сильнейших. Не имея ни друга, ни руководителя, великая княгиня, предоставленная самой себе и на каждом шагу чувствуя меру зависимости от внешних обстоятельств, а притом обладая широким и проницательным умом, не могла не привыкнуть к обдуманым, расчетливым действиям, к несколько сложной системе обращения с людьми, ее окружавшими.

Все это, в соединении со страстной натурой молодой женщины, объясняет, почему были возможны отношения Екатерины к Салтыкову, Понятовскому, Григорию Орлову. При дворе, где фаворитизм играл столь важную роль, где каждый был занят своими частными интересами, более или менее тайными сношениями с разными лицами, и Екатерина должна была рано или поздно искать опоры в подобных сношениях.

Такого рода события не могли не содействовать полнейшему разладу между Петром и Екатериной. Оба они находились в некотором антагонизме с императрицей. Это обстоятельство не могло, однако, повести к сближению, к заключению некоторого союза между ними. Петр сильно чувствовал перевес своей супруги; во многих случаях он доверял ей свои тайны, руководствовался иногда ее советами. Вообще, однако, при различии нрава и способностей идти вместе, опираться друг на друга было невозможно. Еще во время царствования императрицы Елизаветы между супругами происходили столкновения, предвещавшие дальнейшие кризисы в будущем. Об одном подо-

бном эпизоде, случившемся в 1755 году, рассказано в записках Екатерины следующее: «Однажды, после обеда, великий князь явился ко мне в комнату и стал говорить, что я начинаю быть невыносимо гордой и что он сумеет меня образумить. Я спрашивала, в чем заключается моя гордость. Он отвечал, что я хожу чересчур прямо. Я спрашивала, разве для того, чтобы быть ему угодною, следует ходить согнувши спину, как рабы Великого Могола. Он рассердился и сказал, что он непременно меня образумит. «Как же?» — спросила я. Тогда он прислонился спиной к стене, обнажил до половины шпагу и показал ее мне. Я спросила его, что все это значит; если он вздумал со мною драться, то мне тоже нужно иметь шпагу. Тут он вложил полуобнаженную шпагу в ножны и сказал, что я сделалась страшно зла»¹ и проч.

Как видно, предстоял поединок между Петром и Екатериной. Борьба была неравной, и в безусловной победе Екатерины нельзя было сомневаться.

¹Записки Екатерины, 167.

ГЛАВА III

Участие в политических делах до 1761 года

Между императрицею и «молодым двором» существовали подчас несколько натянутые отношения. Однако при разладе между Петром и Екатериною, при различии их нравов и способностей нельзя удивляться тому, что образ действий Петра относительно Елизаветы резко отличался от поступков великой княгини. Петр всегда действовал легкомысленно, увлекаясь минутными побуждениями и обнаруживая полнейшую неспособность к занятиям политическими вопросами; у него не доставало ни сосредоточенности, ни проницательности, ни мужества, для того, чтобы образовать для себя какую-нибудь партию или разыграть какую-либо политическую роль. Екатерина, напротив, имела приверженцев, искала себе союзников, образовала для себя сильную партию; в минуты опасности она обнаруживала необычайное хладнокровие и присутствие духа. Ни на мгновение она не упускала из виду той главной цели, на которую были устремлены ее взоры с первой минуты пребывания в России. Приближаясь мало-помалу к этой цели, она не была разборчива в средствах для составления себе более выгодного положения. При ее громадных способностях, при ее железной воле нельзя было сомневаться в успехе.

Странно, что многим современникам бывший император Иоанн Антонович и великий князь Петр Федорович казались более опасными претендентами, чем Екатерина.

Рассказывали, что в 1749 году, во время опасной болезни императрицы, в кружках царедворцев зашла речь о замещении престола и что многие лица изъявили готовность в случае кончины Елизаветы возвести на престол Иоанна Антоновича¹. В более скромных сферах русского общества, хотя лишь временно, обнаруживалось некоторое сочувствие к Петру Федоровичу. Дело дошло даже до заговора в пользу великого князя.

В 1749 году летом двор находился в Москве. В это же время между заводскими крестьянами около древней столицы происходили волнения и беспорядки, которыми задумал воспользоваться подпоручик Ширванского пехотного полка, Иоасаф Батурин, для решительных действий в пользу великого князя. Успех государственного переворота в 1741 году мог внушить честолюбивому авантюристу мысль о возможности подобной же попытки в пользу племянника императрицы Елизаветы. В 1741 году оказалось делом весьма нетрудным устранить, при помощи немногих офицеров и солдат, Брауншвейгскую фамилию; теперь же Батурин считал легко возможным устранение императрицы и ее фаворита, Разумовского, при помощи шайки заводских крестьян. Петр, узнав об этом намерении, с одной стороны, одобрял столь безумные предположения, с другой — сильно трусил и не решался принять участие в этом деле. Заговор был открыт, и Петр, узнав об аресте некоторых сообщников своих, находился в ужасной тревоге. Каждую минуту он ожидал, что и его подвергнут следствию. Екатерина в своих записках говорит в насмешливом тоне об отсутствии в великом князе всякого мужества при этом случае, и как он, в страшном волнении, сообщил ей некоторые подробности об этой важной тайне. Впрочем, заговор Батурина не имел последствий для Петра. Батурин и его товарищи несколько лет просидели в заключении². Этот эпизод показал, что Петр не мог считаться опасным претендентом. Екатерина была права, сделав при этом

¹ Herrmann. «Gesch. d. russ. Staats», V, 106.

² Записки Екатерины, 109. Статья г. Барсукова о Батурине в «Древней и новой России», 1875, 1—170 и след. Соловьев, XXIII, 208, по ошибке относит этот случай к 1753 г.

случае мужу выговор за то, что он неблагоразумно связался с егерями и псарями и внимательно выслушивал их болтовню о нелепых предприятиях полупомешанного подпоручика.

Хотя великий князь и не был привлечен к суду, но такого рода события, как заговор Батурина, не могли содействовать сближению между Петром и императрицею Елизаветою. Опека и надзор над всеми действиями великого князя и его супруги были усилены и становились невыносимыми. Не без основания в одной биографии Петра, составленной вскоре после его кончины, было сказано, что его при императрице Елизавете содержали «как бы под легким арестом, будто государственного преступника»¹. В первое время брака Петра, ребяческие забавы его и полнейшее отсутствие такта в нем до того раздражали императрицу, что она имела с племянником довольно серьезные объяснения, причем заметила ему, что он, вероятно, забыл, чем ей обязан, что она считает его неблагодарным, что у ее отца, Петра I, был неблагодарный сын, которого он наказал, лишив наследства и проч.² Кто обнаруживал некоторую привязанность к великому князю, того удаляли немедленно. Были найдены краткие записки императрицы Елизаветы, в которых высказано сильное негодование на Петра³. Однажды он обратился к фавориту императрицы, Ивану Ивановичу Шувалову, с просьбой содействовать укрощению гнева и выхлопотать ему несколько большую свободу в действиях. Из нескольких кратких записок Петра к Шувалову видно, что он проигрывал в карты довольно значительные суммы, что он просил денег на покрытие долгов, желал на год или на два уехать за границу для поправления здоровья; эти записки свидетельствуют о сильном душевном расстройстве великого князя⁴.

В таком положении Петр не мог не желать большей самосто-

¹ «Wie ein in gelindem Arrest befindlicher Staatsgefangener»; «Die merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen russischen Kaisers Peters des Dritten». Leipzig, 1773, 161.

² Записки Екатерины, 40.

³ «Чтения», 1867, IV, Смесь, 28.

⁴ «Русский архив», 1866, 580—583. О долгах см. «Русская Старина», I, 199, V, 675, XXIII, 197.

тельности, как освобождение от опеки своей тетки. Он не мог не мечтать о своем воцарении. Екатерина замечает, что однажды, узнав об опасности болезни императрицы, великий князь казался чуть ли не обрадованным. Незавидное положение Петра в этом отношении походило на положение царевича Алексея Петровича при Петре Великом.

Ни Петр Федорович, ни Алексей Петрович, по слабости характера и умственных способностей, не могли сделаться заговорщиками. Это, однако, не мешало ни тому ни другому заниматься тайными интригами, затрагивать вполне независимо разные политические вопросы и действовать наперекор видам правительства. Во время Семилетней войны Петр чуть ли не был изменником, находясь в тайных сношениях с Фридрихом II, и обнаруживал крайнюю радость при получении известий о победах прусских войск над русскими. При всем том, однако, у него не было точной политической программы. Его образ мыслей и действий не столько был основан на убеждении политических выгод сближения с Пруссией, сколько лишь на личном расположении к Фридриху II. Не владел достаточными средствами для того, чтобы оказать действительную помощь Пруссии, он, в сущности, не мог сделаться опасным императрице Елизавете и ее политической системе.

Совсем иначе держала себя Екатерина, располагавшая гораздо большими средствами, умевшая притворяться, образовавшая себе партию и готовая, в крайних случаях, приступить к чрезвычайно смелым действиям.

Довольно часто в записках Екатерины встречаются более или менее резкие отзывы о личности Елизаветы. Зато ей нравилась необычайная красота императрицы. Замечания о мелочности характера последней подтверждаются разными фактами, между прочим и наказом, составленным в 1746 году, по приказанию Елизаветы, для лиц, окружавших молодую чету¹. Недаром в новейшее время было указано на различие между этой инструкцией и составленными позже Екатериною правилами, которыми должна была руководствоваться невеста и супруга цесаревича

¹ «Архив кн. Воронцова», II, 98—111.

Павла Петровича¹. Мелочность опеки над Екатериною и Петром доходила до крайних пределов. Никто не мог без особого разрешения Чоглоковых, имевших надзор над великокняжескою четою, явиться в покоях Петра и Екатерины; довольно часто Елизавета отзывалась неблагоприятно о Екатерине; не раз обнаруживалось некоторое невнимание к сохранению здоровья великой княгини. При столь стесненном во всех отношениях положении Екатерина не могла не желать приобретения тайных доброжелателей, союзников; показывая вид полнейшего равнодушия к политическим вопросам, совершенной покорности, безусловного смирения, великая княгиня занялась приведением в исполнение широкой политической программы.

Мы помним, что отец Екатерины, расставаясь с нею, советовал ей уклоняться от всякого участия в политических делах. Также и в инструкции, составленной для Чоглоковых, по приказанию императрицы, заключалось предписание строго наблюдать за тем, чтобы великая княгиня никоим образом не принимала участия в русских или голштинских государственных делах. При характере Екатерины соблюдение подобных правил было невысказано.

Петр сближался преимущественно с лакеями, егерями и псаями. Екатерина, со времени своего приезда в Россию, служила предметом внимания наиболее выдающихся сановников, которые, ввиду предстоявшей перемены на престоле, искали расположения Екатерины. Мы узнаем, что иностранные дипломаты чрезвычайно невыгодно отзывались о великом князе. Совсем иначе они относились к Екатерине. Многие лица считали весьма вероятным, что рано или поздно она займет первое место в государстве.

Таким образом, великая княгиня, сначала игравшая чрезвычайно скромную роль, мало-помалу приобретала весьма важное значение и даже сделалась средоточием некоторой политической агитации.

В своих записках Екатерина откровенно говорит о том, что, при всем несчастье брака с жалким Петром, при всей неловкости

¹ Грот в «Древней и новой России», 1875, I, 131—124.

ее положения при дворе вообще, ее поддерживала мысль о будущем. Чем опаснее становилось положение ее супруга, навлекшего на себя общее нерасположение, тем более систематически она мечтала о своем величии. «Я увидела, — писала она впоследствии, — что мне остаются на выбор три, равно опасные и трудные пути: 1-е, разделить судьбу великого князя, какая она ни будет; 2-е, находиться в постоянной зависимости от него и ждать, что ему угодно будет сделать со мною; 3-е, действовать так, чтобы не быть в зависимости ни от какого события. Сказать яснее, я должна быть либо погибнуть с ним или от него, либо спасти самое себя, моих детей и, может быть, все государство от тех гибельных опасностей, в которые, несомненно, ввергли бы их и меня нравственные и физические качества этого государя. Последний путь казался мне наиболее надежным; поэтому я решилась по-прежнему, сколько могла и умела, давать ему благие советы, но не упорствовать, когда он мне не следовал, и не сердить его, как прежде; указывать ему его настоящие выгоды всякий раз, как представится к тому случай, но в остальное время хранить самое строгое молчание, и, с другой стороны, соблюдать свои интересы по отношению к публике, так чтобы сия последняя видела во мне спасительницу общественного блага»¹.

Очевидно, Екатерина делалась претендентом на престол; она не столько была советником, сколько соперником мужа; она предвидела, что неизбежные кризисы в государственной жизни России предоставят ей нечто вроде диктатуры. При необычайной решимости нрава и обдуманности своих действий вообще Екатерина не могла довольствоваться пассивною ролью. Люди опытные, как, например, Бестужев, не считали возможным, чтобы царствование Петра было продолжительным; Мардефельд, как уверяют, сказал однажды Екатерине: «Вы будете царствовать или я совсем глупец». Ее духовный отец не раз говорил ей, что на нее обращено внимание всего русского общества. С разных сторон выражались желания войти в сношения с великою княгиней, снискать ее расположение.

Мало-помалу вопрос о том, что будет с Россией после кон-

¹Записки Екатерины, 218.

чины императрицы, становился жгучим, животрепещущим. При слабом здоровье Елизаветы, при постоянно возобновлявшихся с нею в пятидесятых годах болезненных и опасных припадках нельзя было не заняться этим вопросом. От решения его зависело благо всей России внутри и успех внешней политики. Нельзя было, при обсуждении этих вопросов, не взвешивать меру влияния отдельных лиц, на участие которых можно было рассчитывать в минуту перемены на престоле. Люди, враждебные друг другу, мечтали о сближении и примирении ради избежания опасных переворотов. При столь натянутом положении, происходили между разными сановниками переговоры, о которых, понятно, сохранились лишь скудные и отрывочные сведения в исторических источниках.

С особенно напряженным вниманием английский дипломат Уильямс наблюдал, во время начала Семилетней войны, за настроением умов при русском дворе. Он сообщает в донесениях своему правительству, что великая княгиня весьма деятельна, что ее очень любят, но что некоторые люди ее боятся; что лица, приближенные к императрице, стараются сблизиться с нею¹. То были Разумовские и Шуваловы. «Императрица никого не видит и не слушает, как только Шуваловых», — пишет голландский резидент в это время². И вот, именно Шуваловы предложили Екатерине свои услуги. Предложение было сделано сперва через князя Трубецкого, потом через племянника его, Ивана Ивановича Бецкого. Екатерина отвечала, что согласна сблизиться с Шуваловыми, если они будут вполне содействовать ее видам. Узнав об этих переговорах, Уильямс, опасавшийся Шуваловых за их привязанность к Франции, в письме к великой княгине представлял, что Шуваловы, боясь восшествия на престол Петра, который будет мстить им за действия против Пруссии, и не любя Екатерины за ее дружбу с Разумовскими и Бестужевым, будут хлопотать, с помощью французского и австрийского послов, чтобы наследником был провозглашен великий князь Павел, а родители его удалены из России. Екатерина отвечала, что

¹ «La cour de la Russie il y a cent ans», 138.

² Raumer. «Beitrag z. neuen Gesch.», II, 453.

Елизавета при жизни своей не отстранит племянника от престола; а если захотят что-нибудь сделать в минуту ее смерти, то она, Екатерина, сумеет разрушить замысел. «Или умру, или буду царствовать», сказано в письме Екатерины к Уильямсу.

Для успокоения Уильямса Екатерина сообщила ему свой план действий в минуту смерти Елизаветы: «Я иду прямо в комнату моего сына; если встречу Алексея Разумовского, то оставлю его подле маленького Павла; если же нет, то возьму ребенка в свою комнату. В ту же минуту посылаю доверенного человека дать знать пяти офицерам гвардии, из которых каждый приведет мне 50 солдат, и эти солдаты будут слушаться только великого князя или меня. В то же время я посылаю за Бестужевым, Апраксиным и Ливеном, а сама иду в комнату умирающей, где заставлю присягнуть капитана гвардии и оставлю его при себе. Если замечу малейшее движение, то овладею Шуваловыми».

Екатерина имела тайное свидание с гетманом Кириллом Разумовским, который уверял в успехе ее дела, уверял, что Измайловский полк, в котором он был подполковником, последует за ним. Екатерина просила гетмана забыть прежнюю вражду его с Бестужевым, потому что все ее друзья должны действовать заодно. В одном письме к Уильямсу Екатерина писала: «Иоанн Васильевич (царь) хотел уехать в Англию; но я не намерена просить убежища у английского короля, потому что решилась или царствовать, или погибнуть».

Сенатор Бутурлин обещал говорить на конференциях по внушениям Екатерины. «Хотя, — сказала она, — это человек слабого характера и склонен к плутовству, однако можно и из него извлечь пользу».

Переговоры с Шуваловыми тоже продолжались. Екатерина прямо написала к Ив. Ив. Шувалову, предлагая союз с прежним условием: Шуваловы должны делать все для нее в настоящем, она все для них в будущем. Письмо повез один из приближенных к молодому двору людей, Лев Нарышкин, и, возвратясь, рассказывал, что Шувалов, прочтя письмо, пришел в восторг, бросился на колени пред образом и долго оставался в религиозном экстазе. Насколько Нарышкин, по своему обы-

чаю, позволил себе преувеличения, чтобы посмеяться над фаворитом, это остается неизвестным¹.

Шуваловы были важны для Екатерины вследствие близких отношений к императрице Елизавете. Гораздо большее значение в области политики имел Бестужев.

Мы видели выше, что Бестужев сначала был крайне недоволен приездом принцессы Ангальт-Цербстской в Россию, что он находился в натянутых отношениях с матерью великой княгини и что им была составлена для лиц, окружавших Екатерину, инструкция, стеснявшая свободу ее действий. Тем важнее была коренная перемена, происшедшая в 1753 году в отношениях между канцлером и великою княгиней.

Екатерина рассказывает о своем сближении с Бестужевым следующее: «С целью уменьшить число врагов Салтыкова мы уговорились, чтобы я сказала несколько любезностей графу Бестужеву и тем уверила его, что я не так чуждаюсь его, как прежде. Посредником в этом деле я выбрала некоего Бремзе, служившего у Пехлина в голштинской канцелярии. Он с большою готовностью взялся за мое поручение и уведомил меня, что граф Бестужев обрадовался всем сердцем и сказал, что готов быть мне полезным и что я могу располагать им всякий раз, как то будет нужно мне»². Затем Салтыков играл роль посредника между Екатериною и Бестужевым.

Недавно были открыты новые данные об этих событиях, в переписке саксонского дипломата Функе с Брюлем и в переписке между Екатериною и ее матерью. Из этих писем видно, что Бестужев уже в начале 1754 года стремился к тому, чтобы предоставить Екатерине некоторое участие в управлении голштинскими делами и что такое желание Бестужева находилось в связи с его более обширным планом, доставить Екатерине возможность управлять делами вообще во время царствования Петра. Весною 1754 года Функе доносил, что с некоторого времени Екатерина во всех своих действиях руководствуется советами Бестужева, что последний поддерживает тайную переписку ве-

¹Соловьев, XXXIV, 61—65.

²Залиски Екатерины, 134—135.

ликой княгини с ее матерью и что канцлер и Екатерина заняты особенно важными делами¹.

Участвовать в управлении Голштиниею оказалось делом весьма нетрудным для Екатерины. В ее записках рассказано подробно о том, каким образом она, благодаря неохоте Петра к труду вообще, стала участвовать в решении голштинских вопросов. Мало-помалу она вместо него начала управлять Голштиниею². Все это могло считаться как бы приготовлением к событиям 1762 года. В начале 1755 года Петр подписал рескрипт, на основании которого Екатерина уполномочивалась заниматься голштинскими делами. Сообщая об этом факте, саксонский дипломат замечает, что все это было устроено канцлером с тою целью, чтобы «впоследствии было легче мало-помалу вручить великой княгине кормило правления». То же самое сказано в одной записке канцлера к Екатерине, в которой прямо указано на «другой, важнейший, относящийся к будущности проект, составленный для личной славы великой княгини и для благоденствия империи»³. К своей матери Екатерина писала в марте 1755 года, что с некоторого времени великий князь предоставил ей управление голштинскими делами и при этом случае, как и вообще несколько раз, Екатерина, переписываясь с матерью, восхваляла Бестужева, называя его лучшим другом и говоря о вечной благодарности за его благосклонное внимание⁴.

Около 1756 года сношения Екатерины с английским послом Уильямсом сделались довольно важными. Этот дипломат не сомневался в том, что Екатерина рано или поздно будет царствовать. При болезненном состоянии Елизаветы Уильямс считал весьма вероятным скорую перемену на престоле. При этом случае он надеялся играть такую же роль, какую играл французский дипломат Шетарди при воцарении Елизаветы. Уильямс рассчитывал на то, что ему удастся при помощи Екатерины противодействовать сближению России с Францией.

¹См. статью Гермманна «Der russische Hof unter der Kaiserin Elisabeth» в сб. «Historisches Taschenbuch». Leipzig, 1882, 302—303.

²Записки Екатерины, 195.

³См. вышеупомянутую статью Гермманна, 304—307.

⁴Там же, 307—308.

В своих донесениях Уильямс сообщает кое-какие подробности о беседах с великою княгиней; он был очень рад ее расположению к Англии. Мы узнаем, что не только Бестужев и Воронцов получали английские деньги, но что также и Екатерина, благодаря английскому правительству, располагала денежными средствами для того, чтобы действовать в пользу Англии. Она объясняла Уильямсу, что ничего нельзя сделать без денег, что нужно подкупить женщин, окружающих императрицу, и что для этого необходимо 20 000 червонцев. Ей тотчас же была выдана эта сумма, причем она обещала употребить ее не иначе как на пользу Англии и возратить, будет возможно, эти деньги в позднейшее время¹. И действительно в 1764 году между графом Паниным и английским послом Букингамом зашла речь об этой сумме. Панин говорил о твердом намерении императрицы возратить эти деньги; английское правительство затруднялось принять их².

Сношения Екатерины с Уильямсом продолжались до 1759 года, когда он должен был оставить Россию. О характере этих сношений можно судить по письму Екатерины, писанному по случаю отъезда Уильямса. Здесь сказано: «Не имея возможности вас видеть, я решилась вам писать, чтобы с вами проститься; самое искреннее сожаление относится к тому, на которого я смотрю как на одного из лучших моих друзей, чье поведение привлекло все мое уважение и дружбу. Я никогда не забуду, чем вам обязана. Чтобы вознаградить вас согласно с благородством ваших чувствований, вот что я сделаю: я буду изыскивать всевозможные случаи направлять Россию на то, что я нахожу для нее выгодным, а именно быть тесно связанной с Англией... Я весьма рада, что благо России заставляет меня оказать Англии признательность за личные мне одолжения со стороны его величества, о котором я буду вспоминать с величайшею благодарностью. Прошу вас дружески устроить к лучшему то, что вам поручено. Поверьте, что я более всего желаю вернуть вас сюда с торжеством. Я надеюсь,

¹См. расписки Екатерины в получении денег в «Сб. Ист. общ.», VII, 73.

²«Сб. Ист. общ.», XII, 162.

что когда-нибудь король, ваш государь, не откажет мне в просьбе снова вас увидеть»¹ и проч.

Из всех этих данных видно, каким образом Екатерина была занята мыслью о будущем своем царствовании. Нет сомнения, что тогда уже она мечтала о возможности устранения Петра.

Эту же самую цель имели в виду обе партии, существовавшие при дворе Елизаветы: Шуваловы и Бестужев. Однако предположения обеих партий отличались одно от другого, хотя мы и не располагаем достаточными данными, чтобы составить себе точное понятие о их мыслях и проектах.

В письме одного из дипломатов, пребывавших в России, сказано в октябре 1757 года: «Один Бог ведает, кто будет наследником, в случае смерти императрицы, что может случиться внезапно и даже не считается отдаленным, судя по состоянию здоровья ее величества... никто ничего не ожидает от великого князя. Канцлер начинает также сомневаться, чтобы он мог успеть поставить во главе правления этого государства великую княгиню и великого князя... каждый верит, что есть непременно духовное завещание, сделанное в пользу юного великого князя, за исключением его отца; думают, что граф Шувалов будет назначен правителем» и проч. К этому прибавлено, что Шуваловы, для приведения в исполнение своих проектов, рассчитывали на содействие фельдмаршала Апраксина, находившегося в то время с войском в Пруссии².

Обыкновенно то обстоятельство, что Апраксин, после битвы при Гроссегеридорфе (в августе 1757 года), отступил, вместо того чтобы воспользоваться результатами своей победы, объяснялось полученным им известием об опасной болезни Елизаветы и неминуемо предстоявшей перемене на престоле. На этот счет ходили разные слухи. Рассказывали, будто Шуваловы, нуждавшиеся в Апраксине для осуществления своих честолюбивых планов, были виновниками отступления Апраксина³. По другим

¹ «Чтения», 1870, III, Смесь, 41—42.

² Там же, III, 8—9.

³ Там же, 16. Донесение Праксе в «Preussische Jahrbucher», XLVII, 586.

известиям, Бестужев и Екатерина должны считаться руководителями действий фельдмаршала, и это предположение до новейшего времени оставалось господствующим в исторической литературе¹.

При скудости исторического материала в настоящее время нет возможности вполне отчетливо объяснить мотивы, которыми руководствовался Апраксин. Быть может, отступление русского войска было следствием чисто стратегических соображений². Между тем французское правительство было проникнуто убеждением, что в этом деле заключалась интрига Бестужева: французский посол в Вене сделал предложение, чтобы одновременно и Франция, и Австрия потребовали удаления от дел ненавистного канцлера. Кауниц не согласился на исполнение желания Франции, потому что Эстергази дал знать из Петербурга, что нет ни малейшего повода предполагать какую-либо связь между действиями Апраксина и образом мыслей Бестужева и молодого двора³. Екатерина сама гораздо позже, говоря об этих событиях, прямо и решительно отрицала всякое участие в них Бестужева: канцлер, писала она, напротив, желал, чтобы Апраксин шел дальше⁴. В записках Екатерины встречается предположение, что Апраксин, по всей вероятности, решился на отступление по получении каких-то писем от своих родственников, извещавших его об опасной болезни императрицы⁵.

Таким образом, мы не имеем основания думать, чтобы Бестужев и Екатерина могли считаться виновниками отступления Апраксина. Зато нельзя сомневаться в том, что падение Бестужева находилось в некоторой связи с привлечением к суду фельдмаршала и что великая княгиня, так же как и Бестужев, состояла в переписке с Апраксиным. Во всяком случае, катаст-

¹ Herrmann, V, 141. Schafer, I, 391. Bernhardt, II, 2, 179.

² Как считает вероятным Соловьев, XXIV, 181.

³ Arneth. «Maria Theresia», V, 283, 519.

⁴ «Русский архив», 1878, II, 286, 288.

⁵ Записки Екатерины, 205—206.

рофа канцлера могла весьма легко сделаться роковою и для Екатерины. В записках последней встречается следующий весьма любопытный рассказ о некоторых довольно важных сношениях ее с канцлером в это время: «Болезненное состояние императрицы и ее частые конвульсии заставляли всех думать о будущем. Гр. Бестужев и по месту своему, и по своим способностям, конечно, не менее других должен был заботиться о том, что предстояло. Он знал, что великому князю с давних пор внушено к нему отвращение. Ему очень хорошо была известна умственная слабость этого государя, рожденного наследником стольких престолов. Очень естественно было, что этот государственный человек, как и всякий другой, желал удержаться на своем месте. Он знал, что я уже много лет перестала внимать внушениям, которые сначала отделяли меня от него. Кроме того, в личном отношении он, может быть, считал меня единственным существом, на котором, в случае смерти императрицы, могла быть основана надежда общества. Вследствие таких и подобных размышлений он составил план, чтобы, как скоро императрица скончается, великий князь по праву был объявлен императором, но чтобы в то же время мне было предоставлено публичное участие в управлении; все лица должны были оставаться при своих местах; Бестужев получал звание вице-президента в трех государственных коллегиях: иностранной, военной и адмиралтейской. Таким образом, желания его были чрезмерны. Он прислал мне проект этого манифеста, писанный рукою Путовошникова; но я, поговорив с гр. Понятовским, чрез которого манифест был мне доставлен, отвечала ему словесно, что благодарю его за добрые намерения относительно меня и считаю, что их очень трудно исполнить. Он писал и переписывал свой проект много раз, переменял его, распространял, сокращал и был, по-видимому, им очень занят. Сказать по правде, я смотрела на его проект почти как на бредни и как на приманку, посредством которой этот старик хотел больше войти ко мне в доверие; но я не думала поддаваться, потому что считала проект этот вредным для государства, долженствовавшего терпеть от малейшей ссоры между мною и не любившим меня мужем; но так как все это были еще одни предположения, то я не хотела

противоречить упрямому старику, которого трудно было разубедить, когда он что-нибудь забирает себе в голову»¹.

Таким образом, Екатерина, которой было запрещено вмешиваться в политические дела, находилась в тайных сношениях с разными влиятельными лицами, знала о весьма важных политических проектах, в которых ей приходилось играть главную роль, и через все это подвергалась страшной опасности. Весною 1758 года, по случаю арестования канцлера, ей грозила катастрофа.

Мы не знаем точно, кто был главным виновником падения Бестужева, — Шуваловы или вице-канцлер Воронцов, действовавший при этом под давлением французского дипломата Л'Опиталья (l'Hopital). Екатерина главную долю в несчастии Бестужева приписывала Воронцову². По другим известиям, английский посланник Кейт сообщил великому князю о какой-то грозившей ему со стороны Бестужева опасности, что заставило Петра донести об этом императрице, которая, в свою очередь, приказала арестовать канцлера³.

Во время допросов Апраксина, при разборе его бумаг, были найдены письма, которые он получал от великой княгини. Содержание этих писем нисколько не могло повредить Екатерине; в них выражалось желание военных успехов и советы, чтобы фельдмаршал шел вперед. Но самый факт, что Екатерина состояла в переписке с Апраксиным без ведома императрицы и таким образом участвовала в делах, должен был сильно компрометировать Екатерину в глазах императрицы, которая теперь узнала, что Екатерина находилась в сношениях с канцлером и руководствовалась его советами.

Понятно, что Екатерина, узнав из краткой записки Понятовского об аресте Бестужева, пришла в сильное волнение. Она рассказывает: «Эти строки ошеломили меня. Перечитавши их, я сообразила, что мне нет никакой возможности не быть замешанной в это дело... Тысячи ощущений, одно другого неприят-

¹ Записки Екатерины, 227—228.

² «Чтения», 1870, III, 34—35. «Русский архив», 1878, II, 286, 288.

³ «Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters III», Leipzig, 1773, 169.

нее, наполняли мне душу. Словно с кинжалом в сердце я оделась и пошла к обедне» и проч. На людях великая княгиня казалась вполне спокойною и никого не спрашивала о случившемся. На другой день к ней пришел голштинский чиновник Штамбе и сообщил от имени Бестужева, «чтобы она не тревожилась насчет того, что она знает, потому что канцлер успел бросить в огонь». Это сообщение относилось к манифесту, приготовленному на случай кончины Елизаветы и предоставлявшему Екатерине участие в делах. Тотчас же она спешила успокоить Пуговощникова, переписавшего эту бумагу, в которой было сказано: «Вам нечего бояться: все успели сжечь».

Екатерина могла надеяться и дальше узнавать подробно о ходе дела Бестужева. Штамбе сказал ей, что записку Бестужева доставил ему трубач-егерь графа и что они условились на будущее время сноситься между собою, кладя записки в назначенное место между кирпичами, недалеко от дома Бестужева. Недаром Екатерина велела Штамбе быть как можно осторожнее, чтобы эта опасная переписка не открылась. Штамбе и Понятовский продолжали сноситься с Бестужевым. Сама Екатерина мечтала войти в сношения с бывшим канцлером через стороживших его офицеров и солдат. Однако несколько дней спустя она узнала, что переписка Штамбе и Понятовского с Бестужевым была открыта. Она сильно встревожилась. «Тем не менее, — замечает Екатерина, рассказывая об этих событиях, — я была убеждена, что относительно правительства я не заслуживала ни малейшего упрека»¹.

При допросе Бестужева ему между прочим был предложен вопрос: «Для чего он предпочтительно искал милости у великой княгини, а не так много у великого князя, и скрывал от ее величества такую корреспонденцию (переписку Екатерины с Апраксиным), о которой по должности и верности донести надлежало?» Бестужев отвечал: «У великой княгини милости не искал, паче же старался, с ведения ее императорского величества, открывать ее письма» и проч. На основании записки, посланной к великой княгине из-под ареста, был сделан вопрос: «Советуешь ты великой княгине поступать смело и бодро, с твердостью присовокуп-

¹ Записки Екатерины, 225—230.

для, что подозрениями ничего доказать не можно?» Бестужев отвечал: «Великой княгине поступать бодро и смело с твердостью я советовал, но только для того, что письма ее к фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительного в себе не содержали». В допросах сильно настаивалось на частных и необычайных конференциях канцлера с Штамбке и Понятовским. Бестужев клялся, что тайных конференций не бывало. Довольно важен следующий вопрос: «Не было ли соглашаемо и постановлено какого плана как на нынешнее, так и на будущее время?» Так как в бумагах Бестужева не было найдено никаких следов проекта о престолонаследии, то хотели принудить его проговориться, настаивая на частых свиданиях с Штамбке и Понятовским. Но Бестужев держался твердо, зная, что улики нет, а подозрениями нельзя ничего доказать. Он отвечал даже прямее, чем был поставлен вопрос: «Ни с Штамбке, ни с Понятовским и другими какими конфиден-тами, коих у меня и не было, не думывал ни о каком плане ни на нынешнее время, ни на будущее, да и возможно ли о том думать, ибо наследство уже присягами от всего государства утверждено?»

Таким образом, следствие не приводило ни к какому результату. В особенности оказалось невозможным доказать существование проекта о престолонаследии, составленного Бестужевым в пользу Екатерины. Около года бывший канцлер пробыл под домашним арестом. В начале 1759 года он был сослан в одно из своих имений. При перечислении его вины в манифесте, опубликованном по этому случаю, встречаются следующие: «клеветал ее императорскому величеству на их высочеств, а в то же время старался преогорчить и их высочеств против ее императорского величества... вплел в непозволенную переписку такой персоны, которой в делах никакого участия не надлежало, и через то нечувствительно в самодержавное государство вводил сопротивление и сам соправителем сделался» и т.п.¹ Апраксин умер 6 августа 1758 года. Штамбке был выслан за границу. Другие причастные к делу Бестужева лица были сосланы в разные города. Между этими лицами был Елагин, пользовавшийся особенным доверием великой княгини.

¹ Соловьев, XXIV, 188—195.

Сохранились некоторые письма Екатерины и Понятовского к Елагину; и великая княгиня, и польский дипломат всячески утешают Елагина, посылают ему деньги и обещают вечную благодарность за оказанные им услуги. О самих событиях этого политического кризиса говорится лишь отрывочно и намеками. Упоминается о разных лицах, которые не названы по имени. Понятовский называет в своих письмах Екатерину не иначе как «М.М.». Последняя говорит о Понятовском, как о «нетерпеливом человеке». Понятовский пишет между прочим: «Пусть только милосердный Господь сжалятся над нами, но мы еще должны были выдержать жестокие испытания после вашего удаления. Однако теперь скоро должна окончиться вся сумятица; но мы еще ничего не знаем. А как приговор будет исполнен над несчастным стариком, то могли бы другие дела опять получше пойти, к чему есть основательная надежда». В другом письме сказано между прочим: «Я не в состоянии теперь, любезнейший друг, достать тебе ответ от М.М., потому что еще очень далек час, в который я могу туда послать, но что отсрочено, то еще не потеряно. Сколько слез моих и М.М. пролито о твоей участи» и проч. Немного позже Понятовский пишет: «Прочие несчастные все еще в одном и том же положении, и судьба их еще неизвестна. Бог знает, как еще все кончится. Но могу я только сказать вам, что императрица чрезвычайно милостива к М.М., что муж М.М. сделался лучшим другом моим и М.М.». Записки Екатерины к Понятовскому также свидетельствуют о некотором волнении; так, например, он пишет: «Хотя я в крайней горести ныне, но еще надежду имею, что несказанные Божие чудеса и в сем случае помогут надеющимся на него»... «Нетерпеливый человек уехал уже месяц тому назад, и скука и горесть моя велики; надежду имею на его возвращение»... «Поворот ваш прежде окончания известного дела невозможен, а сие зависит от недвижимой иррезолуции»... «Покамест жива, вспомню усердие ваше ко мне»¹ и т.п.

Падение Бестужева не могло не уничтожить, хотя бы временно, многих надежд Екатерины. Канцлер был ей сильным союзником и другом; через него она принимала участие в управлении

¹ «Сб. Ист. общ.», VII, 75—80.

голландскими делами, через него она могла надеяться достигнуть участия в управлении Россией после кончины Елизаветы. Теперь тотчас же многое изменилось. Екатерина замечает в своих записках: «Штамбе был выслан, и с его отъездом окончилось мое заведывание голландскими делами. Великому князю было сказано, что императрице неприятно мое вмешательство в эти дела, да и он сам был рад отставить меня от них»¹.

Екатерина могла ожидать для себя весьма печальных последствий катастрофы Бестужева. Она сожгла все свои бумаги. В ее записках сказано: «Что касается до великого князя, то я видела, что его запугали и натоковали ему, будто Штамбе с моего ведома переписывался с государственным преступником. Я замечала, что его и. высочество почти не смел говорить со мною и избегал случая приходить ко мне в комнату, где я оставалась в то время одна-одинешенька, не видя души человеческой. Я сама нарочно не приглашала к себе, боясь подвергнуть посетителей какой-нибудь неприятности или несчастью. То же самое при дворе, чтобы от меня не отворачивались, я нарочно не подходила к тем, на кого могло пасть подозрение»².

К тому же происходили разные неприятности. Когда однажды Екатерина пожелала ехать в театр, Петр не хотел согласиться на это и запретил приготовить карету для великой княгини. Она сказала, что в таком случае пойдет пешком и станет жаловаться императрице на худое обращение с нею, будет просить, чтобы ей позволили возвратиться в Германию. «Оставленная всеми, — сказала Екатерина, — одна в своей комнате, ненавидимая великим князем и вовсе не любимая императрицею, я наконец хочу успокоиться, хочу никому не быть в тягость и не причинять несчастия тем, кто меня любит»³.

Решительный тон, которым говорила Екатерина, поправил ее положение. Грозя отъездом в Германию, она надеялась остаться в России. Пока, однако, со всех сторон ее окружали опасности.

¹Записки Екатерины, 232.

²Там же, 232.

³Там же, 235.

Приближенный к Петру голштинiec Брокдорф, говоря о Екатерине, выражался: «Надо раздавить змею». Эстергази доносил своему двору, что великая княгиня два раза присылала к нему Штамбке за советом и помощью, давая знать, что все беды постигли ее за усердие к интересам Марии-Терезии. «Но так как, — писал Эстергази, — императрица Елизавета горько жаловалась мне на поведение Екатерины и так как иностранный министр не должен вмешиваться в домашние дела государей, то я отклонил от себя это дело, велел сказать ей, что всего лучше, если она обратится к посредничеству своего супруга, владевшего полною милостью и доверенностью императрицы». Рассказывали, что Ив. Ив. Шувалов уверил великую княгиню, что императрица скоро увидится с нею, и если со стороны Екатерины будет оказана маленькая покорность, то все дело кончится очень хорошо¹.

Екатерина сама желала свидания и объяснения с Елизаветою. Она рассказывает в своих записках: «Я села писать письмо к императрице и написала его по-русски, в самых трогательных выражениях, как умела. Я начала с того, что благодарила ее за все ее милости и благодеяния, оказанные мне с приезда моего в Россию. По несчастию, продолжала я в этом письме, оказалось, что я не заслуживала этих милостей, потому что навлекла на себя ненависть великого князя и явное неблагоприятное отношение ее и величества; видя мое несчастье и оставаясь одна в комнате, где мне не позволяют самых невинных развлечений, я настоятельно прошу положить конец моим несчастьям и отослать меня к моим родственникам, каким найдут приличнее способом... У моих родственников я проведу остаток моих дней, моля Бога за ее величество, великого князя, детей моих и вообще всех тех, которые оказывали мне добро или даже зло. Горе до такой степени расстроивало мое здоровье, что я должна, наконец, позаботиться о нем и, по крайней мере, спасти жизнь свою» и проч.

После этого письма, которое понес к императрице Александр Шувалов, Екатерина, как она сама рассказывает, спокойно ожидала, чем все это кончится. «Я была вполне убеждена, — продолжает она, — что если действительно хотели меня выслать

¹Соловьев, XXIV, 197.

или напугать только, то письмо мое должно было окончательно уничтожить это намерение Шуваловых... Впрочем, мое решение было составлено: оставаться ли, ехать ли — я смотрела на судьбу свою с философской точки зрения; каково бы ни было положение, в которое бы Провидению угодно было меня поставить, я все-таки не лишилась бы средств ума и таланта, данных каждому человеку по его естественным способностям; я готова была и на возвышение, и на унижение и чувствовала в себе достаточно бодрости, чтобы не измениться ни душою, ни сердцем, возвысит ли меня судьба моя или унизит.

Впрочем, Екатерине еще долго приходилось ждать свидания с императрицею. Она должна была прибегнуть к другим средствам, для того чтобы достигнуть этой цели. Она сказалась больною, не выходила больше и, как она выражается в записках, «сочла нужным говеть, дабы показать тем приверженность к православной греческой вере». Затем она, по совету своего духовника, однажды ночью позвонила и сказала вошедшей женщине, что чувствует себя чрезвычайно дурно и хочет исповедоваться. Александр Шувалов послал было за докторами, но Екатерина слабым и прерывающимся голосом повторила просьбу позвать духовника. Духовник пришел, полтора часа беседовал с мнимою больною и взялся сказать императрице, что великая княгиня может умереть от печали и горести, если не будет подана скорая помощь, и проч.

Цель была достигнута. Объяснение с императрицею последовало уже на другой день в присутствии великого князя и Александра Шувалова. Только при этом случае Екатерина увидела мужа, с которым не встречалась в продолжение нескольких недель и который, узнав о болезни жены, обещал Елизавете Романовне Воронцовой жениться на ней тотчас же после ожидаемой кончины Екатерины.

Подробный рассказ об этом свидании помещен в записках Екатерины. Она упала к ногам императрицы и со слезами просила отпустить ее домой. Елизавета хотела поднять ее и сказала между прочим: «Бог мне свидетель, как я об тебе плакала, когда ты была при смерти больна по приезде твоём в Россию; если бы я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя». Затем, однако, императрица упрекала Екатерину в чрезвычайной гор-

дости. «Ты воображаешь, — сказала Елизавета, — что нет на свете человека умнее тебя». Великий князь сказал: «Она чрезвычайно зла и чересчур много о себе думает», и проч. Екатерина возражала весьма ловко, в скромном тоне, но решительно. Елизавета заговорила о переписке великой княгини с Апраксиным; Екатерина возразила, что никогда не думала посылать фельдмаршалу приказания и только просила его исполнять приказания императрицы.

Елизавета казалась тронутой несчастьем великой княгини и, очевидно, в борьбе Петра с Екатериною брала сторону последней. Тотчас же после этого разговора она, через А. Шувалова, дала знать Екатерине, что будет иметь с нею разговор наедине. Затем Екатерине передали выражение императрицы, что племянник ее дурак, но что великая княгиня очень умна.

Между тем как Петр стал рассчитывать на то, что Екатерина будет отправлена в Германию и что этим самым ему откроется путь к браку с Воронцовой, императрица велела просить Екатерину не настаивать на своем отъезде и даже вовсе выбросить из головы это намерение.

Этого-то и желала Екатерина. «Таким образом, — рассказывает она не без удовольствия в своих записках, — я могла быть уверена, что меня не вышлют». Однако для приведения в большую ясность своего положения ей нужно было второе объяснение с императрицею, которого она просила в письме от 28 мая 1758 года¹. Свидание состоялось. При этом случае опять была речь об Апраксине. Екатерина должна была торжественно заявить, что не писала к фельдмаршалу других писем, как те, которые сделались известными Елизавете. «Я поклялась ей в этом, потому что в самом деле это было так, — замечает Екатерина в своих записках. — Тогда она стала расспрашивать подробности об образе жизни великого князя» — на этом обрывается рассказ Екатерины², и, таким образом, мы лишены возможности составить себе более точное понятие о сношениях Екатерины с императрицею за последнее время этого царствования.

¹ «Сб. Ист. общ.», VII, 74.

² Записки Екатерины, 244—254.

Понятовский летом 1758 года, как мы видели, писал Елагину, что императрица «чрезвычайно милостива к М.М.». Из других источников мы узнаем, что отношения между Елизаветой и великою княгиней оставались натянутыми. В этом смысле доносил своему двору английский дипломат Стюарт¹. Граф Мерси-Аржанто писал в конце 1761 года, незадолго до кончины Елизаветы, что последняя избегает вовсе видеться с великим князем и великою княгиней и что она «вот уже три месяца не говорила с ними ни слова»².

Можно было считать вероятным, что Елизавета решится на перемену в порядке престолонаследия. В записках Екатерины сказано: «Насчет племянника своего она, Елизавета, была одинаковых со мною мыслей; она очень хорошо знала его и уже с давних пор не могла провести с ним нигде четверти часа без огорчения, гнева или даже отвращения к нему. У себя в комнате, когда заходила о нем речь, она обыкновенно заливалась слезами и жаловалась, что Бог дал ей такого наследника, либо отзывалась об нем с совершенным презрением и нередко давала ему прозвища, которых он вполне заслуживал»³, и проч.

В разных источниках говорится о том, что Елизавета в последнее время своего царствования мечтала о лишении Петра права престолонаследия, что она опасалась с его стороны покушения на ее жизнь. Ожидали, что Петр тотчас же после воцарения удалит Екатерину и Павла и женится на Воронцовой⁴. Мерси-Аржанто писал, что Елизавета в последнее время жизни любила являться вместе с Павлом Петровичем, что она особенно заботилась о воспитании маленького великого князя и что все это возбуждает разные толки о порядке престолонаследия⁵.

¹ «Чтения», 1870, III, 11.

² Статья Шефера в «Historische Zeitschrift», XXXVI, 421.

³ Записки Екатерины, 237. «Русский архив», 1877, II, 287.

⁴ De la Marche, 3 и 6; «Merkwurd. Lebensgesch. Peters III», 16; Castera, I, 50, 80—84, 88—89; Blum. «Ein russ. Staatsmann», IV, 272.

⁵ «Hist. Zeitschrift», XXXVI, 431.

К этому вопросу относится следующая, случайно сохранившаяся, собственноручная записка Екатерины: «Последние мысли покойной императрицы Елизаветы Петровны о наследстве сказать не можно, ибо твердых не было. То несомненно, что она не любила Петра III и что она его почитала за неспособного к правлению, что она знала, что он русских не любит, что она с трепетом смотрела на смертный час и на то, что после ее происходить может; но как она во всем имела решимость весьма медлительную, особливо в последние годы ее жизни, то догадываться можно, что и в пункте наследства мысли более колебались, нежели что-нибудь определительное было в ее мысли. Фаворит же, Иван Иванович Шувалов, ...был убежден воплем множества людей, которые не любили и опасались Петра III, перед самой кончиной ее императорского величества мыслил и имел намерение переменить наследство, в чем адресовался к Н.И. Панину, спрося, что он о том думает и как бы это сделать, говоря, что мысли иные имеются, отозвав из России великого князя с супругою, сделать правление именем царевича, которому был тогда седьмой год, что другие хотят лишь выслать отца и оставить мать с сыном и что все о том единодушно думают, что великий князь Петр Федорович не способен и что кроме беды, покоряясь ему, Россия не может ничего ожидать. На это Н.И. Панин отвечал, что все эти проекты ведут к междоусобной гибели, что в одном критическом (sic) того переменить без мятежа и бедственных последствий нельзя, что двадцать лет всеми клятвами утверждено. Н.И. (Панин) об этом мне тотчас дал знать, сказав мне при том, что больной императрице если бы представили, чтобы мать с сыном оставить, а отца выслать, то большая в том вероятность, что она на то склониться может. Но к сему, благодаря Богу, фавориты не приступили, но, оборотя все мысли к собственной их безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить в милость Петра III, в коем отчасти и преуспели. А он о сей грозящей ему туче и никогда и не ведал, ибо он не молчалив был и, конечно, те, кои бы захотели его остерегать в том или в другом из верности к нему, были бы жертвой его нескромности, которая наиболее опасна была тогда, когда он из-

за стола вставал: по пословице русской — у пьяного на языке, что у трезвого на уме»¹.

Накануне царствования Петра положение, в котором находилась Екатерина, считалось весьма опасным. Княгиня Дашкова рассказывает в своих записках, как она однажды ночью (20 декабря 1761 года) тайком пришла к великой княгине и сказала ей: «При настоящем порядке вещей, когда императрица стоит на краю гроба, я не могу больше выносить мысли о той неизвестности, которая ожидает вас с новым событием. Неужели нет никаких средств против грозящей опасности, которая мрачной тучей висит над вашей головой? Во имя неба, доверьтесь мне; я оправдаю вашу доверенность и докажу вам, что я более чем достойна ее. Есть ли у вас какой-нибудь план, какая-нибудь предосторожность для вашего спасения? Благоволите ли вы дать приказания и уполномочить меня распоряжением?»

Екатерина ответила, что никакого плана не имеет и готова вынести все, что бы ни случилось, причем упрекнула княгиню в неопытности и юношеском энтузиазме, прося ее не подвергать себя опасности. Обе женщины при этом свидании были в сильном волнении. Княгиня Дашкова рассказывает дальше: «Князь (муж ее) провел этот вечер у моего отца; из разговора их, переданного мне Дашковым, при всей скромности моего отца, ясно было видно общее беспокойство по случаю близкой перемены»².

Как видно, еще до воцарения Петра, с целью устранения его, стали думать о государственном перевороте. Пока, однако, не было приступлено к действиям. Воцарение Петра (25 декабря 1761 года) совершилось без всякого препятствия. Несколько месяцев спустя он был сменен Екатериною, очистив ей путь к престолу полнейшею неспособностью и враждебным к ней отношением.

¹ «Русский архив», 1863, 383—384.

² Записки кн. Дашковой. Лондон, 1859, 26—27.

ГЛАВА IV

Царствование Петра III

Существует рассказ о разговоре между Петром Федоровичем и императрицею Елизаветою накануне ее кончины. Австрийский посол Мерси-Аржанто доносил, что великий князь должен был обещать умирающей тетке, что после ее кончины не будет сделано какого-либо оскорбления ни Разумовским, ни Шуваловым. О более важных делах не было речи, прибавляет граф Мерси-Аржанто¹. По донесению французского посланника Бретеля, умирающая императрица умоляла Петра жить в согласии с женою и иметь в виду интересы наследника, Павла Петровича².

В минуту кончины императрицы при ней находились Петр и Екатерина. Старший сенатор, князь Трубецкой, выйдя из покоя новопреставившейся, объявил присутствующим о вступлении на престол императора Петра III³.

От внимания современников не ускользнуло то обстоятельство, что Екатерина в следующие за кончиною императрицы Елизаветы дни с особенным благоговением участвовала в обрядах, сопряженных с погребением усопшей. В этих действиях молодой императрицы был расчет. Она знала очень хорошо, что публика

¹ «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 27.

² «La cour de la Russie», 178.

³ Соловьев, XXIV, 418.

отзывалась неблагоприятно о небрежности или даже насмешливости, с которыми Петр относился к церковным обрядам¹. В записках одного очевидца с похвалою говорится о том, как держала себя Екатерина у гроба Елизаветы².

В манифесте о воцарении Петра не упоминалось о Екатерине и Павле. Но новой императрице было оказано внимание с другой стороны. Фридрих II просил английского посла Кейта уверить ее в своем дружеском расположении и выразить надежду, что Екатерина не преминет содействовать скорому окончанию войны³. Рассказывали, что прусский король советовал своему другу, Петру, обращаться с супругою осторожно и благосклонно. Тщетная предусмотрительность!

К сожалению, мы не имеем подробных сведений об отношениях между Екатериною и Петром в первое время царствования последнего. Штелин сообщает, что императрица ежедневно являлась в кабинет государя, но что они обыкновенно не обедали вместе. Достойно внимания следующее замечание в записках Штелина: «На святой неделе император приезжает в Новый Зимний дворец, помещает императрицу на отдаленном конце его, а ближе к себе, на антресолях, свою любимицу, толстую фрейлину Елизавету Романовну Воронцову»⁴.

Иностранные дипломаты в это время наблюдали за образом действий Екатерины. Бретель писал в январе 1762 года: «В день нашей аудиенции и нашего поздравления новая императрица казалась печальною. Очевидно, она не будет иметь никакого влияния; я думаю, что она вооружается философию. Впрочем, при ее характере она едва ли ограничится этим. Император более чем когда-либо ищет общества фрейлины Воронцовой и назначил ее гофмейстериною фрейлин. Она живет при дворе и пользуется чрезвычайным почетом. Признаться: страшный вкус!» В другом донесении Бретель пишет: «Импе-

¹ *Memoirs of the princess Dashkaw*, I, 40—41.

² Поэе в «Русской Старине», I, 203.

³ *Raumer*, II, 497.

⁴ «Чтения», 1866, IV, 97 и 104.

императрица находится в отчаянном положении: ей показывают полнейшее презрение. Она с великим негодованием видит, как с нею обращается император и каково высокомерие фрейлины Воронцовой. Я не могу представить себе, что императрица, смелость и горячность которой мне известны, рано или поздно приступит к крайним мерам. У нее есть друзья, которые, если она того пожелает, решатся для нее на все». В другом месте: «Всеобщее расположение к императрице усиливается. Никто столь ревностно, как она, не исполняет религиозных обязанностей по случаю погребения покойной императрицы; никто столь добросовестно, как она, не соблюдает постов и вообще обрядов и проч., между тем как император пренебрегает всем этим, хотя в России такого рода правила имеют большое значение. Одним словом, Екатерина старается нравиться и употребляет все средства для достижения этой цели. Во всем этом есть значительная доля самолюбия. К тому же она едва ли может забыть, что нынешний император, когда был великим князем, грозил заключить ее в монастырь, по примеру Петра Великого в отношении к первой его супруге. Все это, в соединении с ежедневно повторяющимися оскорблениями, должно произвести в столь умной голове императрицы сильное брожение; при случае взрыв неминуем». Несколько недель спустя Бретель доносил своему двору о чрезвычайном расстройстве здоровья императрицы и об усиливающемся постоянно антагонизме между Петром и Екатериною. В его депеше сказано: «Императрица отличается смелостью души и ума; она пользуется всеобщим уважением, между тем как все ненавидят императора», и дальше: «императрица на личные оскорбления со стороны ее супруга отвечает лишь смирением и слезами. Народ разделяет ее горе и желает ей всего лучшего»¹.

Английский дипломат Кейт, который относится вообще гораздо снисходительнее других современников к образу действий и нраву Петра, доносил о печальном положении, в котором находилась Екатерина, следующее: «Как кажется, императрица не имеет никакого значения». Довольно часто в донесениях Кейта

¹ Raumer, III, 300—305. «La cour de la Russie», 189.

встречается замечание, что императрица не участвовала в том или другом придворном празднестве. 19 марта он пишет: «Влияние императрицы ничтожно. На ее мнения не обращается ни малейшего внимания ни при важных, ни при менее важных делах». Между тем Фридрих II писал Кейту: «Ищите случая сообщаться обо всем с императрицею; она вам даст лучшие советы, которых прошу вас следовать».

Австрийский дипломат граф Мерси-Аржанто доносил 10 января 1762 года: «Незадолго до кончины императрицы в великой княгине стало заметно, что она сильно озабочена участью, ожидающей ее и ее сына; но не было принято никаких предосторожностей или мер... Императрица не имеет почти никакого значения». 1 февраля: «Императрица живет почти в полном отчуждении и, кажется, не имеет ни малейшего влияния на все то, что происходит; между тем едва ли возможно, чтобы под этою спокойною внешностью скрывалось какое-нибудь тайное мероприятие, необходимость которого государыня должна сознавать более чем когда-либо как для себя, так и для своего сына, на которого император со времени своего вступления на престол, можно сказать, не обращал никакого внимания и к которому он всегда обнаруживал всем заметное презрительное нерасположение». 12 февраля: «Императрица по-прежнему не имеет значения и, кажется, никогда не достигнет его, разве посредством какого-нибудь необыкновенного события». 15 марта: «Императрица прислала мне секретным путем приятное и обязательное уверение, что если бы она имела хоть малейшую власть, то, конечно, употребила бы ее на сохранение прежней политической системы». В мае: «Ее величество продолжает жить в большом уединении и не столько по нездоровью запирается в своих покоях, сколько для того, чтобы не быть самой свидетельницей безграничного беспорядка и неприличного образа жизни двора. В особенности же мне достоверно известно, что государыня провела весь прошедший понедельник, т.е. день торжественного пира, в горьких слезах»¹.

Ювелир Позье рассказывает в своих записках о близких сно-

¹ «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 33, 83, 120, 235, 323, 350.

шениях Петра с Воронцовой, в покоях которой он встретился с государем, а также о ненависти Петра к Екатерине. Однажды Петр, увидев ювелира на лестнице дворца, спросил его, откуда он идет. Позье должен был ответить, что был у императрицы. С злобным выражением лица Петр раз навсегда запретил ювелиру бывать у Екатерины. К этому рассказу Позье прибавлено, что клевреты Петра, опасаясь действий честолюбия императрицы, т.е. государственного переворота, нарочно сняли раздор между супругами. Особенно женщины при дворе Петра старались вооружить его против императрицы¹. Ненависть доходила до крайней мелочности. Рассказывали, что Петр запретил садовнику в Петергофе отпускать императрице те фрукты, которые она любила².

И в записках графа Гордта, находившегося в это время в Петербурге и бывшего свидетелем событий при дворе, встречаются некоторые черты, характеризующие неблагоприятный образ действий Петра и необычайный такт, с которым держала себя императрица, хотя, как замечает Гордт, и не могла скрывать глубокой печали и уныния³.

Следующий эпизод, случившийся в мае 1762 года, наделал довольно много шума в столице. На торжественном обеде по случаю празднования мира, заключенного с Пруссией, Петр предложил тост «за здоровье императорской фамилии». Когда императрица выпила бокал, Петр приказал своему генерал-адъютанту Гудовичу подойти к ней и спросить, почему она не встала, когда пила тост. Государыня отвечала, что, так как императорская семья состоит из ее супруга и ее самой, то она не думает, что это было необходимо. Гудович, передав этот ответ, был снова послан сказать ей, что она «дура» и должна бы знать, что двое дядей, принцы Голштинские, также члены венценосной семьи. Опасаясь, впрочем, чтоб Гудович не смягчил выражения, Петр повторил его громко, так что большая часть

¹ «Русская Старина», I, 201, 226.

² De la Marche, 121.

³ Memoires d'un gentilhomme suédois. Berlin, 1788, 263—264.

общества слышала его. Екатерина залилась слезами. Происшествие это быстро разнеслось по городу, и, по мере того как Екатерина возбуждала к себе сочувствие и любовь, Петр глубже и глубже падал в общественном мнении¹.

За несколько лет до этих событий Бестужев считал возможным, что Екатерина и Петр будут царствовать вместе, что императрица примет участие в делах. Вышло иначе. Екатерина находилась в крайнем унижении, в величайшей опасности. Нельзя было ожидать, чтобы дела оставались долго в таком положении. Борьба оказалась неминуемою. Со стороны Петра было сделано все возможное для того, чтобы доставить полнейшую победу его противнице. Недаром она и прежде рассчитывала на то, что царствование Петра сделается невыносимым.

Говорят, что Екатерина, после своего воцарения, между бумагами Петра нашла в одном из писем Фридриха II к императору следующие внушения: не проводить слишком быстро нововведений, падать нравы и обычаи народа, в сложных делах руководствоваться скорее мнениями жены, чем собственным увлечением². Петр во всех отношениях действовал противоположно этим советам.

Известно, что первые правительственные распоряжения Петра произвели довольно благоприятное впечатление. В одном из манифестов он обещал царствовать в духе Петра Великого. Возвращение множества ссыльных, уничтожение тайной канцелярии, отмена пытки, понижение цены на соль, расширение прав дворянства — все это влияло в пользу Петра. В среде дворянства здесь и там встречались выражения особенной привязанности к Петру³, хотя, с другой стороны, действия Петра были

¹Записки кн. Дашковой, 38—39. «Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters III», Leipzig, 1773, 235. Едва ли рассказ С.М. Голицына о том, что Петр в тот же день просил у Екатерины прощения, имеет основание; см. «Русский архив», 1869, 642.

²В переписке между Фридрихом и Петром, изданной в III томе «Русской Старины», недостает несколько писем короля.

³См. письма гр. И. Чернышева к Ив. Ив. Шувалову в «Русском архиве», 1869, 1822.

объясняемы подчас довольно странными побуждениями¹. В военных кружках обнаруживалось некоторое удовольствие, что наконец на престоле, после многих женщин, явился государь². Штелин замечает, что сначала все радовались неутомимой деятельности молодого монарха, но вскоре увидели, что он начинает по-прежнему обращать внимание на пустые мелочи и относится с пренебрежением к существенным вопросам государственного управления³.

Нововведения в управлении духовными имениями, грубое обращение императора с высокопоставленными лицами, сановниками генералами, протекция, оказанная голштинским родственникам, ничем не заслуживавшим отличий и наград, нерасположение Петра к гвардейским полкам, невнимание к русским нравам и обычаям, злощастное намерение начать войну с Данией, ребяческий и бестактный образ действий при каждом случае, — все это не могло не возбудить общего негодования и ропота. Число приверженцев Екатерины росло постоянно и быстро.

В один голос иностранные дипломаты стали порицать поступки и характер государя. Бретеля и других послов оскорбило требование Петра, чтобы они сделали визиты принцу Георгу Голштинскому. По этому случаю происходили разные неприятности. Английское правительство было озадачено нескромностью Петра, передававшего прусскому дипломату Гольцу конфиденциальные сообщения, сделанные лордом Бьютом русскому послу в Лондоне. С австрийским послом государь обращался до того грубо, что тот вообще избегал являться ко двору.

Нельзя поэтому удивляться, что во всех донесениях иностранных дипломатов за это время постоянно говорится о неспособности Петра заниматься делами, об отсутствии в нем разума, о странных его поступках, шумных обедах и ужинах, в которых нарушались правила обыкновенного приличия, о беспорядках в

¹ Щербатов. О повреждении нравов. «Русская Старина», II, 674.

² De la Marche 2. «Русская Старина», III, 307.

³ «Чтения», 1867, IV, Смесь, 98.

государственном управлении и т.п. Мерси замечает в одном из своих донесений, что нельзя ожидать ничего хорошего от этого царствования и что Петр, без сомнения, слишком поздно будет сожалеть о своем безумии. Воронцов, в разговоре с графом Мерси, со слезами на глазах говорил о своем намерении покинуть Россию. Другой сановник упрекал Елизавету за то, что она вовремя не отправила Петра за границу и тем не избавила Россию от столь жалкого государя. Весь народ, писал Мерси, от первого до последнего, раздражен в величайшей степени; волнение во всем государстве таково, что едва ли императору будет возможно отправиться в поход¹.

В этом же тоне Бретель доносит об «унизительном зрелище», как Петр, в нетрезвом виде, восхвалял Фридриха II, об общей неурядице в России, о расстройстве финансов, о порче нравов при дворе, об общем неудовольствии и раздражении².

Множество анекдотов, характеризующих образ мыслей и действий Петра, встречается в депешах саксонского дипломата Брюля. При всем том последний не считал вероятным, чтобы Петр сделался жертвою государственного переворота; менее всего Брюль ожидал предприимчивости со стороны Екатерины; скорее, по его мнению, грозила опасность со стороны бывшего императора Иоанна Антоновича³.

Разумеется, отзывы представителей тех держав, которые, при вступлении на престол Петра, лишились сильного союзника, оказываются особенно резкими. Понятно, что, напротив, английский дипломат Кейт, прусские дипломаты Гольц и Шверин и сам Фридрих II иначе судили о качествах и действиях Петра III. И в позднейших сочинениях тех писателей, которые враждебно относились к Екатерине, например Кастера, Гельбига, Сальдерна, встречаются отзывы более или менее благоприятные Петру, или, по крайней мере, несколько более снисходительные к его порокам и промахам. Зато в других, современных сочи-

¹ См. мою статью «Zur Geschichte Peters III und Katherina II» в журнале «Russische Revue», XI, 5 и след.

² Raumer, III, 304 и след. La cour de la Russie, 190 и след.

³ Herrmann. Geschichte des russischen Staats, V, 256 и след.

нениях разных авторов заключается полнейшее осуждение царствования Петра III. Щербатов, противник Екатерины, изображает сильный упадок России в это время, княгиня Дашкова и Болотов не находят слов, чтобы выставить на вид ничтожество этого государя; весьма невыгодно писал о Петре даже Миних, обязанный ему освобождением из ссылки и защищавший его в последнюю минуту его царствования; довольно резко порицал Петра и канцлер голландского консульства в Петербурге, Буденар¹, и проч., и проч.

Внешняя политика Петра III, союзника Пруссии, друга Фридриха II, возбуждала сильное неудовольствие. Несколько лет сряду в России привыкли смотреть на Фридриха, как на опаснейшего врага; теперь же Россия очутилась в какой-то зависимости от Пруссии; император играл роль какого-то вассала Фридриха II, говорил о нем, как о своем начальнике. Перемена в области внешней политики произошла быстро и казалась непонятною. Канцлер Воронцов не имел никакого значения. Иван Иванович Шувалов должен был довольствоваться управлением высших училищ. Иностранцы, как, например Гольц и Шверин, подозревали в нем заговорщика против Петра, между тем как он, в сущности, не был опасным императору. Даже Мельгунов и Волков, пользовавшиеся особенным доверием Петра, в глазах прусских дипломатов считались противниками сближения с Пруссией.

Особенно сильное брожение замечалось в среде духовенства. И из записок русских людей, и из донесений иностранцев видно, как велико было негодование на Петра по случаю разных нововведений, оскорблявших религиозное чувство и восставлявших против правительства духовных лиц, которые, в свою очередь, распространяли недовольствие в народе.

Еще опаснее было раздражение в войске. Офицеры и солдаты были недовольны введением приемов прусской дисциплины, назначением главным начальником войска дяди Петра, принца Георга Голштинского. Петр презирал и оскорблял гвардию, которую называл янычарами. Современники сообщают о

¹ Boudenaar в «Архиве кн. Воронцова», XXV, 264 и след.

тяжелом впечатлении, производимом ежедневно повторяющимися солдатскими упражнениями государя, в которых должны были принимать участие высшие сановники, люди пожилые и даже дряхлые, как, например, князь Трубецкой, граф Разумовский и др.

Болотов, адъютант начальника полиции, генерала Корфа, рассказывает о Петре: «Редко стали уже мы заставлять государя трезвым и в полном уме и разуме, а всего чаще уже до обеда несколько бутылок английского пива, до которого он был страстный охотник, уже опорожнившим, то сие и бывало причиною, что он говаривал такой вздор и такие нескладницы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровью от стыда перед иностранными министрами, видящими и слышащими то и, бесспорно, смеющимися внутренне. Истинно, бывало, вся душа так поражается всем тем, что бежал бы неоглядкою от зрелища такового: так больно было все это видеть и слышать», и проч. Одна современница, знатная дама, рассказывала потом: «Государь, бывало, нарочно смешил меня разными гримасами. Он не похож был на государя». Болотов пишет, что все ожидали переворота и в особенности враждебных государю действий со стороны гвардейцев¹.

Чем легче можно было ожидать какого-либо кризиса, тем опаснее казалось намерение Петра отправиться за границу для ведения войны. Недаром особенно беспокоились те, которые имели в Петре союзника и друга. Гольц и Шверин были уверены и уверяли короля Фридриха II, что недовольные воспользуются отъездом Петра к армии и произведут восстание. Поэтому они старались уговорить императора отменить поездку, утверждая, что его присутствие в России необходимо для блага империи. Шверин писал к королю 8 апреля: «Никто в мире, кроме вашего величества, не может отвратить императора от этого опасного путешествия». То же самое писал Гольц, выставляя на вид необходимость для Петра прежде всего короноваться.

Фридрих писал Петру: «Признаюсь, мне бы очень хотелось, чтобы ваше величество уже короновались, потому что эта цере-

¹ Прилож. к «Русской Старине», 1870, II, 197. Соловьев, XXV, 83.

мония произведет сильное впечатление на народ, привыкший видеть коронование своих государей. Я вам скажу откровенно, что не доверяю русским. Всякий другой народ благословлял бы небо, имея государя с такими выдающимися и удивительными качествами, какие у вашего величества, но эти русские, — чувствуют ли они свое счастье, и проклятая продажность какого-нибудь одного ничтожного человека разве не может побудить его к составлению заговора или к поднятию восстания в пользу этих принцев брауншвейгских? Припомните, ваше императорское величество, что случилось в первое отсутствие императора Петра I, как его родная сестра составила против него заговор! Предположите, что какой-нибудь негодяй с беспокойною головой начнет в ваше отсутствие интриговать для возведения на престол этого Ивана, составит заговор с помощью иностранных денег, чтобы вывести Ивана из темницы, подговорит войско и других негодяев, которые присоединятся к нему, — не должны ли вы будете тогда покинуть войну против датчан, хотя бы все шло с отличным успехом, и поспешно возвратиться, чтобы потушить пожар собственного дома. Эта мысль привела меня в трепет, когда пришла мне в голову, и совесть мучила меня всю жизнь, если б я не сообщил эту мысль вашему императорскому величеству; я здесь в глубине Германии; я вовсе не знаю вашего двора: ни тех, к которым ваше величество может иметь полное доверие, ни тех, кого можете подозревать, поэтому вашему высокому разуму принадлежит различить, кто предан и кто нет; я думаю одно, что если вашему величеству угодно принять начальство над армиею, то безопасность требует, чтобы вы прежде короновались и потом, чтоб вы вывели в своей свите за границу всех подозрительных людей. Таким образом вы будете обеспечены и проч.

Как видно, Фридрих не без основания ожидал быстрой перемены. Его советы, однако, оставались тщетными. Недаром Екатерина насмеялась над болтливостью Петра. Тотчас же по получении письма от прусского короля он сообщил Шувалову, именно тому лицу, которое считалось заговорщиком, об опасениях Фридриха и о его совете взять с собою в армию всех подозрительных людей. Мало того, вскоре после этого Петр через

Мельгунова велел сказать Шувалову, чтоб он следовал за ним в армию в качестве волонтера¹.

Фридриху Петр отвечал: «Что касается Ивана, то я держу его под крепкою стражею, и если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать, видя, что я не предпринимаю никаких предосторожностей. Могу вас уверить, что когда умеешь обходиться с ними, то можно быть покойным на их счет»², и проч.

Фридрих был прав, ожидая кризиса. Он только ошибался относительно источника, откуда могла грозить опасность Петру. Несчастный шлиссельбургский узник не мог считаться опасным претендентом. Петр, как говорят, даже думал о возможности освободить Иоанна и отправить его к родственникам за границу. По другим известиям, возникла мысль объявить Иоанна наследником престола и заключить Екатерину и Павла в Шлиссельбургскую крепость. Достоверно только то, что Петр посетил бывшего императора в Шлиссельбурге и что он намеревался построить для него более удобное помещение в той же местности и вообще облегчить несколько горькую участь арестанта.

Опасность грозила Петру с другой стороны. На нее было указано, как мы видели, в донесениях Мерси и Бретеля.

Екатерина справедливо заметила впоследствии: «У Петра III первым врагом был он сам: до такой степени все действия его отличались неразумием»³. Не чая беды, он находился на краю бездны. По свидетельству одного современника, все русские, за исключением разве какого-нибудь десятка царедворцев, желали перемены на престоле⁴.

Нет сомнения, что и императрица Екатерина находилась в крайней опасности и что ее предприятие против Петра может считаться некоторым образом оборонительною мерою, средством самосохранения.

¹ Соловьев, XXV, 78.

² «Русская Старина», III, 306—307.

³ «Русский архив», 1878, II, 288.

⁴ «Le pour et le contre de Pierre III empereur de Russie», 7.

Многие современники были убеждены в том, что Петр хотел развестись с Екатериною, лишить всех прав Павла и жениться на Воронцовой¹. Лица, окружавшие Екатерину, узнали о грозившей ей опасности и старались предупредить враждебные действия Петра.

Сама Екатерина рассказывает об этих событиях следующее: «Он (Петр) хотел жениться на Воронцовой, и в тот самый вечер, когда возложена была на графиню Екатерининская лента, приказал адъютанту своему, князю Бястинскому, арестовать императрицу в ее покоях. Испуганный Бястинский медлил исполнением и не знал, как ему быть, когда в прихожей повстречался ему дядя императора, принц Георгий Голштинский. Бястинский передал ему, в чем дело. Принц побежал к императору, бросился пред ним на колени и насилу уговорил отменить приказание»².

Этот рассказ императрицы, написанный почти три десятилетия спустя, нисколько не противоречит данным в других источниках.

Украшение графини Воронцовой Екатерининскою лентою происходило в последних числах июля. Ювелир Позье рассказывает следующее:

«Император уехал в Ораниенбаум. Он собирался там повеселиться, а императрице приказал поселиться в Петергофе. При ней было всего шесть камер-фрейлин да два камер-юнкера; с ней поехал и маленький великий князь. Император же взял с собою всех своих фаворитов и самых красивых придворных дам, цвет аристократии, хотя все сильно роптали на то, что не дозволялось им оставаться с императрицею, которую все очень любили; да и ей нелегко было отправиться одной чуть не в ссылку».

«Петру вздумалось устроить домашний спектакль... он послал за мною курьера с приказанием мне отправиться в Ораниенбаум... Я поехал... Император сказал мне: «Я хочу, чтобы вы посмотрели мою комедию. Вот вам билет. Я все билеты раздаю сам». Я присутствовал при учении голштинских войск перед обедом и при сражении двух маленьких галер на большом пры-

¹ Castera, I, 83. «Merkwürdige Lebensgeschichte Peters III», Frankfurt und Leipzig, 1763, 39.

² «Русский архив», 1878, 288.

ду, что мне показалось совершенным представлением марионеток; но император находил самое большое удовольствие в этих маневрах, на которые роптало дворянство, в особенности гвардейские полки, которых ставили ни во что в сравнении с горстью голштинцев. Сидя за столом рядом с женою великого канцлера Воронцова, я осмелился тихо сказать ей по-французски: «Что вы об этом думаете? Я, по крайней мере, очень боюсь, как бы не случилось чего-нибудь ужасного, и должен вам признаться, что, видя все, что вижу теперь, я не совсем спокоен». — «Вы правы, — отвечала она мне, — я имею повод быть еще менее спокойною, чем вы». При этом графиня не могла удержаться от слез. После обеда пришлось идти смотреть комедию, чего мне совсем не хотелось, но я не смел отказаться... Императрица казалась очень грустною и скучно смотрела на эту комедию. Она прислала ко мне своего пажа сказать, чтобы я по выходе из театра зашел к ней, в ее покои, так как она хочет кое-что мне заказать. Я отправился, но не без некоторого беспокойства, как бы фавориты императора или камердинеры его не увидели, как я вхожу к Екатерине, и не пересказали ему, что бы могло меня погубить... Императрица сказала мне, что сломала свой Екатерининский орден и просила меня его поправить... Это был тот самый день, в который графиня Елизавета Воронцова должна была явиться с орденом, подаренным ей императором. Я сказал это императрице, чтобы она подумала, не обидится ли император за то, что она в пику нарочно является к столу без ордена. «Хорошо, — сказала императрица, — приезжайте за ним завтра в Петергоф»¹.

Когда Позье поехал за орденом в Петергоф, то по дороге узнал о совершившемся тем временем государственном перевороте.

Из других источников о событиях в последние дни до перемены мы узнаем следующее: 26 июня Екатерина посетила Петра в Ораниенбауме: в японской зале был большой обед, а вечером маскарад в театре. 27 июня Петр и Екатерина отправились в Гостилицы, где граф Алексей Григорьевич Разумовский давал в их честь великолепный праздник. В Гостилицах Петр III и Екатери-

¹ «Русская Старина», I, 212—216.

на увиделись в последний раз. Из Гостилиц Петр отправился в Ораниенбаум, Екатерина поехала в Петергоф. Несколько часов спустя Петр был лишен короны¹.

По рассказам некоторых современников, в ту минуту Екатерине грозила крайняя опасность. Саблуков рассказывает: «Петр III намеревался, до того как вступить в брак с графиней Воронцовой, развестись с императрицею Екатериною и вследствие того заключить и мать, и сына в Шлиссельбург на всю жизнь. С этою целью был уже составлен манифест, и лишь накануне его обнародования и ареста Екатерины и ее сына начался переворот... До сих пор можно видеть в Шлиссельбурге помещение, для них приготовленное»². По другим известиям, в ту самую ночь, когда начался переворот, было предположено увести Екатерину в какой-то монастырь и отпраздновать свадьбу Петра III с Воронцовой³. По рассказу одного малороссиянина, вероятно находившегося при гетмане Разумовском, император вызвал Екатерину с Павлом в Ораниенбаум и «за то крепко досадовал, что императрица, оставив сына в Петербурге, приехала одна». Затем Петр приказал императрице возвратиться в Петергоф, где в тот же день «были разведены крепкие пикеты» и где, по рассказу современника, «изволила ее величество жить там до 26 числа июня в немалой опасности». Наконец, император приказал дяде своему, Жоржу, «чтоб он всемерно постарался ее величество привезть в Аренбю», но было слишком поздно: Екатерина уже находилась в Петербурге и катастрофа Петра сделалась неминуемою⁴.

При отрывочности и разнообразии источников, в которых встречаются данные по этому предмету, трудно определить меру опасности, грозившей Екатерине со стороны Петра. Во всяком случае, Екатерина была уже в состоянии предотвратить грозившую ей беду. Все было приготовлено ею для наступательных действий.

¹ «Осьмнадцатый век», II, 454.

² «Русский архив», 1869, стр. 1890 и 1891.

³ Донесение испанского дипломата в журнале «Academy», апрель 1875, 349.

⁴ «Осьмнадцатый век», I, 66.

ГЛАВА V

Государственный переворот

Петр III писал Фридриху II: «Кто умеет обращаться с русскими, тот может безусловно на них надеяться». Он не умел обращаться с русскими, и потому катастрофа его была неизбежна. Зато Екатерина, умевшая обращаться с русскими, вполне могла на них рассчитывать. Восемнадцать лет сряду она имела в виду ту цель, которой, наконец, должна была достигнуть путем свержения Петра. Настала пора диктатуры. Екатерина во все время до этого не сомневалась, что рано или поздно публика начнет смотреть на нее, как на «спасительницу общего блага», во все время она действовала систематически и последовательно, обнаруживая притом необычайный политический такт и удивительное знание людей. Теперь ей оставалось сделать последний шаг, отважиться на крайнюю меру. Образ действия ее противника устранял многие затруднения и препятствия. Она далеко превосходила его и решимостью, и проницательностью.

Недаром Екатерина в своих записках заметила, что самым опасным врагом Петра был он сам. Он один сделался жертвою государственного переворота. Не было партии, которая могла бы исчезнуть вместе с ним. Лицам, окружавшим его, фаворитам, как, например, Волкову, Мельгунову, Глебову, даже Елизавете Романовне Воронцовой, было оказано новым правительством покровительство и снисхождение. Цель государ-

ственного переворота заключалась лишь в устранении личности Петра, не бывшего представителем каких-либо идей, сторонником какой-либо политической программы, не поддерживаемого какими-либо единомышленниками-сотрудниками. Сам ход событий указывал на необходимость пополнить пробел в правительстве, заменить ничтожную личность способною. История падения Петра представляет собою лучшее доказательство его полнейшей несостоятельности. Правительство, устранение которого совершилось столь легко и безмятежно, едва ли заслуживало и названия правительства. Недаром Фридрих II заметил, что Петр оставил престол совершенно так же, как уходит послушный ребенок, когда его посылают спать.

Вообще, ход событий государственного переворота хорошо известен. Могут лишь существовать различные мнения относительно доли участия в этом кризисе того или другого лица, пользовавшегося доверием Екатерины. Также, пожалуй, не совсем легко определить время начала заговора. В этом отношении встречаются противоречивые данные.

Так, например, в письме Екатерины к Понятовскому, в котором изложены некоторые подробности этих событий, встречаются указания, не согласующиеся с другими замечаниями Екатерины об этом же предмете. Понятовскому она писала: «В день празднования мира с прусским королем, он (Петр) оскорбил меня публично за обедом, а вечером приказал меня арестовать. Мой дядя, принц Георг, заставил его отменить этот приказ. Только с этого дня я обратила внимание на предложения, с которыми ко мне приступали со смерти императрицы Елизаветы»¹. В другом месте, как мы видели, Екатерина заметила, что Барятинскому было приказано арестовать ее в тот самый день, когда Елизавета Романовна Воронцова была украшена Екатерининским орденом². Последнее событие случилось за несколько дней до переворота, между тем как празднование мира происходило 1 (12) мая.

В том самом письме к Понятовскому, в котором Екатерина

¹Приложение к «Запискам Екатерины», Лондон, 268.

²«Русский архив», 1878, II, 288.

выставляла на вид, что княгиня Дашкова не играла столь важной роли, какую она приписывала сама себе, сказано: «Она утверждала, что все шло ко мне через ее руки. Однако я уже шесть месяцев переписывалась со всеми начальниками, прежде чем она узнала первое имя одного из них»¹.

То обстоятельство, что Екатерина тотчас же после государственного переворота осыпала Дашкову наградами, противоречит показанию императрицы о мнимой ничтожности той роли, которую играла княгиня в этом случае. Нет сомнения, что Дашкова отличалась отвагою и была готова жертвовать собою для Екатерины. Достоверно, однако, и то, что она в минуту переворота не знала о близких сношениях императрицы с Григорием Орловым, а поэтому не могла знать и о той роли, которую играли Орловы в приготовлениях к перевороту. Вскоре после этого отношения Дашковой к Орловым сделались натянутыми. Понятно, что Екатерина, раздраженная тем, что Дашкова не одобряла ее связи с Орловым, вообще несколько охладела к бывшей своей подруге и при оценке заслуг княгини была не совсем справедливою. До настоящего времени рассказ Дашковой был важнейшим источником истории этих событий. Если бы сохранился рассказ из кружка Орловых, то было бы легче определить точнее ту меру участия, которое принимали в перевороте разные лица. Во всяком случае, нельзя согласиться с мнением Фридриха II, заметившего в беседе с графом Сегюром об этом событии, что Дашкова была лишь «la bouche du coche». При всем том, однако, можно считать весьма вероятным, что Екатерина питала в это время гораздо большее доверие к Орловым, чем к Дашковой. По рассказу последней, Екатерина во всем деле играла пассивную роль, что несколько не согласуется ни с обстоятельствами, ни с характером императрицы. Поэтому мы не можем не верить замечанию последней в письме к Понятовскому: «Все делалось, признаюсь, под моим особенным руководством».

Зародыш заговора заключался, как можно считать вероятным, в близких отношениях Екатерины к Орлову. Григорий

¹ «La cour de la Russie», 214—215.

Орлов (родился в 1734 году) был обязан покровительству Екатерины получением довольно важного места в артиллерийском ведомстве и употреблял свое влияние в кружках гвардейских офицеров для заговора в пользу императрицы и приготовления переворота. Некоторые офицеры, Пассек, Рославлев, Ласунский, Бредихин и др., вполне сочувствовали плану возвести на престол Екатерину. Григорий Орлов держал в своих руках нити заговора. Недаром лица, окружавшие Петра, считали его опасным человеком. Рассказывают, будто некто Перфильев имел поручение наблюдать за действиями Орлова, но что, по неопытности и небрежности, он в ту самую ночь, когда начались действия заговорщиков, участвовал в оргии, устроенной у Орлова¹.

Впрочем, нет сомнения, что и люди более важные, влиятельные сановники, были посвящены в тайну заговора. И Григорий Орлов, и княгиня Дашкова находились в близких сношениях с графом Кириллом Разумовским, который, как кажется, независимо от инициативы гвардейцев, также мечтал о перевороте в пользу Екатерины.

Особенное значение могло иметь содействие Панина, которого Дашкова посвятила в тайну предприятия. Он был воспитателем великого князя Павла Петровича и ожидал, что императрица удовольствуется лишь ролью регентши на время малолетства ее сына, которого можно будет провозгласить императором.

Впоследствии Панин сообщил датскому посланнику Ассесбургу некоторые подробности о государственном перевороте 1762 года. Из этого рассказа видно, что Панин приписывал себе главную роль в этом событии. От него будто бы зависело назначить время начала действий; по его будто бы усмотрению, были посвящены в тайну заговора князь Волконский и граф Разумовский; он будто бы отправил в Петергоф карету за Екатериною, когда наступило время действий, обо всем сговаривался с княгиней Дашковою² и проч. Повторяется и здесь то же самое,

¹ «Русский архив», 1873, 26; 1870, 966.

² Там же, 1879, I, 362 и след.

что мы видим в записках княгини Дашковой и в письме Екатерины к Понятовскому: каждый рассказчик считает себя главным виновником успеха переворота.

Кроме того, в тайну заговора были посвящены архиепископ новгородский, Дмитрий Сеченов, князь Н.В. Репнин, Теплов и др.

При воцарении Елизаветы Петровны довольно важную роль играли дипломаты Нолькен и Шетарди, которым цесаревна была обязана некоторыми денежными средствами, необходимыми для принятия мер к свержению императора Иоанна Антоновича.

Рассказывают, что Екатерина, за несколько недель до государственного переворота, обратилась к французскому посланнику Бретелю с просьбою ссудить ей некоторую сумму денег, но что Бретель отказал ей в этом и, таким образом, не воспользовался весьма благоприятным случаем для устройства выгодных сношений Франции с Россиею. Прибавляют к этому рассказу, что Екатерина, оскорбленная отказом Бретеля, обратилась через одного агента, Одара, к какому-то английскому купцу, который тотчас же достал денег 100,000 рублей и этим содействовал устройству благоприятных отношений Англии к России в последующее за государственным переворотом время¹.

Екатерина писала Понятовскому о ходе дела следующее: «План состоял в том, чтоб захватить Петра III в его комнате и арестовать, как некогда была арестована принцесса Анна и дети. Он уехал в Ораниенбаум. Тайна была в руках трех братьев Орловых; Остель помнит, как старший из них следовал за мной всюду и делал тысячу нелепостей; его страсть была всем известна; он действовал, побуждаемый ею. Орловы люди решительные и, служа в гвардии, очень любимы солдатами. Я им многим обязана, что подтвердит весь Петербург. Умы гвардейцев были приготовлены, и уже в заговоре было от тридцати до сорока офицеров и около десяти тысяч рядовых. В этом числе не нашлось ни одного изменника в продолжение трех недель; были четыре отдельные партии; их начальники были приглашены для

¹Jauffret. «Catherine II et son regne», Paris, 1860, I, 102.

осуществления плана, а настоящая тайна была в руках трех братьев. Панин хотел, чтобы провозгласили моего сына, но они ни за что на это не соглашались», и проч.

Можно бы считать преувеличенным рассказ Екатерины о весьма значительном числе лиц, посвященных в тайну заговора. Однако из списков лиц, которые получили разные награды за участие в государственном перевороте, видно, что заговорщиков было очень много и что, кроме Орловых, многие другие оказались достойными благодарности Екатерины. Панин был возведен в графское достоинство, и, кроме того, ему была назначена ежегодная пенсия в 5000 рублей; столько же было дано Волконскому и Разумовскому; Дашкова получила 20 000 рублей, Потемкин — 400 душ крестьян и, кроме того, 10 000 рублей¹ и т. д.

27 июня в столице распространился слух о мнимом аресте Екатерины. Один из гвардейских солдат явился к посвященному в тайну заговора поручику Пассеку и настаивал на необходимости принятия мер для спасения императрицы. Другой офицер, узнав об этом, приказал арестовать Пассека и дал знать императору. Между гвардейскими полками распространилось волнение. Настал час решительного удара. Как только Панин и Дашкова, через Орловых, узнали об аресте Пассека, то поспешили сообщить обо всем Екатерине и приняли все меры для немедленного приезда ее в столицу. Алексей Орлов ночью отправился в Петергоф. Утром Екатерина прибыла в Петербург, где тотчас же в казармах присягнули ей гвардейские полки². Около 9 часов она уже явилась у Казанского собора, куда был привезен и великий князь Павел Петрович; здесь совершилось

¹ Разные списки наград: в «Русском архиве», 1864, стр. 199—201 и в «Сб. Ист. общ.», VII, 106 и след. В «Русском архиве», 1867, 481; 1870, 965; 1880, II, 148, встречаются биографические данные о лицах, участвовавших в заговоре. О Дашковой и ее вознаграждении см. ее «Записки», I, 100; см. также Jauffret, «Catherine II», I, 127.

² По некоторым известиям, Екатерина должна была спастись в Петергофе в окно обитаемого ею дворца Монплеизир; см. «Academy» и записки ювелира Позье. По некоторым известиям, граф Кирилл Разумовский помог императрице бежать из Петергофа; см. «Осьмнадцатый век», I, 66.

торжественное провозглашение Екатерины самодержицею, а Павла — наследником, в присутствии, между прочим, архиепископа новгородского, графа Разумовского, Брюса, Строганова, князя Волконского, Панина и других сановников. Около 10 000 солдат окружали собор.

Царствование Петра прекратилось.

Случаев противодействия перевороту было весьма немного. Некоторые офицеры, не решавшиеся присягнуть Екатерине, были арестованы. Когда генерал Вильбоа начал было заявлять о затруднениях, которые может встретить предприятие Екатерины, она строго заметила ему, что не нуждается в его советах, предоставляя ему, впрочем, полную свободу действий. Он тотчас же повиновался воле императрицы. Майор Воейков, напominвший солдатам, что они присягнули Петру, едва не сделался жертвою их ярости и должен был бежать. Семен Романович Воронцов хотел было отправиться в Ораниенбаум, для того, чтобы известить Петра о событиях, происходивших в столице, но был арестован¹. Екатерина писала Понятовскому: «Преображенский полк пришел тоже с криком «ура!», говоря: «виноваты, что последние пришли — офицеры нас не пускали; за то четырех мы арестовали и привели в доказательство нашего усердия, потому что мы того же хотим, чего наши братья». Конная гвардия пришла после; она была в таком восторге, какого я еще не видывала, и кричала со слезами, что отечество освобождено².

В Новом Зимнем дворце, куда поехала Екатерина, она нашла в собрании Сенат и Синод. Теплов наскоро составил манифест и форму присяги. В манифесте было указано на опасность, грозившую государству и церкви со стороны Петра. О мире, заключенном с Пруссией, говорилось: «Слава Российская, возведенная на высокую ступень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие, заключением нового мира с самым ее злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение»³, и проч.

¹ Архив кн. Воронцова», VIII, 4 и след.; Грот. «Державин», VI, 29 и след.

² «La cour de la Russie», 206.

³ Соловьев, XXV, 114, II, № 11582.

Затем были приняты меры для приведения к присяге всех войск, находившихся в окрестностях столицы. Особенно важным успехом было провозглашение Екатерины самодержицею в Кронштадте, который иначе легко мог бы сделаться точкою опоры для действий Петра против нового правительства¹.

Из некоторых замечаний современников видно, что успеху дела Екатерины значительно содействовало случайное или умышленное распространение в столице слуха о кончине Петра. Говорили, что император упал с лошади и ушибся до смерти². Некоторые офицеры, не решавшиеся было присягнуть Екатерине, были убеждаемы этим аргументом признать новый порядок вещей законным. Понятно, что такое известие, хотя оно вскоре должно было оказаться ложным, могло в самую минуту переворота сильно споспешествовать делу императрицы. Впрочем, тотчас же можно было убедиться в том, что император был жив, что перемена на престоле не соответствовала какому-либо законному праву новой императрицы, но была результатом насилия и революционных действий. По улицам Петербурга стояли всюду пикеты солдат; все было приготовлено к военным действиям; можно было считать вероятным междоусобную войну за престол. В Ораниенбауме Петр имел в своем распоряжении голштинские и другие войска. Он мог думать о сопротивлении. Нужно было принять меры для арестования павшего государя, и Екатерина решилась самолично участвовать в этом.

Ночью на 30 июня (11 июня) она, в сопровождении довольно сильного отряда войск, отправилась в Петергоф. В ее рескрипте к сенаторам сказано: «Я теперь выхожу с войском, чтобы утвердить и обнадежить престол, оставляя вам, яко верховному моему правительству, с полною доверенностью, под стражу: отечество, народ и сына моего»³.

Подвиг Екатерины не мог не произвести глубокого впечатле-

¹ «Осьмнадцатый век», I, 69—72.

² Поэзе в «Русской Старине», I, 219.

³ «Сб. Ист. общ.», VII, 101.

ния на современников. Была ясная летняя ночь. Екатерина, верхом, в мужском платье, в мундире Преображенского полка, в шляпе, украшенной дубовыми ветвями, из-под которой распущены были длинные красивые волосы, выступила с войском из Петербурга; подле императрицы ехала княгиня Дашкова, также верхом и в мундире: зрелище странное, привлекательное, пленительное. Эта сцена напоминала забавы Екатерины во время юношества, ее страсть к верховой езде, и в то же время здесь происходило чрезвычайно важное политическое действие: появление Екатерины в мужском костюме, среди такой обстановки, было решающим судьбу России торжеством над жалким противником, личность которого не имела значения, сан которого, однако, оставался опасным до совершенного устранения его. Настала пора необходимости той диктатуры, которую Екатерина предвидела с давних пор: она достигла цели, к которой стремилась в продолжение многих лет¹.

Утром 29 июня Петр, по своему обыкновению, как это ежедневно случалось, был занят военными упражнениями. Во время прогулки, предпринятой около полудня, экипажи императора и его свиты были остановлены одним крестьянином, который в кратких словах сообщил адъютанту Петра, Гудовичу, о событиях в столице. Испуганный и растерявшийся Петр поехал в Петергоф, где были получены более подробные известия о перевороте. Бывший камердинер Петра, Брессан, находившийся в столице, успел написать краткую записку и отправить ее к государю с одним лакеем, переодетым в крестьянское платье. Не без труда и опасности ему удалось пробраться сквозь стражу, расставленную всюду в Петербурге. Его появление в Петергофе рассеяло последние сомнения в том, что Петру приходилось или погибнуть, или немедленно принять меры для спасения. Со стороны лиц, окружавших Петра, были сделаны кое-какие предложения. Он сам совершенно растерялся и все еще надеялся найти где-нибудь в Петергофе Екатерину². Последовал арест графа Разумовского и

¹ Записки Екатерины, 218.

² Даже завзятый сторонник Петра Гельбиг в этом случае насмехается над ним. «Biographie Peters III», Nubingen, 1807, II, 124 и след.

его супруги, а также дочерей гетмана Кирилла Григорьевича, находившихся в это время в Ораниенбауме¹. Возникла мысль отправить Петра в Кронштадт и при помощи находившегося там флота и войска действовать против столицы. Воронцов, Трубецкой, Шувалов поспешили в Петербург для того, чтобы разузнать подробнее о положении дела. Сначала Петр хотел было оставаться в Петергофе и ожидать там нападения войск, которыми располагала императрица; даже было послано за войсками, находившимися в Ораниенбауме. Однако Миних указал на неравенство борьбы и убедил Петра искать спасения в Кронштадте.

Петр со свитой, не исключая придворных дам, отправился в галере из Ораниенбаума к Кронштадту. Подробности этого эпизода сохранились в рассказе Натальи Кирилловны Загряжской. В Кронштадте уже начальствовал уже именем императрицы Екатерины II адмирал Талызин. Когда суда, на которых находился Петр со свитой, приблизились к кронштадтскому рейду, им было велено удалиться, с угрозой, что иначе против них откроется пушечный огонь. Испуганный Петр скрылся в каюту. Суда поплыли назад. Напрасно Миних предлагал с помощью гребцов доплыть до Ревеля, там сесть на военный корабль и отправиться в Померанию, где находились русские войска. План этот оказался неудобоисполнимым. Оставалось вести переговоры с приближавшеюся к Петергофу императрицею².

На пути туда Екатерина на несколько часов остановилась в Красном Кабачке. Княгиня Дашкова рассказывает, как она вместе с императрицею отдыхала в тесной и дурной комнате, на одной постели. Утром, в 5 часов, Екатерина опять была на коне. В Сергиевской пустыни ее встретил князь А.М. Голицын с письмом от Петра: император предлагал ей разделить с ним власть³. Затем приехал генерал-майор Измайлов и объявил, что

¹ «Осьмнадцатый век», I, 66.

² Уже Кастера читал записки Загряжской. В новейшее время ими воспользовался Васильчиков при составлении труда о Разумовских. Рассказ этот вполне согласуется с частностями рассказа Панина Ассесбургу.

³ По рассказу Панина, Екатерина требовала безусловного отречения от престола.

император намерен отречься от престола. Императрица отпустила его с поручением устроить это дело как можно скорее.

В эту минуту Екатерина еще не знала об успехе Талызина в Кронштадте и опасалась, что Петр успеет занять эту крепость и что в его распоряжении будет находиться флот. Скоро все было решено в пользу Екатерины. Петр подписал отречение, составленное Тепловым. В нем он должен был заявить, что «в краткое время своего правительства узнал тягость и бремя, его силам несогласное», и что потому он отказывается от власти безусловно. Затем его и фрейлину Воронцову перевезли в Петергоф. Здесь с ним виделся Панин и сообщил впоследствии Ассбурггу некоторые подробности об этом свидании. «Я считаю, — говорил Панин, — несчастием всей моей жизни, что принужден был видеть его тогда; я нашел его утопающим в слезах». Ассбургг продолжает: «И пока Петр старался поймать руку Панина, чтобы поцеловать ее, любимица его бросилась на колени, испрашивая позволения остаться при нем. Петр также только о том просил» и проч. Просьба не была исполнена. Воронцову отправили в Москву. Петра повезли в Ропшу, имея в виду заключить его в Шлиссельбургскую крепость¹.

Государственный переворот отчасти имел характер военного бунта. При такой важной роли, которую играли в нем гвардейцы, нельзя было ожидать, чтобы дело обошлось без насилия. Оказалось, что новое правительство не без труда сдерживало в солдатах порывы страсти, ненависти к иностранцам.

Позье рассказывает, что он утром 29 июня видел в Петербурге двух англичан, которых преследовали солдаты с обнаженными саблями, и что он спас их тем, что спрятал в своем доме. «Я сам слышал, — пишет Позье, — как солдаты говорили между собою, что всех иноземцев надо перерезать»². Недаром Екатерина, как только началось действие, просила своего дядю,

¹См. письмо Екатерины к Понятовскому об отправлении в Ропшу, «tandis qu'on préparait des chambres et convenables a Schlysselbourg».

²«Русская Старина», I, 216.

принца Георга, оставаться дома, опасаясь за него. К нему явились несколько человек солдат, которые оскорбили его и разграбили его дом. Рассказывая об этом, Позье замечает: «Ни один иностранец не смел показаться на улице, и, если бы я не был знаком с большею частью офицеров, я бы не рискнул выйти на улицу»¹.

Державин рассказывает: «День (30 июня) был самый красный, жаркий; кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошел пир на весь мир; солдаты и солдатки, в неистовом восторге и радости, носили ушатами вино, водку, мед, шампанское и всякие другие вина, и лили все вместе, без всякого разбору, в кадки и бочонки, что у кого случилось. В полночь на другой день с пьянства Измайловский полк, обуяв от гордости и мечтательного своего превозношения, что императрица в него приехала и прежде других им препровождаема была в Зимний дворец, собравшись без сведения командующих, приступив к дворцу, требовал, чтоб императрица к нему вышла и уверила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошел до них слух, что она увезена хитростями прусским королем, которого имя всему российскому народу было ненавистно. Их уверяли дежурные придворные, Ив. Ив. Шувалов и подполковник их, граф Разумовский, также и господа Орловы, что государыня почивает и, слава Богу, в вожделенном здравии; но они не верили и непременно желали, чтоб она им показалась. Государыня принуждена встать, одеться в гвардейский мундир и проводить их до их полка. Поутру (на другой день) издан был манифест, в котором хотя, с одной стороны, похвалено было их усердие, но с другой — напоминалась воинская дисциплина, и чтобы не верили они рассеваемым злонамеренных людей мятежничьим слухам, которыми хотят возмутить их и общее спокойствие; в противном случае впредь за непослушание они своим начальникам и всякую подобную дерзость наказаны будут по законам. За всем тем с того самого дня приумножены пикеты,

¹ «La cour de la Russie», 206. «Русская Старина», I, 224 и след. Некоторые подробности в записках Болотова. De la Marche, 167, 190, 201.

которые в многом числе, с заряженными пушками и с зажженными фитилями, по всем местам, площадям и перекресткам расставлены были. В таковом военном положении находился Петербург и особенно вокруг дворца, в котором государыня пребывание свое имела дней с восемь¹.

Таким образом, Екатерина сама находилась в некоторой опасности. Трудно было справиться со своеволием тех самых солдат и офицеров, которые содействовали успеху переворота. Общее волнение могло легко повести к смутам.

К таким непредвиденным событиям принадлежала и внезапная кончина Петра в Ропше 5 (17) июля.

Граф Мерси писал о Петре: «Во всемирной истории не найдется примера, чтобы государь, лишаясь короны и скипетра, выказал так мало мужества и бодрости духа, как он, царь, который всегда старался говорить так высокомерно; при своем же низложении с престола поступил до того мягко и малодушно, что невозможно даже описать»².

Предложение Екатерины перевести Петра из России в Шлиссельбург оказалось лишним. 6 июля она получила известие о смерти бывшего императора. «Я нашла императрицу, — говорит Дашкова, — в совершенном отчаянии; видно было, под влиянием каких тяжких дум она находилась. Вот что она мне сказала: «Эта смерть наводит на меня ужас; этот удар меня сокрушает».

7 июля, был издан манифест о кончине бывшего императора Петра III. Сенат просил Екатерину оставить свое намерение «шествовать к погребению императора Петра III в Невский монастырь». Она исполнила эту просьбу³.

Впоследствии Екатерина довольно часто и весьма охотно беседовала с разными лицами об этих событиях. Когда, например,

¹Державин. «Записки», 433. О счетах, представленных купцам за растащенные вина из погребов, XXV, 124. Сумма была весьма значительна — 24 331 рубль.

²Сб. Ист. общ., XVIII, 475.

³Соловьев, XXV, 139—140.

в 1770 году прибыл в Россию прусский принц Генрих, приехавший с ним вместе шведский дворянин граф Гордт, имел разговор с императрицею о государственном перевороте 1762 года. Он был в восхищении от рассказа Екатерины¹.

И с Иосифом II, прибывшим в Россию в 1780 году, Екатерина разговаривала о частностях своего воцарения².

Храповицкий в своем дневнике рассказывает подробно, как Екатерина беседовала с ним о перевороте 1762 года. Так, например, она заметила: «(Мое) восшествие (на престол) не может быть сравнено с восшествием Елизаветы Петровны. Тут не было неурейства, но (было) единодушие. Меня знали 18 лет прежде». Однажды в 1788 году ей случилось услышать имя Стволова; она спросила: «Не сын ли Стволова, бывшего при моем восшествии на престол?» Тут она вспомнила некоторые подробности этого события, как Стволов, гренадер преображенский, стоял в саду, как он у нее поцеловал руку, как «у него полились в три ручья слезы» и проч. «Согласных было в каждом полку по 99», — рассказывала она Храповицкому. Все частности воцарения оставались у нее в свежей памяти. Храповицкий замечает в 1789 году: «За туалетом дивились, что 27 раз празднуют коронование; все еще на памяти и, кажется, было недавно»³.

Зато Екатерина была недовольна появлением в печати разных книг, в которых говорилось о ее воцарении. Так, например, в 1763 году явилась книга «Memoires pour servir a l'histoire de Pierre III», привоз которой в Россию был строго запрещен⁴.

В 1768 году Дидро писал из Парижа к Фальконету, находившемуся в Петербурге, что некто Рюльер (Rulhiere), бывший в 1762 году секретарем французского посольства в Петербурге, написал историю государственного переворота. К этому Дидро

¹ «Memoires d'un gentilhomme suedoie», Berlin, 1788, 315.

² Arneih. «Maria Theresia und Joseph II», III, 272.

³ Дневник Храповицкого, изд. Барсукова, 82, 222, 309.

⁴ «Архив кн. Воронцова», VII, 605.

прибавил, что появление этого сочинения в печати может оказаться неудобным, так как некоторые выражения об императрице в книге ей могут не понравиться¹.

Фальконет тотчас же сообщил императрице эту новость. Были приняты меры через русское посольство в Париже, чтобы покупкой рукописи у автора предотвратить публикацию книги. Цель была достигнута. Сочинение Рюльера «*Histoire ou anecdotes sur la revolution de Russie de 1762*» явилось в печати не раньше 1797 года. Княгине Дашковой и императрице было хорошо известно содержание этой книги. Дашкова составила целый ряд замечаний и поправок к сочинению Рюльера². На замечание Гримма, что, в сущности, сочинение Рюльера не столько вредно, сколько полезно, Екатерина ответила следующей общою характеристикою государственного переворота 1762 года: «Все дело заключалось в том, чтобы или погибнуть вместе с сумасшедшим, или спастись вместе с народом, который хотел избавиться от него. Если бы он вел себя благоразумнее, с ним бы ничего не случилось»³.

¹ «Сб. Ист. Общ.» XVII, 44, 52, 57, 58, 259—260, 288.

² «Архив кн. Воронцова», VII, 653, и «Русский архив», 1877, II, 359 и 360.

³ «Il s'agissait de périr avec un fou ou de se sauver avec la multitude qui prétendait s'en délivrer. Or a cela, il n'y avait de manigance que celle de la mauvaise conduite du personnage, car sans cette conduite, assurément, jamais il n'aurait rien pu lui arriver».

ГЛАВА VI

Начало царствования

События первых дней царствования Екатерины представляют несколько данных для решения вопроса о том, насколько инициатива в государственном перевороте принадлежала самой императрице. Если бы княгиня Дашкова или Орловы имели в этом событии большее значение, нежели императрица, то едва ли бы можно было думать, в самое первое время царствования Екатерины, о каком-либо единстве политической мысли. Только путем безусловного перевеса императрицы над Орловым и Дашковой было возможно избежать борьбы придворных партий, которые легко могли лишить императрицу результатов ее смелого подвига.

Во все время государственного переворота Екатерина держала себя спокойно, величаво. Некоторые черты в рассказах современников, например в записках Позье, свидетельствуют о ее необычайной осмотрительности, о хладнокровии и присутствии духа в самые критические минуты этих событий. Понятно, что такой образ действий должен был содействовать упрочению ее престола и независимости поступков императрицы в первые дни царствования. Долго она стремилась к той цели, которая, наконец, была достигнута. Теперь ей приходилось выказывать способность занимать первое место в государстве.

Екатерина не хотела довольствоваться регентством на время малолетства Павла; она сделалась самодержицею.

Не так смотрели на дело другие лица, участвовавшие в перевороте. Особенно княгиня Дашкова и Панин мечтали лишь о регентстве Екатерины¹. То обстоятельство, что императрица не обращала никакого внимания на это желание своей подруги и воспитателя великого князя, свидетельствует о самостоятельности ее действий в отношении к государственному перевороту. Все происходило по ее повелению. Во всем она имела инициативу.

Рассказывали, что Панин составил записку о том, чтобы императрице быть правительницею, и что она на это согласилась, но будто гвардейские офицеры воспротивились такому намерению и поздравили Екатерину самодержавною императрицею². По другому рассказу, Екатерина будто бы даже согласилась дать подписку о регентстве, но Орловы позаботились о том, чтобы добыть обратно эту бумагу, хранившуюся в Сенате³. И о Разумовском говорили, что, по его мнению, Екатерина должна была царствовать не как самодержица, а как мать Павла, до достижения последним совершеннолетия.

Как бы то ни было, ни в одном из манифестов Екатерины в первое время ее царствования мы не встречаем хотя бы малейшего намека на какое-либо ограничение власти ее или на временное значение ее царствования. К тому же не было никого, кто бы мог сделаться защитником прав Павла. Разве только в кружках недовольных, в первое время царствования Екатерины, заходила речь о том, что по праву престол принадлежит не Екатерине, а ее сыну. В сущности, самодержавие ее не могло сделаться вопросом.

В какой степени самолично и независимо Екатерина, тотчас же после вступления на престол, занялась делами, видно из множества собственноручных записок, составленных ею в первые дни ее царствования. Таков, например, собственноручный указ сенаторам от 28 июня, в котором Екатерина, отправляясь в Пе-

¹ Записки кн. Дашковой, 43—44.

² Соловьев, XXV, 258.

³ «Русская Старина», IV, 380.

тергоф, принимает меры для безопасности государства; таковы собственноручное приказание адмиралу Талызину в Кронштадте действовать в пользу нового правительства, значительное число собственноручных писем: к Салтыкову, Чернышеву, Глебову, Суворову, собственноручное расписание о наградах за участие в государственном перевороте. Этот список составлен весьма тщательно самою императрицею; в нем сначала упомянуты Григорий, Алексей и Федор Орловы, затем Пассек, Бредихин, Бятинский и др. По своему усмотрению Екатерина раздавала ордена, чины, деньги и крестьян, назначала разных лиц на известные должности. Около одного миллиона рублей было истрачено на эти награды в первое время нового царствования¹.

Нужно было решить судьбу некоторых приверженцев павшего императора. В первый раз в России, при крутой перемене, торжествующая партия относилась кротко и снисходительно к побежденным противникам. Прежде всего приходилось позаботиться об участии голштинских родственников Петра. Уже на третий день после переворота принц Георг с семейством мог беспрепятственно отправиться в Германию. В письме к принцу и принцессе Екатерина изъявила сожаление о том, что они, во время событий 28 июня, пострадали от неистовства солдат. Она назначила принца администратором в Голштинии и приложила к своему письму сумму в 150 000 рублей, присовокупляя, что, если эта сумма окажется недостаточною, она ее пополнит². Голштинские войска были отправлены на родину, причем некоторая часть их потерпела кораблекрушение³. Что касается бывшей фрейлины Воронцовой, то Екатериною было выражено желание, чтобы она не являлась ко двору. В записке к Елагину сказано: «Перфольевич, сказывал ли ты кому из Лизаветиных родственников, чтобы она во дворец не размахнулась, а то боюсь, к общему соблазну, завтра прилетит»⁴.

¹ «Сб. Ист. общ.», VII, 101 и след.

² «Русская Старина», I, 228.

³ Напрасно Кастера, I, 168, обвиняет в этом императрицу.

⁴ «Сб. Ист. общ.», VII, 149.

Достоин внимания образ действий в отношении тех лиц, которые во время переворота старались отстаивать права Петра. Канцлер Михаил Илларионович Воронцов был арестован по приказанию императрицы после того, как он, по желанию Петра, приехал в Петербург в первый день переворота, чтобы узнать, что происходит в столице. Как только Воронцов подошел к императрице, она спросила его, за тем ли он пришел, чтобы присягнуть ей. Воронцов ответил, что в настоящую минуту не может. «В таком случае, — сказала Екатерина, — не прогневайтесь, если я вас посажу под домашний арест; я с этой целью назначу двух гвардейских офицеров, которые отправятся с вами. Впрочем, можете быть спокойны за себя»¹. Воронцов недолго оставался под арестом. Узнав о кончине Петра, он присягнул Екатерине, и даже несколько месяцев оставался канцлером; вскоре, однако, недоразумения, возникшие между ним, Паниным и Григорием Орловым, заставили его просить отставку и удалиться за границу².

Старый фельдмаршал Миних во время кризиса давал советы Петру и старался ободрить его. После катастрофы он присягнул Екатерине; для нее он оставил кое-какие проекты реформ в области государственного права, надеясь занять одно из первых мест в придуманных им учреждениях, однако, должен был довольствоваться должностью главного начальника остзейских гаваней. С тактом и снисходительностью Екатерина относилась к честолюбивому сановнику, надоедавшему ей разными проектами о нововведениях³.

Еще до вступления на престол Петра Волков пользовался его собственным доверием. Во время царствования Петра он имел сильное влияние. Теперь же, после государственного переворота, он в нескольких письмах к Орлову старался оправдать свой образ действий и этим снискать расположение

¹ «Русская Старина», I, 222.

² «Архив кн. Воронцова», VII, 609 и след.

³ Миних. «Ebauche pour donner une idee de la forme du gouvernement en Russie», 184. Соловьев, XXV, 23 и 135. Его переписка с императрицей в сборнике Бюшинга, XVI, 411—478.

императрицы, причем нисколько не щадил своего прежнего покровителя. Ему дали пост губернатора. Гудович, игравший роль фаворита при Петре III, удалился в свою деревню. Весьма немногие приверженцы Петра, как, например, Мельгунов, несколько дней оставались под арестом. И Шуваловы, столь часто относившиеся враждебно к Екатерине в прежнее время, были удостоены благосклонного внимания императрицы, однако они не имели влияния и вскоре после перемены удалились от дел по собственной воле¹.

Одною из первых мер Екатерины после воцарения было приглашение ко двору бывшего канцлера, А.П. Бестужева, который с 1758 года жил в ссылке в одном из своих имений. Понятно, что Екатерина, находившаяся в дружбе с Бестужевым с 1754 до 1758 года и многим ему обязанная, вспомнила теперь об опытном государственном деятеле. Он был вызван в Петербург². Несколько лет тому назад над ним был произнесен приговор, как над государственным преступником; теперь же Екатерина обнародовала манифест о возвращении Бестужеву прежних достоинств и о непорицании его за состояние под судом и наказанием. Бестужев не сделался вновь канцлером, но пользовался особенным доверием Екатерины, которая назначила ему пенсию в 20 000 рублей и имела в виду назначить его «первым императорским советником и первым членом нового императорского совета», учреждение которого, впрочем, не состоялось. И другие лица возвратились из ссылки, например, Елагин, сделавшийся кабинет-секретарем, Ададуров, получивший место председателя мануфактур-коллегии, и проч.

Были приняты меры для поправления крутых и несправедливых действий прежних правительств. Возвращены из ссылки некоторые лица, наказанные строго за участие в так называемом заговоре Ботты. Вдове Апраксина было дано значительное денежное вспомоществование. Лестоку возвратили часть конфискованного при Елизавете имущества.

¹ «Осьмнадцатый век» III, 343—354.

² Записки кн. Шаховского, II, 139.

Разные лица получили щедрые награды, например, Бирон 20000 рублей на покупку серебряного сервиза, Разумовский беспроцентную ссуду в 60 000 рублей; ювелиру Позье была выплачена сумма в 50 000 рублей, которую ему был должен Петр III, и проч.

В таких значительных подарках и наградах заметна некоторая склонность Екатерины к расточительности. Но в то же самое время в подобных мерах обнаруживается доброта души, желание поправить прежнюю несправедливость, выразить благодарность за услуги. Императрица с первых дней своего царствования выказала необычайную кротость и любезность в обращении с людьми всех состояний, не умаляя нисколько своего достоинства. И важные, и менее важные мероприятия ее царствования, уже в первое время после переворота, свидетельствуют о личной инициативе государыни. С давних пор она была готова руководствоваться советами благоразумных и знающих людей. Тотчас же после воцарения она вступила в переписку с многими лицами, которые могли быть полезными ей и государству. Она умела беседовать с тщеславным Бецким, который приписывал себе главную долю успеха государственного переворота и которому она поручила заведование приготовлениями к коронации, и с опытным в делах сановником, князем Шаховским, которого она вызвала в столицу и который должен был посвящать ее во все тайны административного организма; в ее обращении с образованным и знающим Я.Е. Сиверсом, которому было суждено принимать весьма деятельное участие в администрации, в ее переписке с Румянцевым и другими сановниками, в частной и остроумной беседе с разными царедворцами — везде встречаются доказательства необычайных способностей к занятиям делами, громадная рабочая сила, умственный перевес над всеми людьми, ее окружавшими, и добросовестное отношение к обязанностям государя. И кротость, и личное участие в делах, и ясность суждений, и запас сведений — все это представляло собою явную противоположность той несамостоятельности и случайности, которыми отличалось правление Елизаветы Петровны, и грубость нрава и ограниченность Петра III. Личность Екате-

рины производила на всех и каждого глубокое впечатление. Монархическое начало имело в ней самого достойного представителя.

Впрочем, и в первое время царствования Екатерины, как и впоследствии, здесь и там встречаются и неблагоприятные отзывы о ее личности. Граф Мерси, недовольный императрицею за то, что она не возвращалась безусловно к прежней политической системе Елизаветы в отношении Австрии и Пруссии, горько жаловался на «высокомерие» императрицы и на ее склонность «принимать во всех делах диктаторский тон»¹. Австрийского дипломата раздражала склонность России к миру: Панин объявил ему, что истощение государства не допускает возобновление усиленных действий против Пруссии, и проч. Полнейшая самостоятельность политики России не понравилась графу Мерси. Особенною независимостью отличалась сама императрица. Бестужев не хотел и слышать о сближении с Францией или с Пруссией; Панин составил весьма сложный план союза России с Англией, Пруссией, Скандинавиею и Польшею. Екатерина именно в области внешней политики с первых дней своего царствования руководствовалась исключительно своими собственными соображениями. Не было никого, кто бы мог заставить ее следовать какой-либо сложной системе или политической доктрине. Она в каждом данном случае действовала по своему собственному усмотрению. Эстергази играл довольно важную роль при Елизавете, Гольц и Шверин были советниками Петра; теперь же Екатерина и относительно Пруссии, и относительно Австрии была вполне независима, и этим самым Россия приобрела гораздо более важное значение в общеевропейской политике: нельзя было располагать Россиею в пользу той или другой державы; все они должны были принимать в соображение вполне самостоятельные действия России в международных сношениях. Таким образом, усиливалось влияние последней на Европу.

Екатерина не без основания указывала на довольно затруднительные обстоятельства, при которых она начала царствовать.

¹ «Сб. Ист. общ.», XVIII, 460.

«Финансы были истощены. Армия не получала жалованья за три месяца. Торговля находилась в упадке, ибо многие отрасли ее были отданы в монополию. Не было правильной системы в государственном хозяйстве. Военное ведомство было погружено в долги; морское едва держалось, находясь в крайнем пренебрежении. Духовенство было недовольно отнятием у него земель. Правосудие продавалось с торгу, и законами руководствовались только в тех случаях, когда они благоприятствовали лицу сильному», и проч. Екатерина указывает затем на целый ряд мер, ею принятых для того, чтобы помочь этим недостаткам. Она любила при таких случаях придавать своим реформам чрезмерное значение¹.

Нельзя отрицать, что тотчас же после воцарения императрицы была заметна кипучая деятельность в государственном организме и во всех отношениях выказывалось личное участие Екатерины в решении всевозможных вопросов.

На пятый или шестой день по своем восшествии на престол императрица присутствовала в Сенате, которому приказала собираться в Летнем дворце, чтобы ускорить течение дел. Сенат начал с представления о крайнем недостатке в деньгах. Екатерина отвечала, что употребит на государственные нужды собственные карманные деньги, что, «принадлежа сама государству, она считает и все принадлежащее ей собственностью государства, и на будущее время не будет никакого различия между интересом государственным и ее собственным». Сенаторы жаловались на дороговизну хлеба. Для понижения цен на хлеб в Петербурге Екатерина запретила временно вывоз хлеба за границу, что в два месяца произвело дешевизну всех припасов. Некоторые распоряжения прежних правительств, оказавшиеся нецелесообразными, поспешными и несправедливыми, были отменены. В других вопросах, требовавших всестороннего обсуждения, Екатерина сама предлагала отсрочку решений. В продолжение немногих недель, т.е. до 1 сентября, когда императрица отправилась в Москву для коронации, она участвовала в пятнадцати заседаниях Се-

¹ «Русский архив», 1866, 58 и след.

ната. Воспоследовали некоторые меры, клонившиеся к обеспечению материального благосостояния народа: понижение цены на соль, отмена некоторых монополий и привилегий, освобождение торговли от разных стеснявших ее преград и проч. Решение вопроса о секуляризации духовных имуществ было отложено. Чрезвычайно трудною задачею оказалось укрощение крестьянских мятежей, свирепствовавших в разных частях государства. Вопрос об учреждении государственного совета занимал Екатерину в первое время ее царствования¹. Она рассматривала множество бумаг, на полях которых иногда остро и метко излагала свое мнение, иногда выражаясь общими местами, например: «Где общество выигрывает, тут на партикулярный ущерб не смотрят» и т.п.² В таких замечаниях чувствуется желание принести пользу, действовать справедливо. Всюду заметно стремление к ознакомлению с техникою вопросов законодательства и администрации. Несколько резкий тон, в котором делаются внушения сенаторам, слегка напоминают нам способ обращения Петра с бывшими сановниками в государстве.

Понятно, что Екатерина впоследствии охотно говорила и писала об успешном устранении многих затруднений в начале своего царствования. Такова, например, записка, составленная ею в 1779 году. Здесь, например, сказано: «Сенат определял воевод, но числа городов в империи не знал. Когда я требовала реестра городам, то призналась в неведении оных; даже карты всей империи Сенат от основания своего не имел. Я, быв в Сенате, послала пять рублей в Академию Наук чрез реку от Сената и купленный там кирилловский печатный атлас в тот же час подарила Правительственному Сенату». В другом месте: «По восшествии моем на престол Сенат подал мне реестр доходам империи, по которому явствовало, что оных считали шестнадцать миллионов. По прошествии двух лет я посадила князя Вяземского и действительного тайного советника Мельгунова,

¹ См. статью Соловьева «О Сенате в первое время царствования Екатерины», в «Древней и новой России», 1875, I, 22—28.

² Соловьев, XXV, 358.

тогдашнего президента камер-коллегии, считать доходы. Они несколько лет считали, переписываясь раз по семи с каждым воеводою. Наконец, сочли двадцать восемь миллионов: двенадцать миллионов больше, нежели Сенат ведал». Далее она рассказывает, как сначала сама принимала прошения, но как затем нужно было отменить этот способ, потому что в один праздник, «во время шествия со всем штатом к обедне, просители пересекли мне путь, став полукружием на колена с письмами», и проч. Довольно резко императрица осуждала некоторые меры своих предпешественников, также сильно порицала военное управление Апраксина при Елизавете Петровне. Иногда она излагает, каким образом ей приходилось обмениваться мыслями и спорить с сенаторами при решении разных вопросов администрации и законодательства¹.

Современники уже в самое первое время царствования Екатерины удивлялись ее рабочей силе. Рассказывали, что она вставала в 5 часов утра и тотчас же начинала заниматься делами. Миних замечает, что императрица работала иногда по пятнадцать часов в день². Теперь ей пригодилось то энциклопедическое образование, которое она успела приобрести в последние 18 лет до воцарения. Всячески она старалась вникнуть в сущность предметов законодательства и администрации, составить себе точное понятие о разных вопросах, удачно выбирать лиц при замещении разных должностей, встречать грозившие с разных сторон опасности, помочь недостаткам в государственном и общественном строе, сделаться воспитателем подданных. Редко в такой степени, как у Екатерины, усидчивость труда при исполнении монархических обязанностей была связана с чувством ответственности пред народом и государством; но в то же время редко в такой мере, как у Екатерины, встречались оптимизм, уверенность в успехе, вера в собственный талант и некоторую непогрешимость. Нельзя отрицать, что такого рода самоуверенность проистекала из несколько дилетантского отношения к сложным вопросам политики, но вместе с тем нельзя

¹ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 170.

² «Ebauche», 189.

не допустить, что значительная доля успехов ее царствования обуславливалась этою надеждою на собственную силу, упованием на удачу и счастье. Понятно, что была громадная разница между предположением и исполнением, между благими намерениями и осуществлением широких планов; результаты не соответствовали началу действий; фактический успех далеко уступал вдохновению счастливого темперамента императрицы; вообще же характер первых действий Екатерины после ее воцарения, идеальное отношение ее к своему призванию производят освежающее впечатление и дают нам высокое понятие о политической прозорливости императрицы. Правда, она наслаждалась блеском и славой своего положения; сильная доля тщеславия и самолюбия бросается в глаза при многих действиях ее царствования, но все это находилось в самой тесной связи с истинным человеколюбием и просвещением, с необычайным сознанием долга, с горячим желанием принести пользу России. Недаром она так долго стремилась к занятию престола: она умела царствовать.

При своем восшествии на престол Екатерина пользовалась всеобщим расположением. Иностранные дипломаты доносили, что императрица любима русским народом¹. Из записок современников видно, что известие о ее воцарении было всюду встречено с радостью, даже с восторгом². Когда Бестужев, указывая на общее удовлетворение при воцарении Екатерины, представил Сенату записку, в которой предлагал дать ей прозвище «матери отечества», она решительно отказалась принять эту честь, замечая при этом: «Видится мне, что сей проект еще рано предложить, потому что растолкуют в свете за тщеславие»³. Еще прежде возникла мысль сооружения памятника Екатерине⁴. Все

¹ Соловьев, XXV, 208.

² Записки кн. Шаховского, II, 141.

³ «Сб. Ист. Общ.», VII, 158.

⁴ Там же, XVII, 303—351.

это не имело особенного значения: и Петру III хотели воздвигнуть статую.

Спрашивалось, насколько популярность, которою пользовалась Екатерина в первое время своего царствования, могла считаться прочною?

Она стояла высоко над придворными партиями. Пока ей удалось сдерживать порывы ненависти между разными лицами, ее окружавшими. Нуждаясь в содействии всех, она соблюдала нейтралитет между Паниным и Бестужевым, между Орловым и княгиней Дашковой.

При всем том обстоятельства легко могли породить некоторое неудовольствие. Панин был недоволен устранением его предположения сделать Павла императором и ограничить монархическую власть; между Дашковой и Екатериною, вскоре после государственного переворота, произошли кое-какие недоразумения; Теплов жаловался, что Елагин пользовался у императрицы большим доверием, чем он; некоторые гвардейские офицеры считали себя недостаточно вознагражденными за участие в государственном перевороте. Было невозможно исполнить все желания, удовлетворить всех сообщников, удовлетворить всем требованиям, вызванным честолюбием, алчностью и тщеславием. Неудовольствие могло повести к неприязненным действиям. То, что удалось недавно в пользу Екатерины, могло удасться и в пользу других лиц.

Существовали претенденты.

Граф Мерси писал: «Кажется еще сомнительным, не сделала ли новая императрица большой ошибки в том, что возложила корону на себя, а не провозгласила своего сына, великого князя, самодержцем, а себя регентшею империи во время его несовершеннолетия»¹.

Недаром прежние правительства считали брауншвейтцев опасными претендентами на престол. Бывший император, Иван Антонович, внук царя Ивана Алексеевича, мог сделаться соперником бывшей принцессы Ангальт-Цербстской, превратившейся во всероссийскую императрицу.

¹ «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 464.

Петра III, супруга Екатерины, не стало. Он погиб внезапной смертью. Однако его тень могла грозить страшною опасностью сменившему его правительству.

Завладев короною, Екатерина должна была отстаивать ее. Не без насильственных кризисов и печальных эпизодов ей удалось удержать власть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Внутренние смуты

ГЛАВА I

Признаки неудовольствия

В восемнадцатом веке в России было несколько непродолжительных царствований. После переворота, жертвами которого сделались император Иоанн Антонович и его родственники, после быстрой перемены на престоле, совершившейся летом 1762 года, можно было считать вероятным, что и Екатерина не долго удержится на троне.

Особенно легко могло явиться опасение, что при ней будет иметь простор фаворитизм в ущерб интересам государства и общества. Ожидали, что Григорий Орлов займет то место, которое занимал Меншиков при Екатерине I или Бирон при Анне Иоанновне. И тот и другой сделались жертвами придворных интриг. Против фаворита императрицы Елизаветы, Разумовского, был направлен заговор Батурина в 1749 году. Такая же опасность могла грозить и Григорию Орлову. Падение фаворита могло сделаться роковым и для самой императрицы. Обстоятельства заставили ее быть осмотрительною для избежания опасности.

Екатерина писала Понятовскому в первое время своего царствования, что ей необходима величайшая осторожность, что за нею наблюдают. «Меня принудят, — писала она, — сделать еще тысячу странностей: если я уступлю, меня будут обожать; если нет, то не знаю, что случится». В другом письме ее сказано: «Мое положение таково, что я должна принимать во внимание

многие обстоятельства; последний солдат гвардии считает себя виновником моего воцарения, и при всем том заметно общее брожение»¹ и проч.

Порою происходили беспорядки, 9 (20) августа, следовательно через несколько недель после переворота, английский дипломат Кейт доносил своему правительству: «Со времени переворота между гвардейцами поселился скрытый дух вражды и недовольства. Настроение это, усиленное постепенным брожением, достигло таких размеров, что ночью на прошлой неделе оно разразилось почти открытым мятежом. Солдаты Измайловского полка в полночь взяли за оружие и с большим трудом сдались на увещания офицеров. Волнения обнаруживались, хотя в меньшем размере, две ночи подряд, что сильно озаботило правительство; однако, с помощью отчасти явных, отчасти тайных агентов, многих офицеров и солдат выслали из столицы, через что порядок восстановлен, и в настоящую минуту опасности не предвидится»².

Рассказывали, что особенно в Москве, куда Екатерина отправилась для коронации, господствовало неудовольствие³. Между тем она из Москвы писала к графу Кейзерлингу: «Невозможно вам описать радость, какую здесь бесчисленный народ оказывает при виде моем: стоит мне выйти или только показаться в окне, и клики возобновляются»⁴.

Следующий эпизод, не имевший особенно важного значения, мог считаться признаком неудовольствия в военных кругах.

Орлов через некоторых офицеров узнал о существовании партии, которая хотела возвести на престол бывшего императора, Иоанна Антоновича. Один из офицеров показал, что уже было отправлено некоторое число заговорщиков для освобождения претендента из заключения в Шлиссельбурге; по другому известию, не менее 1000 человек было посвящено в тайну заговора

¹ Соловьев, XXV, 149; Adolph Beer. «Die erste Theilung Polens». Wien, 1873, II, 323.

² «Сб. Ист. общ.», XII, 38.

³ Castéra, I, 163.

⁴ Соловьев, XXV, 160.

и что поэтому нельзя было сомневаться в успехе; говорили о князе Голицыне и о графе Н.И. Панине как о вожаках этого предприятия; ходили слухи о существовании двух революционных партий, из которых одна хотела возвести на престол Иоанна Антоновича, между тем как другая была недовольна тем, что Павел не сделался императором; в этой партии, желавшей возвести на престол Павла, обсуждался вопрос, кого назначить регентом, Панина или Шувалова.

Действий не было. Все оказывалось нелепою болтовнею в среде немногих офицеров, которые и были арестованы. Об участии высших сановников в каком-либо заговоре не могло быть и речи. Екатерина поручила исследовать дело без пыток. Поручик Гурьев и Петр Хрущов были приговорены к смертной казни, другие офицеры — к каторжной работе. Екатерина смягчила наказания. В манифесте об этом деле сказано: «Мы можем, не похвалившись, пред Богом целому свету сказать, что от руки Божией приняли всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы Его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном нашем отечестве». Далее в общих выражениях говорилось о заговоре следующее: «Нашлись такие неспособные люди, которые покусились делать умысел к ниспровержению Божия у нас промысла и к оскорблению нашего величества, и тем безумно вознамерились похитить Богом врученного нам народа общее блаженство, о котором мы беспрестанно трудимся с матерним попечением». В циркуляре к русским дипломатам за границу, которым было сообщено об этом эпизоде, заговорщики названы «извергами всего человеческого общества», говорится о их «богомерзком умысле», о их «ветреном сумасбродстве»¹ и проч.

Несколько большее значение имел заговор, направленный против Григория Орлова и открытый намного позднее дела Гурьева и Хрущова; виновниками были некоторые гвардейские офицеры, участвовавшие в государственном перевороте и недо-

¹ Соловьев, XXV, 161—164. «Сб. Ист. общ.», VII, 170—171. «Осьмнадцатый век», I, 75—77. Полный свод законов (ПСЗ), № 11, 693.

вольные наградами, полученными при этом случае. То были Рославлев, Лосунский и Хитрово. Что они просили денег и получили отказ, видно из следующей записки Екатерины к Елагину: «Ты имеешь сказать камергерам Лосунскому и Рославлевым, что, понеже они мне помогли взойти на престол, для поправления непорядков в отечестве своем, (то) я надеюсь, что они без прискорбия примут мой совет, а что действительная возможность ныне раздавать деньги, тому ты сам свидетель очевидный»¹.

Неудовольствие офицеров повело к следующим разговорам. Весною 1763 года, когда императрица в сопровождении графа Орлова отправилась из Москвы в Воскресенский монастырь, камер-юнкер Хитрово начал распространять слух о намерении Екатерины обвенчаться с Орловым; виновником этого, по мнению камер-юнкера, был «старый черт» Бестужев; офицеры решили, что нельзя допустить этого брака. «Если императрица, — говорил Хитрово, — намерена выйти замуж, то у Иванушки — так звали бывшего императора Иоанна Антоновича — есть два брата; а если не согласится на них, то, схватя Орловых, всех отлучить; в то время уже можно отвлечь ее от этого дела; она сама нам будет благодарна, что мы нарушителя порядка от нее оторвем». Опять между офицерами ходили слухи о готовности знатных лиц, как, например, Панина, Глебова, княгини Дашковой, участвовать в заговоре. Достойно внимания показание Хитрово на допросе: «Алексей Орлов сказал мне, что Панин сделал было подписку с тем, чтоб быть государыне императрицею, и она на это согласилась; а когда пришли в Измайловский полк и объявили про ту подписку капитанам Рославлеву и Лосунскому, то они ей объявили, что на то не согласны, а поздравляют ее самодержавною императрицею, и велели солдатам кричать «ура». В допросах обнаруживались также кое-какие подробности об агитации Бестужева в пользу брака Екатерины с Орловым и об оппозиции, которую встретила эта мысль некоторыми высокопоставленными лицами»².

¹Сб. Ист. Общ., VII, 234.

²Соловьев, XXV, 257 и след.

Княгиня Дашкова в своих записках рассказывает, что Бестужев действительно хлопотал о браке Екатерины с Орловым и что Панин противодействовал осуществлению этого плана. Панин по этому поводу имел объяснение с императрицею, которая объявила, что Бестужев действовал без ее ведома¹.

Трудно сказать, как думала сама Екатерина об этом плане Бестужева, желала ли она вступить в брак с Орловым или нет². Как бы то ни было, Орлов не сделался ее супругом.

Между тем агитация офицеров против Орлова требовала наказания. При допросах обнаруживался целый ряд неосторожных разговоров и выражений Хитрово и его товарищей. Из некоторых записок Екатерины, относящихся к этому делу, видно, что она принимала участие в следствии и обращала внимание на частности дела. Сенатору Василию Ивановичу Суворову она писала между прочим: «Поступайте весьма осторожно, не тревожа ни город и, сколько можно, никого, однако ж таким образом, чтобы досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова с предприятием. Впрочем, по полкам имеете уши и глаза». Особенно она старалась узнать, что говорили о мнимом неисполнении обещания, данного ею Панину быть правительницею³.

И при этом случае, как в деле Гурьева—Хрущова, не было собственно опасных действий. Преступление ограничивалось смелыми и задорными речами. Виновники, в сущности, даже не были наказаны; против них были приняты административные меры. Хитрово был сослан в свое имение, Лосунский и Рославлев уволены в отставку. Манифеста, относящегося к этому случаю, не было опубликовано. Зато, вскоре после, на московских улицах читали общий указ, в котором всем и каждому внушалось «удаляться от всяких предерзких и непристойных разглашений»⁴ и проч.

¹ Записки кн. Дашковой, 85.

² См. «Осмынадесятый век», II, 460 и след.

³ «Сб. Ист. общ.», VII, 289.

⁴ ПСЗ, № 11843.

Екатерине грозила опасность не со стороны только одних военных. И между духовными лицами были люди весьма недоброжелательные императрицею. Самым смелым и опасным противником ее был архиепископ Ростовский Арсений Мацеевич.

Еще при прежних правительствах между ним и светской властью происходили недоразумения, так как он иногда резко говорил о законодательстве, касающемся духовных вопросов. При Екатерине дело дошло до сильного столкновения, жертвою которого сделался архиепископ. Его погубили крайняя раздражительность, неограниченное высокомерие и чрезвычайная смелость. Желая охранить права и привилегии церкви, он являлся не столько представителем настоящего благочестия, истинно религиозного чувства, сколько сторонником материальных интересов духовенства и иерархического честолюбия, и поэтому скорее был опасным, чем полезным защитником церкви. При всем своем уме и при всей необычайной учености он был ограниченным представителем сословных прав, не соответствовавших духу времени. В упорной борьбе между ним и Екатериною светская власть осталась победителем¹.

Меры, принятые Петром III для секуляризации духовных имуществ, возбудили ропот в среде духовенства и даже содействовали свержению с престола этого государя. Сильнее всех порицал Арсений Мацеевич образ действий правительства в этом отношении, как видно из его переписки с разными товарищами. Из одного письма его, писанного во время царствования Петра, оказывается, что он возлагал некоторую надежду на Екатерину.

Мы видели выше, что Екатерина еще до своего воцарения отличалась внешним благочестием, обращала внимание на церковные обряды, оказывала уважение к духовенству. При свержении с престола Петра III она в манифестах осуждала образ действий своего супруга в отношении к церкви. Понятно, что от ее царствования ожидали мер в пользу духовенства, отмены законоположений, касавшихся секуляризации монастырских и церковных имений. Тотчас же после вступления на

¹ См. монографию Иконникова в «Русской Старине», 1879.

престол Екатерины были вновь открыты домашние церкви, запечатанные при Петре III. В угоду духовенству, императрица запретила играть на театре пьесы языческо-мифологического содержания. Были приняты цензурные меры, соответствовавшие взглядам духовенства. Временно были даже остановлены распоряжения, клонившиеся к секуляризации духовных имуществ. Сенату и Синоду было приказано предоставить вновь монастырям и церквям управление их имений; крестьянам, подвластным клиру, было вменено в обязанность оставаться покорными и послушными рабами церкви.

Таким образом, могло казаться, что Екатерина, бывшая ученицею французской литературы просвещения, находившаяся в оживленной переписке с вольнодумцами Вольтером и Дидро и в то же время действовавшая в пользу привилегий церкви, была непоследовательно, противоречила самой себе.

Однако вскоре можно было видеть, что в этом отношении, как и вообще, императрица стояла выше партий и действовала вполне самостоятельно. Она была того мнения, что должно чтить веру и церковь и ее представителей, но что последние не должны иметь влияния на государственные дела. Она осуждала все виды фанатизма. Зато в одном из писем к Вольтеру она называла себя «главою греческой церкви».

Мало-помалу Екатерина начала действовать в смысле «духовного регламента» Петра Великого, ограничивать права духовенства, проводить секуляризацию монастырских и церковных имений. В комиссии, созванной императрицею в конце 1762 года для обсуждения этих вопросов, было, кроме двух духовных лиц, не менее пяти светских членов. Главными советниками Екатерины в этом деле были не архиереи: она руководствовалась мнениями Бестужева и князя Шаховского.

Вскоре правительство объявило, что мера возвращения монастырям и церквям их имений была лишь временною, до окончательного решения вопроса. В сущности, оказалось, что императрица сделала то же, что было сделано ее предшественником. Надежда, которую возлагали на Екатерину в среде духовенства, оказалась тщетною. Всюду послышался ропот. В переписке архиереев между собою, насколько она сделалась

известною в последнее время, выражалось сильное негодование. Никто, однако, кроме Арсения Мацеевича, не осмелился выступить с явным и откровенным протестом против светской власти.

Екатерине хорошо было известно, что с этой стороны ей грозила некоторая опасность. Она знала, без сомнения, и о прежних оппозиционных действиях Арсения при ее предшественниках, знала и о его переписке с другими архиереями, в которой резко осуждался образ действий правительства; поэтому она считала весьма вероятным, что архиепископом Ростовским будет предпринята демонстрация против светской власти.

9 февраля Арсений в Ростове совершил обряд предания анафеме. При этом им были прибавлены две статьи, направленные против похитителей церковных имуществ, и допущены весьма резкие выражения против светской власти. Обряд проклятия противников церкви был совершен на этот раз особенно торжественно. Все духовенство Ростова принимало в нем участие. Арсений громкогласно возносил молитву, в которой просил небо отвести хищников от исполнения их намерений; но если они воспротивятся тому, то чтоб память их погибла с шумом и имя их было истреблено в книге живых.

Недаром Екатерина 29 февраля в письме к Олсуфьеву жаловалась на «властолюбие и бешенство ростовского владыки». Можно думать, что она узнала о поступке Арсения, который уже тогда мог считаться государственным преступником.

6 марта 1763 года он написал донесение в Синод, в котором указывал на противоречие между заявлениями Екатерины непосредственно после воцарения и мероприятиями правительства в следующих месяцах, выставлял на вид неудобства участия светских лиц в управлении духовными именными и доказывал неприкосновенность последних. Малейшая попытка лишить церковь средств, по его мнению, была достойна проклятия церкви, причем он указывал на то обстоятельство, что даже во время татарского ига церковь в России спокойно владела своими именными.

Отправив это донесение в Синод 10 марта, Арсений в тот же день написал письмо Бестужеву, в котором выразил желание,

чтобы его мнение о монастырских имуществях сделалось известным всем интересующимся этим делом, также и императрице. В другом письме к Бестужеву, от 14 марта, он жаловался на инструкции, данные обер-офицерам, разосланным по всем монастырям, и просил защитить церковь Божию от гонения. Наконец, он написал еще другое письмо Синоду, в котором просил войти с представлением к императрице, так как «церковь от недавно бывшего удара от разорения еще не отдохнула и в чувство не пришла, а между тем снова поднялись на нее наветы и нападения и таковые подлоги, дабы ей со временем в конец истребиться».

Чрезмерная смелость Арсения удивила служивших в ростовской консистории; они неоднократно заявляли ему, по поводу его донесений, что на именные указы представлений чинить не следует; но Арсений их не слушал, а отвечал только, сердясь: «То не ваше дело, а надлежит оному быть непременно».

Еще до получения второго донесения, 12 марта, состоялся доклад Синода императрице о первом донесении, что оно «клонится к оскорблению ее императорского величества, за что Арсений подлежит великому суждению». Екатерина нашла в действиях митрополита «посягательство на спокойствие подданных» и поспешила предать его суду Синода, предоставив себе лишь право смягчения его участи.

Ночью на 16 марта Арсений был арестован; 17-го он уже находился в Москве, пред Синодом. На его просьбу отпустить его в Спасский Новгородсеверский монастырь не было обращено внимания. Ему был сделан допрос, как государственному преступнику. Говорят, что он при этом, в присутствии императрицы, Орлова, Глебова и Шешковского, был до того откровенен, что императрица зажала себе уши, а ему заклипали рот.

О раздражении Екатерины можно судить по записке ее к Бестужеву, который осмелился было просить императрицу, чтобы Арсению было оказано «монаршее и матернее милосердие» и проч. Императрица писала: «Я чаю, ни при каком государе столько заступления не было за оскорбителя величества, как выше за арестованного всем Синодом митрополита Ростовского, и не знаю, какую я б причину подала сомневаться в моем ми-

лосердии и человеколюбии. Прежде сего и без всякой церемонии и формы по не столь еще важным делам преосвященным головы секали, и не знаю, как бы я могла содержать и укреплять тишину и благоденствие народа (умолча о зашищении мне от Бога данной власти), если бы возмутители не были наказаны»¹.

1 апреля открылся суд над Арсением. Вскоре состоялся приговор: он был лишен сана и должен был дать подписку, что впредь не будет именоваться или действовать ни митрополитом, ни архиереем, ни в каком другом духовном сане. Екатерина, как сказано в акте приговора, «по своему природному великодушию, милосердию и человеколюбию, освободив его от гражданского суда», повелела сослать Арсения в отдаленный монастырь. Состоялось решение отправить его в архангельскую епархию, в Николаевский Карельский монастырь, с производством его кормовых денег по 50 коп. в день. Было запрещено допускать кого-либо к бывшему митрополиту, которого сторожили один унтер-офицер и четыре солдата.

Таким образом, могло казаться, что правительство раз навсегда освободилось от опасного противника, которого имело в Арсении. Однако предстояли еще дальнейшие столкновения между ним и светскою властью. Смелость, заставившая пылкого архиерея протестовать против секуляризации духовных имений, побудила его и в ссылке к весьма неосторожным речам к личности императрицы, оспариванию ее права на занятие престола и вообще к заявлению неудовольствия относительно положения России. Приходилось наказывать Арсения еще строже прежнего.

В заключении Арсений пользовался большею свободою, чем было дозволено. Он собирал возле себя монахов и караульных солдат, с которыми вел беседы о современных событиях и действиях враждебного ему правительства; он нередко касался вопросов, имевших отношение к его собственному положению. Об этих речах донес один из монахов начальству. Таким образом, в 1767 году в Архангельской канцелярии началось новое след-

¹ «Сб. Ист. общ.», VII, 269—270.

ствие, при котором, по желанию императрицы, было строго запрещено употреблять пытки.

Арсений говорил, что Екатерине не следовало принимать престола. «Государыня наша, — сказал он однажды, — не природная и не тверда в законе нашем», порицал намерение ее вступить в брак с графом Орловым; утверждал, что Мирович, сделавший попытку освободить из заключения бывшего императора Иоанна Антоновича¹, не действовал один, «а, конечно де, было много и больших господ согласников», порицал бывших при Иоанне Антоновиче офицеров, которые его убили, «за пролитие царской крови»; по поводу болезни Павла Петровича сказал, что «не беругут наследника». Далее он предвещал царствование в России «двух юношей, которые выгонят Турка и возьмут Царьград»; эти юноши, на которых надеялся Арсений, были Павел Петрович и брат Иоанна Антоновича. Особенно подробны были рассуждения Арсения относительно монастырских имуществ и его собственного положения. «Ныне-де в монастырях, — говорил он, — и пива сварить не из чего, всю церковь разграбили, так-де что в России делают, того у турок нет, ибо-де турки свои мечети награждают, у нас-де ныне Содом и Гомор». Весьма резко Арсений отзывался о новгородском архиепископе Сеченове, который пользовался особенным доверием Екатерины; себя он сравнивал с Златоустом, заточенным также царицею, и проч.

Екатерина принимала живое участие в следствии, прочитывала протоколы допросов, делала к ним разные примечания и указывала на пункты, требовавшие, по ее мнению, особенного внимания при дальнейших допросах. Особенно императрицу оскорбляли замечания Арсения, что ей, собственно, не надлежало царствовать, что она хорошо бы сделала, вступив в брак с Иоанном Антоновичем, что ей следовало бы довольствоваться регентством, и проч.

Следствие велось тайно. Весьма лишь немногие сановники, как, например, Панин и Орлов, были посвящены в подробности дела. Екатерина была раздражена опасностью, заключающеюся в подобных разговорах для государства.

¹ См. следующую главу.

Доносчиков наградили. Лица, слышавшие неосторожные речи Арсения и не сообщившие о том, куда следовало, были наказаны. Сам Арсений был приговорен к расстрижению и вечному и неисходному содержанию в Ревеле в каземате под именем Андрея Вралья — это прозвище в бумагах везде прописано рукой самой Екатерины.

Затем были составлены три инструкции: две из них офицерам, из которых один должен был вести Арсения до Вологды, а другой от Вологды до Ревеля, и третья ревельскому коменданту Тизенгаузену. В этих инструкциях говорилось об Арсении, как о «неизвестном колоднике», или о «мужике Андрее Врале», или о «Бродягине». Соблюдение строгой тайны было главным условием в этих инструкциях; сопровождавшим Арсения воспрещено было говорить с ним, а в случае, если бы они слышали от него что-либо, то им приказывалось никому о том не рассказывать, а содержать всю свою жизнь секретно, объявив одному князю Вяземскому¹, и проч.

Очевидно, правительство опасалось влияния бывшего митрополита на народ, который вообще сочувствовал угнетенным и «несчастливым» и в данном случае легко мог видеть в Арсении мученика или святого. Хотя его путешествие из Архангельска в Ревель совершилось в глубочайшей тайне, все-таки в публике ходили разные слухи о его наказании и ссылке. Рассказывали о его отправлении в Сибирь; передавались легенды о его кончине².

И в Ревеле, где содержался Арсений до своей кончины (1772), старались соблюдать глубочайшую тайну о личности колодника. На случай смерти разрешено было позвать к нему священника, но взяв при том подписку «под смертную казнию, что не скажет век о том никому». Когда Арсений заболел, к нему призвали доктора — немца, но предварительно взяли с него

¹ См. дальнейшие подробности в статье Иконникова в «Русской Старине», XXVI, 192 и след.

² См. разные данные по этим вопросам в «Чтениях Московского общества», 1862, II и III.

подписку в том, что «под смертною казнию не будет спрашивать у больного о его имени и состоянии и никому до конца жизни не объявит о нем ни в разговорах, ни догадками или какими-нибудь минами». Вся переписка об Арсении должна была идти безыменно — «о секретном деле» — и отсылаться в руки князя Вяземского, без именного письменного распоряжения которого или самой императрицы, колодник не мог быть выдан никому. Вещи его были проданы, не говоря, чьи они; книги ему оставили, но не давали ему материала, годного для письма. Когда в июне 1769 года Тизенгаузен был заменен другим комендантом, Екатерина сочла нужным сделать новое напоминание князю Вяземскому: «Не изволишь ли писать к нему (Бенкендорфу), чтобы он за Вралем имел смотрение такое, как Тизенгаузен имел, а то боюсь, чтоб, не бывши ему поручен, Враль не заводил в междоусловии свои какие ни на есть штучки, и чтобы не стали слабее за сим зверком смотреть, а то нам от того не выливались новые хлопоты».

Спрашивается: было ли в самом деле основание считать Арсения столь опасным противником правительства? Правда, в народе он пользовался некоторым влиянием. Были люди, разделявшие его взгляды относительно отобрания монастырских имуществ. И.В. Лопухин, известный масон и филантроп, в своем орловском имении, селе Воскресенском, поставил Арсению памятник. Настоящих приверженцев он не имел. Строгость мер, принятых против Арсения, объясняется шаткостью положения, в котором находилось правительство в первое время царствования Екатерины.

Не один Арсений, впрочем, осуждал образ действий императрицы и подвергал строгой критике не только ее правительственные распоряжения, но и ее личность.

В 1771 году один купец, Алексей Смолин, обратился к императрице с посланием, в котором заключались сильные упреки, относившиеся к разным мерам, принятым правительством. Однако протест Смолина был отголоском нерасположения к Екатерине, господствовавшего в среде духовенства.

В начале этого документа говорится о секуляризации монастырских имуществ. И Смолин, как до него Арсений, указывал

на несогласие между заявлениями императрицы в начале ее царствования и вскоре затем проведенными мерами: «Чего прежде ненавидела, то возлюбила, — писал Смолин о Екатерине, продолжая: — Святых мест отняла вотчины и имения, или, лучше сказать, ограбила, и после отдаешь оные графу Орлову и другим господам... и чрез то многие небогатые монастыри и пустыни привела в опустошение... О богомерзкое повеление! Откуда ты, скажи пожалуй, взяла власть над церковным имением, идеже власти духовные поставлены суть от Бога. Воров повелеваешь за грабительство и обиды народа наказывать нещадно, а ты чего достойна за разорение святых монастырей; на тебя суда сыскать негде». Затем следует упрек, что митрополит Арсений был лишен сана и сослан, причем указывается на то, как строго провидение карало тех, которые преследовали церковь и ее представителей. Особенно резко Смолин упрекает Екатерину за учреждение воспитательных домов в обеих столицах; он говорит о порче нравов и спрашивает: «А кто тому причиною? Безрассудное правление твое, о Екатерина!» Смолин далее недоволен тем, что «лютерам и кальвинам и прочим еретикам дозволено свои ересей наполненные церкви строить», что светское образование взяло верх в воспитании детей высших классов общества; он вооружается против «плясания и танцев», указывая на то, что «за плясание казнит Бог». Далее он считает Екатерину виновницей гибели Иоанна Антоновича, убитого в Шлиссельбурге в 1764 году; в дороговизне хлеба Смолин видел наказание Божие за это печальное событие; он пишет: «Имея окаменелое сердце, яко фараон, видя цены умножающиеся, думаешь, что народ подлый разбогатился, прибавляешь болезнь к болезни, умножая оброки и подати. О безумия и обиды исполненное повеление! А деньги тратишь безрассудно» и проч. Послание оканчивалось угрозою: «Ежели ты на прежних основаниях не утвердишь, не избежнешь рук озлобленных тобою и раздраженных».

Как видно, в этом послании, наполненном средневековыми воззрениями и домостроевским духом, слышалось негодование известных слоев общества на разные действия правительства, светский характер двора и личность императрицы.

Сохранились некоторые деловые бумаги, свидетельствующие о том, что и Смолин довольно дорого заплатился за свою чрезмерную смелость. Он передал свое послание митрополиту тверскому, который велел задержать его и предоставил светскому суду. Он сознался в том, что намеревался распространять в народе списки своего сочинения, жаловался на произвол судей и подьячих, на недобросовестность чиновников и проч.

В письме к Вяземскому императрица заметила: «Скажите Шешковскому, что когда он поедет к фанатику, чтобы он тогда с ним говорил и толковал ему, что по закону Божию должно почитать и повиноваться высшей власти; что сам Спаситель говорит: отдайте царю цареву, и чрез то велел почитать царя, что, браня царя, он умножает своих грехов... Авось либо приведет его в уныние, — и утихнет; и потом велите снова ему предложить подписку, чтобы не говорить ни с кем» и проч.

По приказанию Екатерины Смолин на пять лет был заключен в Шлиссельбургскую крепость. По истечении этого времени ему было дозволено удалиться в монастырь, игумену которого было вменено в обязанность зорко наблюдать за государственным преступником и ежегодно доносить генерал-прокурору о его поведении¹.

Все эти эпизоды, в которых участвовали представители разных классов общества, заключают в себе доказательство, что в народе существовало некоторое нерасположение к новому правительству и что положение Екатерины, в первое время ее царствования, было затруднительно. Ей грозила опасность со стороны разных претендентов.

¹ Кашипов. «Памятники новой русской истории». СПб., 1871, I, 123—138.

ГЛАВА II

Мирович

Во всех политических процессах в начале царствования Екатерины говорилось о правах на престол бывшего императора Иоанна Антоновича. Со времени падения брауншвейгцев, в 1741 году, порою обнаруживалось некоторое расположение к членам этого семейства. Не без основания правительство старалось сохранить в тайне местопребывание несчастного претендента, Иоанна Антоновича. Между тем как он в 1744 году был отправлен в Холмогоры, а оттуда в 1756 году переведен в Шлиссельбургскую крепость, в народе ходили разные нелепые слухи о его судьбе и местопребывании.

Из инструкции, составленной при императрице Елизавете для лиц, надзиравших за принцем в Шлиссельбурге, видно, что правительство опасалось заговора в пользу бывшего императора. Тайнственность, которою окружали личность опасного арестанта, доходила до того, что из офицеров и солдат шлиссельбургского гарнизона почти никто не подозревал в колоднике, заключенном в «№ 1» казармы, Иоанна Антоновича. Существовали в публике довольно странные мнения о способностях и качествах юноши. Рассказывали о его необычайной красоте, многостороннем образовании и проч.¹

¹См. мое сочинение «Иоанн Антонович и его родственники». Москва, 1878.

В сущности, Иоанн Антонович, находившийся с детства под надзором солдат и офицеров, получил самое скудное воспитание, был косноязычен и страдал припадками помешательства. Все это не препятствовало распространению в последнее время царствования Елизаветы слуха о том, будто императрица намеревалась лишить Петра права престолонаследия и назначить Иоанна своим преемником.

В царствование Петра III ходили слухи о намерении императора отправить Иоанна к родственникам в Брауншвейг. Мы видели выше, что Фридрих II считал в то время Иоанна опасным претендентом. В январе 1762 года было предписано капитану гвардии, князю Чурмантееву: «Буде, сверх нашего чаяния, кто б отважился арестанта у вас отнять, в таком случае противиться сколько можно и арестанта живого в руки не отдавать»¹. Опасения не прекращались и после вступления на престол Екатерины. Вольтер писал 28 сентября 1762 года к графу д'Аржанталю: «Я крепко боюсь, чтоб Иоанн не сверг с престола нашей благодетельницы, а ведь этот молодой человек, воспитанный в России монахами, далеко, вероятно, не будет философом»².

Тотчас после вступления на престол Екатерины, было сделано распоряжение о переводе Иоанна из Шлиссельбурга в Кексгольм, «а в Шлиссельбурге, в самой оной крепости, очистить внутренней крепости самые лучшие покои и прибрать, по крайней мере по лучшей опрятности, оные». Очевидно, эти комнаты были нужны для Петра Федоровича. Правительство могло считать неудобным содержать в одном месте двух сверженных с престола государей. Поэтому Иоанна перевезли в Кексгольм, но вскоре — после внезапной кончины Петра — возвратили в Шлиссельбург³. Здесь императрица посетила несчастного арестанта, причем могла убедиться в том, что он лично не был опасным претендентом. В манифесте, опубликованном по случаю катастрофы Иоанна, сказано: «Мы увидели в нем кроме

¹ Соловьев, XXV, 93.

² «Осмынадесятый век», I, 337.

³ Соловьев, XXV, 160—161.

весьма ему тягостного и другим почти невразумительного косноязычества, лишение разума и смысла человеческого»¹.

Между записками Екатерины наплась следующая, писанная к Н.И. Панину в первое время царствования и, кажется, относящаяся к Иоанну: «Мое мнение есть, чтоб ... из рук не выпускать, дабы всегда в охранении от зла остался, только постричь ныне и переменить жилище в не весьма близкий и в не весьма отдаленный монастырь, особливо в такой, где богомолья нет, и тут содержать под таким присмотром, как и ныне; еще справиться, можно нет ли посреди муромских лесов, в Коле или в Новгородской епархии таких мест»².

Иоанн оставался в Шлиссельбурге. Его сторожили два офицера, Власьев и Чекин, которым Панин дал следующую инструкцию: «Разговоры вам употреблять с арестованным такие, чтобы в нем возбуждать склонность к духовному чину, т.е. к монашеству, и что ему тогда имя надобно будет переменить, а называть его будут вместо Григория³ Гervasием. Ежели случится, чтоб кто пришел с командою или один, хотя б то был и комендант, без именного повеленья или без письменного от меня (Панина) приказа и захотел арестанта у вас взять, то оного никому не отдавать и почитать все то за подлог и неприятельскую руку. Буде же так оная сильна будет рука, что спастись не можно, то и арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать».

На увещания Власьева и Чекина Иоанн отвечал: «Я в монашеский чин желаю, только страшусь Св. Духа, притом же я бесплотный». Потом сказал, что Гervasием называться не хочет, а пусть назовут Феодосием⁴.

Кроме Иоанна, считались опасными его родственники, содержащиеся в Холмогорах. Английский дипломат Букингам писал, что вскоре после переворота летом 1762 года, некоторые из ра-

¹ПСЗ, № 12228.

²Сб. Ист. общ., VII, 364.

³Уже в 1744 г. Иоанна стали звать Григорием.

⁴Соловьев, XXV, 161.

зумнейших советников Екатерины старались уговорить ее отпустить брауншвейгцев за границу, но что это предложение было отвергнуто большинством сановников¹. В следующем году возникла мысль отпустить за границу одного принца Антона Ульриха, оставив в заключении детей его. Императрица отправила в Холмогоры А.И. Бибикова, который должен был сделать предложение принцу выехать в Германию. Принц не принял этого предложения, объявив, что не желает свободы, если дети его останутся в остроге².

Мы знаем, что сам Иоанн не мог быть опасным. Но его имя было опасно. Он все-таки оставался претендентом. Лица, недовольные правительством, легко могли воспользоваться им при попытке произвести государственный переворот. У Екатерины было много противников. Считали возможным, что она так или иначе избавится от вечно грозившей ей со стороны Иоанна Антоновича опасности. Чрезвычайно любопытно замечание по этому поводу в депеше одного иностранного дипломата, что в первое время царствования Екатерины, по случаю разных манифестаций против нового правительства, люди знающие при дворе говорили, что Иоанну никак нельзя миновать смерти³.

Поэтому, когда летом 1764 года была сделана попытка освобождения Иоанна Антоновича из заключения, причем претендент был лишен жизни, распространились кое-какие слухи о некотором участии Екатерины в этом деле. И в исторической литературе императрицу обвиняли в том, что она будто бы умышленно погубила Иоанна. Между тем как в современных или тотчас после шليسельбургской катастрофы изданных сочинениях почти вовсе не встречается такого обвинения, в позднейших трудах, напечатанных вскоре после кончины Екатерины, приводятся самые сложные рассказы об участии Екатерины в деле Мировича с целью устранения Иоанна⁴.

¹ «La cour de la Russie», 238.

² Записки о жизни Бибикова, приложение 5.

³ Herrmann. «Gesch. d. russ. Staats», V, 637.

⁴ См. подробный разбор сочинений Кастера, Сальдерна, Гельбига в моем труде «Иоанн Антонович и его родственники», 81—85.

При том богатстве источников, которыми мы располагаем относительно этого печального эпизода, нет более оснований думать, что Мирович был орудием высокопоставленных лиц. Он действовал по собственному побуждению. Его предприятие походит на попытку Батурина возвести на престол Петра Федоровича в 1749 году, на мятежные замыслы Гурьева, Хрущова и их товарищей осенью 1762 года, Хитрово и его товарищей в 1763 году. Во всех этих эпизодах есть общая черта: распространение слухов о мнимом участии в заговорах высокопоставленных лиц.

Мирович происходит от знатного малороссийского рода; во время катастрофы Иоанна ему было лишь 24 года. Обремененный долгами, склонный к расточительности и карточной игре, он находился в чрезвычайно затруднительном положении. Имения семейства Мировичей были конфискованы по случаю измены Мазепы в 1709 году; тщетно Мирович обращался неоднократно к правительству с просьбою возвращения ему хотя бы некоторой части этих имений. Княгиня Дашкова и граф Петр Панин, знавшие Мировича, считали его человеком малоспособным; он оказался во время произведенного над ним следствия суевЕРным, необразованным и эксцентричным фанатиком. В его благочестии была некоторая доля ребячества. При разборе его бумаг обнаружилось, что он намеревался убить Екатерину¹.

Мирович не знал лично бывшего императора Иоанна. Не раньше как в октябре 1763 года он случайно услышал о пребывании претендента в Шлиссельбургской крепости. Желание достигнуть знатного положения, разбогатеть, раздражение вследствие крайней бедности, стремление отомстить правительству, не внимавшему его просьбам, — все это заставило его мечтать о государственном перевороте в пользу Иоанна².

Клевретами Мировича, за исключением одного придворного лакея, были исключительно солдаты и офицеры. В мае 1764 года он сообщил своему другу и сослуживцу, поручику Ушакову, о своем намерении освободить Иоанна и свергнуть с престола

¹Сб. Ист. общ., VII, 370.

²Ковалевский. «Граф Блудов». С.-Петербург, 1866, 223.

Екатерину. Оба они 13 мая пошли в церковь Казанской Божей Матери, где отслужили по себе акафист и панихиду, как бы над умершими, и отправились в Шлиссельбург для осмотра места. План заговорщиков заключался в следующем: Мирович и Ушаков хотели явиться в Шлиссельбург под именем ордонанса ее величества, арестовать коменданта крепости, освободить Иоанна из заключения и отправиться с ним в Петербург, где, на Выборгской стороне, представить Иоанна артиллерийскому лагерю. Заговорщики ожидали, что прочтение манифеста, в котором объявлялось о правах Иоанна на престол, произведет действие на военных и на народ. По учинении присяги новому императору была бы послана команда для занятия Петропавловской крепости и произведена с нее пушечная стрельба, дабы собрать еще больше народа и привести его в страх. Также были бы поставлены пикеты на мостах, чтобы иметь повсюду свободное сообщение; из присягнувших офицеров некоторые отправились бы в Сенат, Синод, коллегии и во все находившиеся в Петербурге полки для приведения их к присяге; императрицу и великого князя Павла Петровича предполагалось заточить в какое-нибудь отдаленное место.

Все такого рода замыслы не были новостью в России. Подобные предприятия иногда удавались, иногда оканчивались катастрофою заговорщиков. Воцарение Екатерины было возможно, благодаря содействию военных. В 1741 году Елизавета Петровна была окружена офицерами и нижними чинами, — людьми, которых, в отношении общественного положения и политического образования, можно сравнить с Мировичем и Ушаковым. Горсть военных в 1741 году опрокинула престол Иоанна Антоновича; горстью военных он мог быть восстановлен в 1764 году. Нельзя отрицать, что план действий Мировича и Ушакова походили точь-в-точь на события государственного переворота, совершившегося летом 1762 года. Громадная разница заключалась только в личностях претендентов. Иоанн легко мог быть свергнут с престола; воцарение его вновь оказалось невозможным. Екатерина без труда устранила Петра, между тем как ей самой со стороны столь жалкого претендента, каков был Иоанн Антонович, не могла грозить опасность.

Приготовленные заговорщиками манифесты не сохранились. Из некоторых бумаг следствия видно, что в манифестах заключались резкие выпады против Екатерины.

Во время приготовлений к перевороту в пользу Иоанна Ушаков утонул при поездке, которую должен был предпринять по делам службы. После этого Мирович сообщил о своем намерении другим военным, которые и изъявили готовность участвовать в предприятии. Как кажется, в Петербурге не было лиц, посвященных в тайну заговора.

Мирович служил в Смоленском полку, и по временам до него доходила очередь исполнять караульную службу в Шлиссельбурге. Эта очередь подошла в начале июля 1764 года, и он решился приступить к делу. Лишь в самые последние дни и часы перед катастрофой он старался уговорить некоторых капралов и солдат к участию в бунте и сделал попытку склонить на свою сторону капитана Власьева, который немедленно дал знать о готовившемся предприятии графу Панину. Подозревая донос, Мирович должен был спешить приведением в исполнение своего намерения.

Ночью он вдруг собрал своих солдат и скомандовал «к ружью». В его распоряжении находилось 45 человек, и с ними он решился сделать нападение на гарнизон крепости, состоявший из двух офицеров, стороживших Иоанна, Власьева и Чекина, коменданта Бередникова и около 30 солдат.

Услышав шум, комендант Бередников вышел на крыльцо и спросил Мировича, для чего он собирает команду; но Мирович, вместо ответа, с ружьем в руках бросился на коменданта и, сказав ему: «Ты здесь держишь невинного государя», ударил его ружейным прикладом так, что разбил лоб, повредив и череп, потом схватил его за ворот халата и отдал команде под караул.

Затем, выстроив своих солдат в три шеренги, Мирович направился к казарме, где содержался Иоанн Антонович. Началась перестрелка между командой Мировича и гарнизонными солдатами. Солдаты Мировича отступили. Он им прочел манифест и этим старался возбудить ревность, поздравляя их с государем. Потом взял с бастиона пушку, велел зарядить ее ядром и требовал выдачи арестанта Иоанна.

Настала минута, предусмотренная в инструкции Чекина и Власьева. Видя пушку, наступление Мировича, невозможность дальнейшего сопротивления, они, чтобы не отдать арестанта живым, убили его. О подробностях этой сцены не сохранилось достоверных данных¹.

Между тем как внутри казармы совершалось убийство Иоанна, Мирович вбежал на галерею, схватил поручика Чекина за руку и тащил в сени, спрашивая: «Где государь?» Чекин сказал: «У нас государыня, а не государь». Мирович бросился в каземат Иоанна; было темно; послали за огнем, и, когда принесли, Мирович увидел на полу мертвое тело Иоанна.

Мирович осыпал офицеров упреками; они отвечали, что поступили так по «присяжной должности». Солдаты хотели было заколоть Власьева и Чекина, но Мирович не допустил их, говоря: «Теперь помощи нам никакой нет, и они правы, а мы виноваты». Затем он велел вынести тело из казармы на гауптвахту.

Между тем в крепость явился отряд войска, вызванного, очевидно, Бередниковым или Власьевым. Мирович был арестован.

Тотчас же Власьев и Чекин отправили донесение о случившемся графу Н.И. Панину. Он велел составить протокол о событиях в Шлиссельбурге, принял меры для сохранения тишины и сообщил обо всем императрице, находившейся в это время в Прибалтийском крае. Труп Иоанна по приказанию Екатерины несколько позднее был погребен в Шлиссельбурге.

По словам одного современника, в столице «скорбь и негодование» по случаю распространившегося быстро известия о кончине Иоанна были общими. «Нельзя выразить, — сказано далее, — как смело и дерзко даже простолюдины рассуждали публично об этом событии»².

Предварительное следствие в Шлиссельбурге и привоз Мировича в Петербург, где начался суд над ним, совершились спокойно. Только в одном современном рассказе говорится о некотором брожении в среде военных, так что опасались беспо-

¹См. мое сочинение об Иоанне Антоновиче, 112.

²Busching. «Magazin», VI, 535.

рядков. Вскоре, однако, все утихло. Сановниками в столице, Неплюевым, Паниным, Голицыным, Ушаковым, были приняты меры для сохранения тишины. Екатерина писала Панину из Риги: «Я с великим удовольствием читала ваши рапорты и все дивы, происшедшие в Шлиссельбурге; руководство Божие чудное и неиспытанное есть! Я к вашим весьма хорошим расположениям иного прибавить не могу, как только, что теперь надлежит следствие над винными производить без огласки и без всякой скрытости (понеже само собою оное дело не может остаться секретно, более двух сотен человек имея в нем участие). Безымянного колодника велите хранить (т.е. хоронить) по христианской должности в Шлиссельбурге, без огласки же. Мне рассудилось, что если неравно искра кроется в пещле, то не в Шлиссельбурге, но в Петербурге, и весьма желала бы, чтоб это не скоро до резиденции дошло, а кой час дойдет до Петербурга, то уже надобно дело повести публично», и проч. Дальнейшие замечания Екатерины относятся к частностям следствия; особенно ее интересовал вопрос, не было ли у Ушакова и Мировича еще других сообщников. Далее она указывала на важность вопроса, почему именно Мирович намеревался повезти Иоанна на Выборгскую сторону, к артиллерийским офицерам, и велела разузнать, нет ли между последними заговорщиков. Она очень сожалела о том, что Ушаков утонул, предлагая допросить его брата о намерениях и характере утонувшего. Несколько раз Екатериною было выражено желание немедленно возвратиться в Петербург, чтобы увидеть «скорое окончание сего безумного дела». 10 июля Екатерина писала Панину: «У меня сердце шепчет, когда я думаю об этом деле, и много, много благодарю вас за меры, которые вы приняли и к которым, конечно, нечего больше прибавить. Провидение дало мне ясный знак своей милости, давши такой оборот этому предприятию. Хотя зло пресечено в корню, однако я боюсь, чтоб в таком большом городе, как Петербург, глухие слухи не наделали бы много несчастных, ибо двое негодяев, которых Бог наказал за гнусную ложь, написанную ими в своем самозванном манифесте на мой счет, не преминули (по крайней мере так можно предполагать) посеять свой яд, и доказательством служит для меня то, что в день мо-

его отъезда из Петербурга одна бедная женщина нашла на улице письмо, написанное поддельной рукой, где говорилось то же самое¹ и проч. В заключение Екатерина замечает: «Не думайте, что я страху предалась; я сего дела не более уважаю, как оно в самом существе есть, сиречь дешперальный и безрассудный соур, однако же надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачества распространялись, дабы, если возможно, разом пресечь и тем избавить от несчастья невинных пустяков»². В письме от 16 июля сказано: «Теперь ожидать надобно, что выйдет. Сколь я желаю, чтоб Бог вывел, если есть, сообщников, столь я Всеышнего молю, дабы невинных людей в сем деле не пропадало».

Весьма тщательно Екатерина просматривала бумаги Мировича. Относительно сестер преступника она писала к Неплюеву и Вяземскому: «Осторожность вашу не иначе, как похвалить могу, что вы за Мировичами приказали без огласки подсматривать; однако, если дело не дойдет до них, то арестовать их не для чего, понеже пословица есть: брат мой, а ум свой. Все же я никак не желаю, чтоб невинные пострадали»³.

После возвращения Екатерины в столицу она принимала участие в составлении циркулярных писем к русским дипломатам за границу и манифестов для публики, в которых говорится о шлиссельбургском событии.

В манифесте от 17 августа прежде всего говорится об Иоанне, «который был незаконно в младенчестве определен ко Всероссийскому престолу императором», затем сказано о мерах для облегчения судьбы Иоанна и о заговоре Мировича. О цели этого заговора сказано только, что Мирович «сделал себе предмет, чрез какое бы то ни было в народе кровопролитное смятение счастье для себя возвысить». Далее говорится о заслугах Власьева и Чекина при подавлении мятежа, об убиении Иоанна и проч.⁴

¹ Очевидно, о правах Иоанна.

² Соловьев, XXVI, 14—15. Этого письма нет в VII томе «Сборника Ист. общ.».

³ «Сб. Ист. общ.», VII, 370.

⁴ ПСЗ, № 12228.

Предварительное следствие, которое было поручено генерал-поручику Веймарну, производилось довольно продолжительное время. Множество свидетелей было допрошено. Мирович брал всю вину на себя; его показания были откровенны. Для окончательного суда и произнесения приговора было назначено собрание, состоявшее из Сената, Синода, особ первых трех классов и президентов коллегий.

Между тем в ходе дела в публике распространялись разные толки. Рассказывали, будто Мирович делал судьям разные неприятности и, например, на вопрос, кто ему советовал отважиться на столь опасное дело, будто говорил: «Граф Кирилл Разумовский». Оказалось, что граф в то время, когда Мировичу было отказано в возвращении конфискованных имений, утешал его словами: «Ты молодой человек, сам себе прокладывай дорогу, старайся подражать другим, старайся схватить фортуна за чуб, и будешь таким же паном, как и другие»¹. По другим известиям, граф Петр Панин, под начальством которого Мирович прежде служил, спросил его, для чего он предпринимал такой злодейский умысел. «Для того, — отвечал Мирович, — чтобы быть тем, чем ты стал»².

Когда дело шло о сентенции, один из членов суда, барон Черкасов, представил письменное мнение, что Мировича надобно пытать с целью открыть сообщников и учителей. Собрание не одобряло мнения Черкасова и даже сочло его оскорбительным, ибо в нем было сказано: «Нам необходимо нужно жестоким розыском злодея оправдать себя не токмо пред всеми теперь живущими, но и следующими по нас родами, а то опасаясь, чтобы не имели причины почитать нас машинами, от постоянного вдохновения движущимися, или комедиантами». Екатерина узнала об этом случае, и, так как ей было хорошо известно о слухах, распространяемых иностранными дипломатами относительно Мировича и мнимого участия в его деле высокопоставленных лиц, она писала генерал-прокурору Вяземскому: «Чужестранные недоброжелатель-

¹ «Русский архив», 1863, 479.

² Бантыш-Каменский. «Биографии русских генералиссимусов», I, 226.

ных дворов министры по городу рассеивают, что я сама в сем деле заставляю собрание, для закрывательства истины, комедию играть; сверх того и у нас уже партии действуют: того ради повелеваю вам впредь более не присоветовать, ни отговаривать от пыток, но дайте большинству голосов совершенную волю»¹.

Мирович не был подвергнут пытке. Его приговорили к смертной казни, которая и была совершена 15(26) сентября. Капраны и солдаты, участвовавшие в плиссельбургском деле, подверглись разным телесным наказаниям и затем были отправлены в ссылку и на каторгу.

Долго верили и отчасти еще верят теперь, о чем мы уже заметили выше, в какую-то тайну, сопряженную с делом Мировича. Считали возможным, что последний был орудием Екатерины, желавшей таким образом избавиться от Иоанна Антоновича, и что казнь Мировича была средством отделаться от опасного сообщника, посвященного в тайну сложного и гнусного преступления. Все эти предположения, основанные на одних современных слухах, не подтверждаются никакими документальными данными. Зато из писем Екатерины и многих других источников видно, но императрица относилась ко всему делу без всякой задней мысли, что для нее все эти события были неожиданными и что не может быть и речи о какой-либо таинственной связи между Екатериной и Мировичем.

Понятно, что катастрофа Иоанна Антоновича произвела довольно глубокое впечатление на современников. Появились брошюры, в которых заключался рассказ о жизни и кончине несчастного узника².

Редакция манифестов, опубликованных Екатериною при этом случае, подвергалась критике современников, как это видно, между прочим, из переписки французского дипломата Беранже с министром Праленом (Praslin). Последний заметил: «Русская

¹ «Осмынадцатый век», III, 365.

² Например, «Histore de la vie, du regne et du detronement d'Iwan III». Londres, 1766. «Recueil des pieces concernant la mort du prince Iwan». Londres, 1765, и т.п.

государыня сделала бы лучше, если бы это событие было пройдено молчанием в публичных бумагах или было бы возведено потише»¹. И г-жа Жоффрен (Geoffrin), находившаяся в переписке с Екатериною, была недовольна манифестами императрицы. В ее письме к Станиславу Понятовскому сказано: «Находят, что она (Екатерина) издала смешные манифесты о смерти Иоанна; она вовсе не была обязана что-нибудь говорить об этом: процесс Мировича был совершенно достаточен, в нем дело являлось просто и ясно. Думаю, что я ее хорошо знаю, и думаю, что она нуждается в руководителе. Боюсь, чтобы ее ум и страсть к остроумию не увлекли бы ее когда-нибудь». Г-жа Жоффрен письменно высказала самой Екатерине свое мнение о манифесте. Екатерина отвечала: «Вы рассуждаете о манифесте, как слепой о цветах. Он был сочинен вовсе не для иностранных держав, а для того, чтобы уведомить российскую публику о смерти Иоанна; надобно было сказать, как он умер; более ста человек были свидетелями его смерти и покушения изменника; не было поэтому возможным не написать обстоятельного известия; не сделать этого — значило подтвердить злонамеренные слухи, распускаемые министрами дворов, завистливых и враждебных ко мне; шаг был деликатный; я думала, что всего лучше сказать правду... Верно то, что здесь этот манифест и голова преступника прекратили всякую болтовню. Следовательно, цель была достигнута манифестом, ergo он был хорош»².

Вскоре после катастрофы Иоанна у Екатерины снова возникла мысль даровать отцу его, принцу Антону Ульриху, свободу. Донося об этом своему двору, датский посланник Ассельбург замечает, что по необходимости нужно действовать крайне осторожно в этом деле; впрочем, прибавляет он немного позже к прежнему донесению, принц Антон Ульрих и на этот раз предпочел оставаться в Холмогорах; между тем императрицею были приняты меры для смягчения судьбы принца и его семейства; им была определена весьма значи-

¹ Соловьев, XXVI, 118.

² «История России», XXVI, 233.

тельная сумма денег; в Холмогоры были отправлены посуда, мебель и проч.¹

Английский дипломат Букингам в 1764 году доносил своему правительству, что после кончины Иоанна некоторые лица уговаривали было императрицу, в случае смерти Павла, назначить одного из братьев Иоанна наследником престола, но что было решено ограничиться возвращением всему несчастному семейству свободы, и проч.²

Однако на деле освобождение родственников Иоанна Антоновича не могло состояться так скоро. Принц Антон Ульрих умер в Холмогорах в 1774 году; дети его были отпущены за границу не раньше как в 1780 году. Около этого времени Екатерина могла считать свое положение достаточно обеспеченным, чтобы не опасаться более совместничества этих претендентов. Братья и сестры Иоанна, принцессы Екатерина и Елизавета и принцы Петр и Алексей, отправились через Архангельск и Норвегию в Данию, где они в местечке Горзенс, в Ютландии, доживали свой век под надзором их родственницы, королевы Юлианы Марии. Принятие многих мер предосторожности при их отправлении за границу, сохранение в глубочайшей тайне всего этого дела доказывает, что и в 1780 году брауншвейгцев считали претендентами.

В 1788 году в Курляндии явился самозванец, выдававший себя за Иоанна Антоновича. Герцог Петр Бирон велел арестовать его и отправить в Ригу, откуда, после снятия с него допроса в канцелярии генерал-губернатора Броуна, отправили в Петербург закованным в ручные и ножные железа. Оказалось, что арестован был кременчугский купец Тимофей Курдилов, бежавший по причине долгов. Какое понес он наказание, нам неизвестно³.

В продолжение нескольких десятилетий после катастрофы Иоанна еще считали опасным говорить о несчастном браунш-

¹ «Русская Старина», XXV, 505—506.

² «La cour de la Russie», 238—239.

³ «Осьмнадцатый век», I, 460—465.

вейгском семействе. Всем тем лицам, которые до 1780 года участвовали в так называемой «Холмогорской Комиссии», т.е. находились в принцах и принцессах Брауншвейгских, было вменено в обязанность до гроба ни слова ни с кем не говорить об этих делах. Когда историк Бантыш-Каменский в 1817—1819 годах встретился в Полтаве с находившимся в Горзенсе при принцессах и принцах священником, последний затруднялся сообщать подробности о житье-бытье родственников Иоанна Антоновича¹.

¹ «Русская Старина», 1873, 68.

ГЛАВА III

Павел и Петр как претенденты

Со времени воцарения Екатерины и до окончательного упорочения за нею престола прошло несколько лет. Есть основание думать, что Даламбер (d'Alembert), которого Екатерина желала вызвать в Россию в качестве воспитателя Павла, не принял этого предложения именно потому, что не считал царствование Екатерины достаточно обеспеченным¹. В 1766 году на Западе распространился слух, что императрицу отравили. Екатерина по этому поводу писала г-же Бельке: «Припишите это людям, у которых против меня нет другого оружия, кроме выдумывания лжей. Впрочем, я чувствую себя очень хорошо» и проч.²

Порою вопрос о правах Павла на престол служил предметом рассуждений в среде иностранных дипломатов. Английский посланник Ширлей писал в 1768 году: «В Европе утвердилось предположение, будто бы с той минуты, как великому князю исполнится шестнадцать лет, судьба императрицы неверна. Я всячески старался рассмотреть все обстоятельства, которые бы могли оправдать это мнение, и я почти убежден, что, если не произойдет какого-либо крупного переворота, непредвиденного для ума человеческого, и если она станет управлять точно таким же

¹Соловьев, XXVI, 230.

²«Сб. Ист. общ.», X, 105.

образом, как в настоящую минуту, предположение такого рода совершенно необосновательно; ибо у великого князя не недостает ни смелости, ни ума для того, чтобы идти против матери; слабость его характера равняется слабости его телосложения». Премник Ширлея, Каскарт (Cathcart), писал в 1769 году, что можно считать невероятным воцарение Павла. Говоря о воспитании великого князя Паниным, английский дипломат замечает: «Я не сомневаюсь в том, что все дело подготовлено и условленно ко времени его совершеннолетия, хотя подробности мне неизвестны»¹.

Осенью 1767 года Екатерина находилась в Москве. Рассказывали, что прием, оказанный публикою императрице, отличался холодностью, между тем как всюду обнаруживалось расположение к великому князю. Ходили слухи о каком-то покушении на жизнь Екатерины.

Положение Орлова не переставало возбуждать неудовольствие в разных гвардейских кружках. Еще в самом начале турецкой войны капитан кавалергардского полка Панов говорил о печальном положении народа: во всех местах чувствуют неудовольствие; война начата с вредом; выведены из государства деньги и переведены в чужие государства миллионы в восемь; Екатерина умна да упряма — на что наладит, то и делает, и кому вверится, тому и верит; мнения дворян презрены; вино отдала откупщикам, и они одни богатеют, и у многих бедных дворян дома разоряют обысками, а ныне и совсем отнимают деревни и проч. Панов далее указывает на то, что Панин с Орловым неладно живут. Товарищ Панова, Степанов, спросил его: «Каков его высочество и принимает ли графов?» Панов, похвалив великого князя, сказал: «Ему Никита Иванович преподает обо всем великое познание; а чтоб Орловых принимать хорошо, то ненатурально: они ведь и батюшку его ухаживали; дай-ка ему поправиться, так отольются волку коровьи слезы. Мщения и ныне ожидать должно, потому что Панина партия превеликая и все что ни есть лучшенькие». В это время много толковали о наблюдениях по поводу прохождения Венеры, и один из гвардейских офицеров, Афанасьев, говорил: «Вот как Венера-то

¹Сб. Ист. общ., XII, 336, 431.

пройдет, так что-нибудь Бог и сделает; она ведь уже даром не проходит». Премьер-майор Жилин говорил, «сколь надменны нынешние господа Орловы и прочие случайные люди против прежних», причем хвалил Алексея Григорьевича Разумовского и Ивана Ивановича Шувалова.

Как видно, в основании всех этих разговоров лежала ненависть к Орловым. Мечтали о воцарении Павла как о средстве устранить влияние Орловых. Однако оказывалось, что не было «фундатора» для составления заговора; к тому же не знали, как приступить к делу без согласия великого князя наследника. Озеров говорил: «Народного отягощения отвратить иным нечем не можно и доброго дожидаться нечего, как только тем, что возвести надобно на престол его высочество, да та моя беда, что не могу до него дойти». Жилин, жалуясь на турецкую войну и проч., говорил также: «Надобно ее (Екатерину) с престола свергнуть, а цесаревич уже в летах». Офицеры думали, что могли рассчитывать на содействие Кирилла Григорьевича Разумовского, на Румянцева и других сановников.

Все дело ограничивалось одними разговорами, но разговоры сделались известны, и для суда над Озеровым с собеседниками назначена была комиссия из графа Никиты Ивановича Панина, генерал-полицеймейстера Чичерина, Елагина и генерал-прокурора князя Вяземского, которые приговорили виновных к смерти; но Екатерина смягчала наказание ссылкой в Сибирь и Камчатку. Но и там продолжались разговоры о правах Павла на престол. Скоро нашелся и искатель приключений, способный взять на себя роль «фундатора».

Некто Беневский, бежавший из Венгрии и участвовавший в польских смутах, в 1768 году был взят в плен русскими войсками и после троекратного неудачного побега был сослан на Камчатку. Здесь, в Большерецком остроге, находились и другие политические преступники, например Турчанинов, мечтавший в 1742 году о покушении на жизнь императрицы Елизаветы, Гурьев, Хрущов и Батурич. Под предлогом действий в пользу великого князя Павла был составлен заговор, настоящей целью которого было освобождение арестантов-заговорщиков. Местным жителям они сказали, что страдают за привязанность к великому князю. Бе-

невский показывал зеленый бархатный конверт, будто бы за печатью великого князя, с письмом к императору римскому о желании вступить в брак с его дочерью. Весною 1771 года ссыльные произвели восстание: ночью убили большеперецкого коменданта Нилова, овладели казною, двумя пушками и всеми военными припасами и привели жителей к присяге императору Павлу. 30 апреля шайка отправилась вниз до гавани Чекавинской; здесь ограбила магазин с провиантом, захватила казенный галиот «Св. Петр», приготовила его к походу, водрузила на нем знамя императора, назвалась «Собранною компаниею для имени его императорского величества Павла Петровича» и составила объявление Сенату, что Павел Петрович незаконно лишен престола, что польская разорительная война ведется единственно для пользы Понятовского, что промыслы вином и солью отданы на откуп немногим, что от монастырей отобраны деревни на воспитание незаконнорожденных и проч.

Скоро оказалось, что заговорщики не столько думали о Павле, сколько о спасении бегством. Они вышли в море и имели разные приключения в Японии, в Китае и на берегах Тихого океана. Во время плавания умерли Батурин, Турчанинов и др. Некоторые члены «компании для Павла» были убиты во время сделанного ими нападения на остров Формозу. Бенековский в 1772 году был с некоторыми товарищами во Францию; затем он основал колонию на Мадагаскаре, где в продолжение нескольких лет занимал место правителя, и в 1786 году был там убит в схватке с французами. Русские товарищи Бенековского, прибыв в 1772 году во Францию, обратились к русскому резиденту в Париже, Хотинскому, с просьбою исходатайствовать им прощение у государыни. Препровождая к генерал-прокурору письмо Хотинского, Екатерина писала (2 октября 1772 года): «Им от меня прощение обещаю, которое им и дать надлежит, ибо довольно за грехи наказаны были: видно, что русак любит свою Русь, и надежда их на меня и милосердие мое не может сердцу моему не быть чувствительна». Все раскаявшиеся возвратились в Россию и были распределены в сибирские города на свободное житье¹.

¹ Соловьев. «История России», XXIX, 181—185.

В 1769 году лекарь нарвского батальона Лебедев донес о страшном политическом преступлении: один молодой офицер, Опочинин, выдал себя за сына императрицы Елизаветы и английского короля, будто 17 лет тому назад приезжавшего в Россию в свите английского посольства. Далее Лебедев доносил, что около Нового года предполагено схватить Екатерину в то время, когда она будет ехать в Царское Село, и постричь в монастырь, а всех, кто около нее будет, перестрелять и переколоть. Опочинин уговаривал Лебедева подписать присяжный лист и для окончательного привлечения его в свою партию говорил: «Пропадет Россия, да и пропадет! Государыня хочет разделить государство на три части Орловым». Когда и это не подействовало на доносителя, Опочинин с досадой заговорил: «Чего ты боишься! Ведь нас есть человек тридцать и один знатный человек. Если б ты подписал присягу, то тебе прислали бы кавалерию... Наконец, настоящая государыня не императрица, а управительница; великий князь слаб здоровьем, так что, может статься, что и я буду императором, потому что по родству имею право на это. Голштиния уже отдана мне от великого князя».

Разумеется, Опочинин был арестован и привезен в Петербург. Здесь он показал, что корнет Батюшков внушил ему мысль о происхождении от императрицы Елизаветы и английского короля, говоря о существовании каких-то документов по этому делу; Батюшков сказал далее Опочинину, что Елизавета подарила мнимым родителям Опочинина брильянтовый перстень ценою в 15 000 рублей для воспитания ее сына, и проч. Для допроса Батюшкова, находившегося в своем имении, был отправлен обер-прокурор сената Всевожский, который, как кажется, при этом случае употребил пытку. Оказалось, что между Батюшковым и Опочининым происходили самые нелепые разговоры. Опочинин говорил Батюшкову, что хочет убить великого князя Павла Петровича, что у него очень много недоброхотов, что государыня венчана с графом Орловым, и т.п. Оба решили, что им нужно отправиться в Петербург для свержения с престола Екатерины. И в разговоре Батюшкова с берейтором лейб-гвардии конного полка, Штейгерсом, была речь о том, что все

пропадают, все идет дурно; что государыня хочет выйти замуж за графа Орлова; что Орловы хотят убить Павла; что на это согласна и Екатерина; шла речь о необходимости «зарезать» императрицу, и проч. Подсудимые объявили, впрочем, что говорили все это в пьяном виде.

Опочинин показал, что Батюшков уговаривал его быть «в его партии» и склонял других, заставляя каждого подписывать следующий присяжный лист: «Аз нижеименованный обещаюсь и клянусь всемогущим Богом... в том, чтобы быть верну государю всероссийскому императору Павлу Петровичу, а нынешнему правлению быть противну и за государя нашего не шадить последней капли крови. Если же я сию присягу пренебрегу, донеся, то желаю принять часть с Иудою». «Я также, — показывал Опочинин далее, — подписал этот лист и по оному присягал вместе с Батюшковым, в его доме, пред престолом и Евангелием. Потом сожгли подписанный присяжный лист, пепел положили в рюмку и, налив его красным вином, выпили пополам».

Из показаний Штейгера узнали, что Батюшков говорил: «Вот-де, когда цесаревич вырастет, то верно спросит, куда батюшку-то его девали, и так-де Бог Орловым за это заплатит»... Батюшков любил хвалить Павла, говоря, что «он уже в лета приходит совершенного возраста, то лучше бы ему государствовать, нежели женщине, для того, что женское правление не столь порядочно, да к тому же государыня без совета других ничего делать не может, а наипаче без графов Орловых... мужчина всегда мужчина... государыня уже в таких летах, что пора и в монастырь постричься, а цесаревичу-де непременно поспевает время к принятию престола», и проч.

Таково было содержание разговоров молодых офицеров, которые дорого заплатились за свое легкомыслие. Опочинин и Батюшков были приговорены к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. Батюшков пять лет был на каторге; по воцарении Павла его помиловали. Опочинин до 1780 года оставался на Иртышской линии; тогда только ему было дозволено возвратиться к родственникам, в имении которых он должен был оставаться безвыездно. Он умер в 1781 году. Всем заме-

панным в этом деле было вменено в долг хранить глубочайшее молчание о случившемся¹.

В 1772 году в Петербурге производилось следствие по поводу слухов, распространявшихся в гвардии. Солдат Исаков рассказывал солдату Жихареву, что великого князя хотят извести; «не будет ли, говорили солдаты, в Петров день перемены и не будет ли его высочество в лагерь для принятия престола?» Жихарев пересказал об этом солдату Карпову, Карпов капралу Оловеникову, Оловеников подпоручику Селехову, которому прямо предложил возвести на престол великого князя Павла Петровича, к чему склонял солдат, во-первых, тем, что их смертно бьют без вины, потом, что великого князя извести хотят, наконец, что Орлов хочет быть императором. Два капрала и Селехов согласились содействовать. Стали подговаривать других, рассуждать, как вывести великого князя из Царского Села, что сделать с Екатериною: постричь ее или оставить в покое. Оловеников и Селехов думали, что, если Павел Петрович не согласится принять престол, то убить его вместе с матерью, а народу сказать, будто Павла умертвила Екатерина, не любя его, и погибла в отмщение; в цари после этого выбрать, кого солдаты захотят, причем Оловеников мечтал о короне и уже ссорился с товарищами за будущее царство. Оловеников говорил, чтобы быть ему царем, Подгорневу — фельдцейхмейстером, брату его — генерал-прокурором, Капрову — генерал-адъютантом. На это Подгорнев говорил: «Когда тебе можно царем быть, так и я буду». Потом толковали, что надобно выбрать в цари герольдмейстера князя Щербакова, потому что он человек очень честный, умный и добрый.

Между солдатами ходили слухи, что хотят гвардию сделать армейскими полками, а на место гвардии хотят ввести гренадерские полки; далее, что граф Орлов поехали в Фокшаны, чтоб сделаться молдавским князем или императором. Гренадеры говорили: «Это, верно, сбудется, а может быть, ему этого сделать и не удастся, и мы его высочество поскорее императором сделаем». Солдаты решили, что через Барятинского «разведать

¹ См. статью А. Барсукова о Батюшкове и Опочинине в «Древней и новой России», 1878, III, 287—309.

мысли его высочества», а затем увезти Павла в полк, и проч. Несколько солдат пошли к камергеру, князю Барятинскому, и сообщили об этих предположениях.

Началось следствие. И на этот раз, как вообще при подобных случаях, Екатерина сама разбирала дело, просматривала протоколы допросов. 2 июня она писала Вяземскому: «Я нахожу, сия шайка такого рода, что, конечно, надлежит всех в ней участие имеющих вывести в наружу, дабы гвардию koliko возможно на сей раз вычислить и корень зла истребить, сохраняя всегда умеренность и человеколюбие». Императрицу беспокоила мысль о толках, которые могли возникнуть по поводу этого дела. Она поэтому писала Вяземскому: «Скажите Чичерину (генерал-полицеймейстеру), что если по городу слышно будет, что многие берутся и взяты солдаты под караул, то чтоб он выдумал бы бредню и ее бы пропустил, чтобы настоящую закрыть, или же и то сказать можно, что заврались». Императрицу поразила молодость людей, толковавших о политическом перевороте. Старшему было 22 года. Все они были наказаны телесно и отправлены в Сибирь¹.

Таковы были признаки неудовольствия и брожения в среде военных, признаки в то же время некоторого расположения к Павлу, ненависти к Орлову и неприязни к Екатерине. Нельзя не заметить во всем этом влияние несколько раз повторявшихся и иногда удававшихся государственных переворотов. Недовольные своим положением, роптавшие на какие-нибудь правительственные распоряжения считали безделицею произвести перемену на престоле и этим самым достигнуть для себя кое-каких выгод. Во всем этом обнаруживается сильный недостаток в политическом образовании массы народа. Распространяются самые нелепые слухи — публика верит всему; рождаются самые странные мысли; составляются самые опасные политические заговоры, но почти всегда, как мы видели, такого рода эпизоды ограничиваются одною болтовнею; приступить к делу оказывается невозможным: в каждом данном случае находятся доносчики, которые сообщают куда следует о грозящей правительству опасности. Виновные наказаны и настоящих революционных

¹ Соловьев, XXIV, 185—189.

действий не было. Однако соперничество Павла, считавшегося многими кандидатом на престол, могло беспокоить императрицу. Толки о предстоящем в ближайшем будущем воцарении великого князя были вызваны подобными же обстоятельствами, при каких Екатерина вступила на престол.

Но кроме Павла существовал еще другой претендент: то был скончавшийся в Ропше император Петр III. Его самого не стало, но тень его оставалась; имя его сделалось знаменем революции.

Появление самозванцев в России в XVII и XVIII столетиях не столько может считаться целым рядом преступлений отдельных лиц, сколько признаком общего болезненного состояния масс. Весьма часто самозванцы не были вовсе первоначальными виновниками мысли разыгрывать роль претендентов, а действовали по внушениям других лиц. Так, например, как мы видели выше, корнет Батюшков убедил Опочинина в том, что последний был сыном Елизаветы Петровны и английского короля; мысль выдавать себя за Петра III возникла не в голове Пугачева, а была внушена ему другими лицами. Появление самозванцев между малороссийскими казаками было, так сказать, симптомом общепатологического состояния этого края. Не должно думать, чтобы приверженцы мнимых царевичей, царей и императоров верили в подлинность претендентов. Толпа недовольных нуждалась в вожаках для мятежных действий. Чем многочисленнее были угнетенные, тем легче распространялось известие о правах того или другого искателя приключений на престол. Появление самозванцев почти всегда находится в самой тесной связи с надеждою низших классов народа поправить свое положение. В некоторых случаях не было вовсе личности самозванца, которую заменял лишь слух о существовании той или другой особы, права которой могли внушить мысль о бунте. При Стеньке Разине не было вовсе лица, которое выдавало себя за патриарха Никона, однако указывали народу на судно, на котором будто находился Никон. Поляки в XVII веке не раз грозили русским появлением самозванцев, рассчитывая на то, что весьма окажется возможным найти лиц, готовых взять на себя роль претендента.

Число лжепетров было весьма значительно. Появление их объясняется не столько убежденностью в законности прав Петра

на престол, сколько надеждою посредством смуты избавиться от строгого начальства, поживиться на общий счет, достигнуть некоторых выгод. Смельчаки, выдававшие себя за Петра III, в сущности, не отличались от простых предводителей разбойничьих шаек. И те и другие жгли, грабили, убивали представителей власти и проч. И у тех и у других не было политической программы. Отчаянное положение, в котором находилась масса народа, заставляло весьма многих примыкать к шайкам анархистов, независимо от того обстоятельства, стоял ли во главе бунта обыкновенный атаман, или какой-нибудь мнимый Иоанн Антонович, или Алексей Петрович, или Петр Федорович. Когда однажды появился Пугачев, шайка разбойников под предводительством Заметаева, Суворов, которому было поручено принять меры против бунтовщиков, распорядился, чтобы узнали при случае, выдает ли Заметаев себя за Петра или нет. Между действиями самозванца Пугачева и неистовством простых атаманов, каковы были около того же времени Кулага, Брагин и др., нет существенной разницы.

Разумеется, бывали случаи самозванства, в которых можно видеть преступную выдумку отдельных лиц. Таковы, например, эпизод с так называемой княжною Таракановой, появление Лже-иоанна в 1788 году в Митава и т.п. Вообще же самозванство оканчивается результатом общего брожения, несносного положения массы народа, коллективным преступлением черни. В продолжение XVII и XVIII столетия было несколько десятков случаев появления самозванцев. Порою при этом значительная часть государства приходила в движение. Целыми тысячами и десятками тысяч народ участвовал в мятеже. Мятежникам сочувствовали низшие слои общества во всей империи. Понятно, что казнь самозванцев и их главных товарищей не могла помочь злу. Болезненное состояние общественного организма требовало коренных реформ. Лечение одних симптомов болезни не могло иметь успеха.

Впрочем, нельзя не допустить, что ненормальные перемены на престоле, государственные перевороты вроде событий 1741 и 1762 годов, печальные эпизоды вроде тех, которые совершились в Ропше в 1762 году, в Шлиссельбурге в 1764 году, споспешествовали беспорядкам, происходившим в народе. Такие случаи

не могли не подействовать сильно на воображение толпы, и без того склонной к мятежным действиям, готовой бороться с правительством и крайне недовольной своим положением.

Важнейшим из таких случаев была пугачевщина, история которой будет изложена в следующей главе. Пока мы укажем на менее важные примеры самозванства, случившиеся около этого же времени.

В народе не верили известию о кончине Петра III. Молдавского гусарского полка прапорщик Войнович показал, что 7 сентября 1762 года, в бытность его в крепости св. Елизаветы, зашел он в квартиру подполковника Ездемовича, который говорил: «Был у меня вчера Мельгунова камердинер Иванушка и сказывал: у Мельгунова в гостях был майор гвардии Рославлев и с Мельгуновым говорил, что бывший император жив и послан в Шлюхин (Шлиссельбург), и для того его послали, что Орлов хочет с государынею венчаться»¹.

Ходили слухи, что бывший император Петр III содержится арестантом в Риге, где имеет надзор над ним генерал-губернатор Броун².

В 1765 году, на окраинах, солдат Гаврила Кремнев, бежавший из полка, подговорил двоих крестьян, ездил по разным селам и деревням Воронежской губернии, разглашал, что он капитан, послан с указом, будто курение вина запрещено, сбора подушных денег и рекрутчины не будет на 12 лет, и, наконец, назвался государем Петром III. Главным помощником его был поп Лев Евдокимов, который сначала возражал ему, что Петр III скончался, и Кремнев отвечал: «тогда умер солдат». Евдокимов стал утверждать, что, будучи придворным певчим, видел Петра Федоровича и маленького на руках вынашивал³. Кроме Евдокимова, Кремневу помогали: отставной сержант Петров, капрал Григорьев, дячок Антон Попов: они согласились привести однодворцев к присяге и ехать в Воронеж, откуда послать в Москву и Петербург с известием, будто появился государь, а за тем самым ехать в обе

¹ Соловьев, XXV, 261.

² Blum. «Ein russischer Staatsmann», II, 457.

³ В народе, как видно, не знали, что Петр родился и воспитывался за границею.

столицы. Беглых крестьян Кремнев называл генералами — одного Румянцевым, а другого Пушкиным. Вскоре все преступники были арестованы. Императрица увидела из дела, что «преступление Кремнева произошло без всякого с разумом и смыслом соображения, а единственно от пьянства, буйства и невежества, что дальнейших и опасных видов и намерений не крылось». Разделив всех виновных на двадцать две категории, императрица смягчила наказание всем и освободила Кремнева от смертной казни. Его секли кнутом во всех тех селах, где он о себе разглашал, привязав на груди доску с надписью «беглец и самозванец», потом выжгли на лбу начальные буквы этих слов и сослали в Нерчинск, на вечную работу.

Били плетью и сослали в Нерчинск армянина Асламбекова, схваченного с фальшивым паспортом и объявившего себя также Петром III.

Беглый солдат Лев Евдокимов, проживавший у раскольников, назвался Петром II.

Брянского полка беглый солдат Петр Федоров Чернышев, в слободе Кулянке, Изюмской провинции, стал разглашать о себе, что он бывший государь Петр Федорович; ему поверил поп слободы Кулянки, Семен Иванецкий, по желанию Чернышева служил всю ночь и молебен, поминая его на ектениях императором. На допросе Чернышев показал, что он однодворец, женат, имеет маленького сына Павла; важное название выговорил без всякого намерения, а единственно потому, что в разные времена, будучи в кабаках и шинках, между незнакомыми людьми слышал в разговорах о бывшем императоре; говорили разное: иной, что он действительно преставился, а иной, что еще жив. Обоих преступников высекли кнутом и сослали в Нерчинск — Иванецкого на житье, а Чернышева в работу. Главный командир нерчинских заводов, генерал-майор Суворов, прислал донесение, что Чернышев и там разглашал о себе то же самое, чему некоторые из тамошних жителей поверили и давали ему много подарков¹.

Около того же времени казак Каменщиков, до того несколь-

¹ Соловьев, XXVI, 155.

ко раз наказанный за разные преступления, бежал из тюрьмы и между крестьянами, терпевшими притеснения от своих господ в Исецкой провинции, разглашал, будто император Петр III жив и находится в Троицкой крепости. Взятый к допросу, Каменщиков показал, что разглашал о Петре III по уверению казака Конона Белянина. Каменщикова приговорили к жестокому наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке в Нерчинские заводы в тягчайшую работу навеки. Белянина за его выдумку высекли плетью¹.

Тот самый Батурич, который в 1749 году хотел возвести на престол Петра Федоровича и с тех пор содержался в Шлиссельбургской крепости, утверждал в 1768 году в разговорах с дежурными солдатами, что Петр жив, находится в чужих краях и вернется в Россию через год или два. Мало того, он написал письмо к Петру, которое передал одному из стороживших его солдат. Случайно все это дошло до сведения начальства. Оказалось, что некоторые солдаты поверили нелепым басням полупомешанного арестанта. Его приговорили к вечной каторжной работе в Камчатке, где он, как мы видели выше, участвовал в предприятии Бенековского².

В 1769 году беглый солдат Мамыкин, по дороге в Астрахань, разглашал, что Петр III жив, примет опять царство и будет льготить крестьян³.

Все эти эпизоды оказались маловажными лишь потому, что правительство скоро узнавало о беспорядках и могло распорядиться об арестовании виновных, так что зло не принимало больших размеров. Зато подобные случаи в более отдаленных частях государства, ускользая некоторое время от внимания правительства, могли сделаться чрезвычайно опасными. Особенно на юго-востоке, где было много горючего материала, слухи о появлении Петра могли сильно повлиять на воображение народа.

За год до появления Пугачева именно в этих местах появился

¹ Соловьев, XXVII, 21—24.

² «Древняя и новая Россия», 1875, I, 182—284.

³ Соловьев, XXVII, 161.

беглый казак, выдававший себя за Петра III. Другой находившийся при нем казак играл роль статс-секретаря. Они сообщали о своем предприятии другим казакам. Все решили, что нужно отправиться к городу Дубовке, там провозгласить самозванца императором и арестовать всех офицеров. Одному из офицеров, однако, удалось смелостью и решимостью уничтожить в корне умыслы заговорщиков. Он вошел в ту избу, в которой находился самозванец, ударил его в лицо и приказал присутствующим связать его. Казаки послушались. И мнимый статс-секретарь был арестован без всякого препятствия. Началось следствие, продолжавшееся несколько месяцев. Оказалось, что число причастных к делу лиц было весьма значительно. В Царицыне, куда повезли подсудимых, многие жители были убеждены в том, что главный арестант был настоящий император Петр III. Нужно было принять меры для избежания опасности, которая грозила конвою со стороны жителей Царицына. Арестовав ночью, тайком вывезли из города, причем была усилена стража. Оказалось, что преступники рассчитывали на освобождение в уверенности, что народ нападет на конвой. То обстоятельство, что самозванец умер вскоре после этого, во время следствия, и что в народе не знали, куда он девался, способствовало успеху Пугачева, появившегося немного позже¹.

И во время пугачевщины, и после подавления мятежа постоянно повторялись случаи самозванства.

В 1774 году был приговорен к жестокому наказанию некто Фома Мосягин, пытавшийся было играть роль Петра III². В том же году некто Метелка также выдавал себя за бывшего императора³. В 1776 году один крестьянин, Сергеев, назвал себя Петром III. Он собрал около себя шайку, имевшую цель грабить и разорять помещичьи дома. Когда воронежский губернатор Потапов наконец велел арестовать бунтовщиков, их было уже 96. Следственное дело, относящееся к этому случаю, сохранилось лишь отчасти.

¹ «Русская Старина», II, 125.

² «Сб. Ист. общ.», VI, 141.

³ Там же, XXVII, 17.

В 1778 году Царицынского 2-го батальона солдат Яков Дмитриев, пьяный, в бане, болтал своим товарищам следующее: «В Крымских степях находится с армией бывший третий император Петр Федорович, который прежде сего содержался под караулом, откуда и выкраден донскими казаками; при нем предводительствует армией Железный Лоб, против которого уже и сражение с нашей стороны было, где и побито две дивизии, и мы его как отца ожидаем; а на границе стоит с войском Петр Александрович Румянцев и против его не обороняет, а сказывает, что он ни с которой стороны защищать не хочет». Солдату Дмитриеву был пристрастный допрос, т.е. его били батогами; он сознался, что слышал это на улице, от неизвестных людей. Императрица утвердила доклад генерал-прокурора князя Вяземского, в котором было сказано, что все слова говорены были солдатом Дмитриевым по самому его невежеству, купно и в пьянстве, и самые говоренные им слова, как они суть пустые и вымышленные, достойны совершенного презрения; за таковое произнесенное им вранье вменить ему в наказание произведенное при следствии битие батогами, из-под караула освободить и принять на службу по-прежнему¹.

В 1780 году некто Ханин в низовьях Волги старался распространить слух, что известие о казни Пугачева ложно; Ханин выдавал себя за Пугачева, в котором народ видел императора Павла III. Многие поверили басне Ханина; число его приверженцев росло быстро; между ними были крестьяне, сельские священники и проч. Впрочем, Ханин был скоро арестован.

В какой степени правительство привыкло к подобным явлениям, видно из следующего случая. Когда осенью 1790 года в Петербурге было получено известие о происшедшей в Стокгольме казни Гестешо, бывшего одним из главных виновников конфедерации в Аньяла, Екатерина была чрезвычайно недовольна и поручила барону Игельстрему выразить шведскому посланнику, фельдмаршалу Стединку, ее неудовольствие. Стединк в тот самый день писал к королю, что Игельстрем был у него и выразил от имени Екатерины удивление и печаль по поводу казни

¹ «Русский архив» 1878, II, 472.

Гестешо. Игельстром в разговоре со Стединком заметил при этом случае, что во вверенной ему Оренбургской губернии появилось не менее трех самозванцев, выдававших себя за императора Петра III, и что из них ни один не был казнен¹.

Можно считать вероятным, что далеко не все случаи самозванства сделались известными. Частое повторение их включает в себе доказательство, что в массе народа было сильное расположение к подобным беспорядкам; столь ужасающие размеры самозванства объясняются лишь повсеместным неудовольствием народа. Борьба правительства с такого рода противниками не прекращалась.

Менее важным и опасным было появление лжепетров за границую. Уже в 1767 году в Черногории распространился слух о том, что Петр III жив и что можно ожидать появления его с целью освободить все славянские племена от турецкого ига и соединить их в одно государство. В сентябре там появился Степан Малый, выдававший себя за Петра III. Екатерина беспокоилась, ожидая, что этим самозванцем будут отправлены эмиссары в Россию², однако он не сделался опасным России, и его история, собственно, выходит за рамки нашего предмета. В Черногории же в 1773 году явился некто Зенович, также выдававший себя за Петра III. Он впоследствии находился в Польше³. В том же году граф Мочевиги писал с острова Занте о появлении в турецкой провинции Албании, близ города Арты, искателя приключений, называвшего себя Петром III. Однако мы не имеем дальнейших сведений об этом эпизоде⁴.

Случаи появления за границую самозванцев не могли представлять собою особенной опасности для государства. Значение лжепетров, появившихся в России, напротив, заключалось в их связи с бесчисленною толпою недовольных: они были представителями открытого бунта, социальной революции.

¹ Stedingk. «Memoires posthumes». Paris, 1844, I, 386.

² «Осьмнадцатый век», III, 193—197. «О Степане Малом», см. сочин. Мордовцева, I, 1—58. «Сб. Ист. общ.», I, 16. Соловьев, XXVIII, 44—53.

³ «Русская Старина», XVIII, 90.

⁴ «Архив Государственного Совета», СПб., 1869, I, 389.

ГЛАВА IV

Пугачевщина

Император Иоанн Антонович не мог быть опасным соперником Екатерине. Болтовня о правах Павла на престол не имела особенного значения. Лжепетры сами по себе были ничтожными противниками императрицы. Настоящих политических партий не существовало. Лица, недовольные новым правительством, в своей же среде находили антагонистов, способных останавливать их попытки, направленные против Екатерины. Гибели Арсения Мацеевича содействовали Сеченов и Синод. Бунтовщики между офицерами и солдатами делались часто жертвами доносов своих товарищей.

Гораздо опаснее была толпа, чернь, масса народа, раздраженная недостатками в государственном организме, испорченностью бюрократии, нарушением человеческих прав со стороны сильных и богатых. Настала эпоха отчаянного кризиса. Пугачевщина могла превратить империю, созданную по образцам западноевропейского политического мира, в казацкое царство; стихийный натиск полуазиатских элементов в народе мог уничтожить двор, отличавшийся утонченностью нравов и находившийся в тесной связи со знаменитыми представителями века просвещения на Западе. Юго-восток империи на некоторое время сделался театром мужицкой войны, в которую легко могли быть вовлечены и центральные губернии, и обе столицы. Всем грозила опасность охлократии.

То обстоятельство, что Пугачев выдавал себя за Петра III, не имело особенного значения, было как бы случайным. Вопрос о праве на престол оставался на заднем плане. Пугачевщина являлась, главным образом, протестом против крепостного права, против продажности чиновников, злоупотреблений представителей власти. Екатерина неизбежно была вовлечена в эту борьбу, происходившую между высшими слоями общества и чернью, между казацким элементом в народе и правительством, начальством. Толпа не знала стремлений императрицы к прогрессу, ее искреннего желания принести пользу государству и народу. На ней, как на представительнице власти, лежала тяжелая ответственность. На нее были направлены упреки за плачевное положение, в котором находились низшие классы общества, за страдания народа во время польской и турецкой войн, за продажность подьячих, за жестокость офицеров и проч. Таким образом, имя Петра III, противника Екатерины, сделалось символом восстания, паролем в действиях мятежников. Однако целью бунта не было и не могло быть воцарение Петра III. Эти шайки, объявившие войну всему, что походило на власть, силу, богатство и авторитет, вообще отрицали необходимость государственного устройства, проповедовали анархию, полнейшую необузданность, варварство.

Настала пора странного поединка между императрицею и Пугачевым. Ученице литературы просвещения, представительнице идей человеческого развития, цивилизации и космополитизма, приходилось бороться с неистовым, пьяным казаком. То была борьба между Европою и Азиею. С одной стороны, сложная политическая программа, соответствовавшая идеалам Монтескье, Вольтера, Беккариа, с другой — полное отрицание пользы законодательства и администрации вообще. С одной стороны, ум и образование, являвшееся богатым наследством многих столетий, чувство долга и ответственности перед современниками и потомством, с другой — порывы страсти полудикаря, не чувявшего значения общечеловеческого развития, преданного минутному наслаждению, следовавшего звериным инстинктам. Как прежде царь Алексей в борьбе с Разиным, Петр Великий в походах против стрельцов, раскольников и Булавина, сражались

успешно под знаменем общечеловеческой цивилизации, западно-европейских приемов общежития, точно так же и Екатерина должна была оказаться сильнее громадных разбойничьих шайк, представителей анархии, грабителей и убийц, как-то случайно и временно собравшихся под знаменем мнимого Петра.

Победа была дорого куплена. Значительная часть империи долго страдала от последствий отчаянной борьбы между властью и анархией. Принесенные жертвы окупались разве отчасти уроком для правительства, которое при этом случае ознакомилось с разными недостатками государственного организма. Время успехов Пугачева — от сентября 1773 до осени 1774 года — было самым тяжелым годом всего царствования Екатерины. Она любила свою деятельность в области политики, успехами в администрации и законодательстве обращать на себя внимание современников; ее хвалили за политическую мудрость, за материнское отношение к народу; она же дожила до того, что тот самый народ, который она думала осчастливить результатами своей политической деятельности, подвергнул самой строгой критике образ действий правительства; оказалось, что все громогласные теории об исполнении обязанностей государя и об общем благе далеко не соответствовали действительности. «Мать отечества» не успела приобрести любви своих чад. После столь ужасного потрясения, произведенного пугачевщиной, было как-то неловко говорить о благосостоянии империи, о народном счастье и богатстве; оптимизм императрицы, любившей восхвалять былые успехи России, ввиду страшного кризиса 1773—1774 годов мог легко производить впечатление пустой фразы. Прибавим, что кроткий и человеколюбивый народ государыне приходилось наказывать, и наказывать чрезвычайно строго. Следуя до тех пор правилам Беккария, вооружаясь против ужасов пытки и смертной казни, она теперь должна была допустить широкую деятельность палачей; в лагере ее противников секира, виселица и кнут играли важнейшую роль. В борьбе с ними террор был делом необходимости. Напрасно Екатерина во все это время не переставала говорить и писать в пользу кроткого обращения с бунтовщиками; диктаторы-воеводы, боровшиеся с пугачевщиною, не могли обойтись без крутых мер, жестоких на-

казаний. Недаром государыня, столь высоко ценившая общее мнение в отношении к ее исторической роли, дорожившая одобрением современников, во время пугачевщины неоднократно жаловалась на то, что эти печальные события, неистовый образ действий мятежников, раздор в империи, страшный разлад между властью и подданными должны произвести самое неблагоприятное впечатление на всех и каждого. Старания Екатерины в письмах к разным современникам придавать пугачевщине значение маловажного эпизода не имели успеха. Современники сознавали, что всему государству и обществу грозила ужасная опасность, что при громадных размахах и глубоком значении бунта все в России становилось вопросом.

Успехи в области внешней политики доставили Екатерине еще до пугачевщины громкую славу. Расширение пределов государства, приобретение веса в Европе, победы над турками и поляками, — все это оказалось делом не трудным в сравнении с проведением внутренних реформ, с достижением определенных целей путем законодательства и администрации; заботиться о благосостоянии народа, примирить враждебные друг другу классы общества, превратить полуазиатские элементы народа в организм, руководствуемый началами западноевропейской культуры, — все эти задачи были не по силам правительству, столь легко приобретшему в ряду государств значение первоклассной державы и без труда изменившему характер двора и высшего слоя общества по образцам других государств и народов. Пугачевщина заключала в себе доказательство громадной разницы между быстрым развитием меньшинства русских, находившихся в соприкосновении с Западом, и громадным большинством, оставшимся, так сказать, вне исторического движения и развития и косневшего в воззрениях и приемах прежних столетий.

При всей централизации, при сильно развитой бюрократической опеке влияние власти на массу народа оказывается ничтожным. Вот почему и основы государственного строя остаются шаткими. Отсутствием связи и взаимности между правительством и народом объясняется главным образом возможность, необходимость того кризиса, которому подверглась Россия в эпоху царствования Екатерины.

Напрасно иногда пугачевщину называли лишь казацким бунтом, напрасно хотели видеть в этом событии действие какой-то придворной интриги, напрасно объясняли этот взрыв заговором, составленным поляками. Нужно искать корни этого явления гораздо глубже. То был антагонизм между стремившимся вперед государством и застоєм в народе, борьба между пролетариатом и собственностью, протест против безвыходного положения крепостных крестьян, против отсутствия равноправности. Если вспомнить, что в то же самое время писатели как Дидро, поэты как Державин, восхваляли благоденствие России, райское существование подданных Екатерины, то это обстоятельство немало усиливает впечатление, производимое ужасами этой эпохи на современников и на потомство.

Все выступило наружу: печальное положение крестьян, отсутствие терпимости в обращении с раскольниками, несносное для народа бремя военной организации, суровое отношение представителей власти к инородцам, жестокость суда и расправы, произвол и продажность служащих, несостоятельность полиции и чиновного люда и непрочность бюрократического механизма. Всем этим вместе объясняются громадные размеры, которые приняло народное движение, вся важность кризиса, разразившегося над Россиею.

Уже в последнее время царствования Елизаветы и при Петре III, в разных местах империи происходили волнения крестьян, которые продолжались и в первые годы царствования Екатерины. Особенное значение имели бунты заводских крестьян, а также беспорядки, происходившие в духовных имениях. То обстоятельство, что Петр III, принявшись за секуляризацию монастырских имений, тем самым улучшил положение крестьян, на них проживавших, а также меры в пользу раскольников содействовали некоторому расположению в массах к памяти этого государя. Напротив, Екатерина, ввиду народных восстаний встретившая необходимость объявить, что все слухи о предстоящем будто освобождении крестьян лишены основания и что помещики должны оставаться при прежних своих правах и привилегиях, навлекла на себя негодование низших классов народа. Меры, принятые к улучшению быта крестьян, к защите

их против произвола помещиков, оказались недейственными; наказание некоторых помещиков и помещиц, жестоко обращавшихся с крестьянами, не помогали общему злу, и неистовства господ в отношении к крепостному сословию продолжались. Повсеместное бегство крестьян не прекращалось. Органы правительства содействовали тому, что положение крестьян становилось все хуже и хуже. Безжалостные поборы, жестокость, с которою всюду собирались недоимки, строгие наказания недовольных, страдания сельского населения во время постоя войска, — все это усиливало шайки беглых крестьян, предававшихся грабежу и разбою. Повторялись часто случаи мщения над жестокими помещиками.

В первое время царствования Екатерины распространялись слухи о намерении императрицы освободить крестьян. Множество ложных манифестов, в которых говорилось об эмансипации, ходило по рукам. Волнения вследствие этого усиливались. Тщетно чиновники объявляли всюду от имени правительства, что народ обманут поддельными манифестами. Крестьяне считали инструкции, данные чиновникам, подлогом и не переставали верить в подлинность манифестов об эмансипации. Производились аресты, жестокие наказания. Когда в 1766 году в народе распространилось известие о намерении Екатерины превратить помещичьих крестьян, пострадавших от жестоких господ, в казенных крестьян, со всех сторон посыпались жалобы, челобитные и доносы на господ. Но именно подача таких жалоб была строжайше запрещена; челобитчиков наказывали жестоко. Этим была отрезана последняя возможность защиты против произвола помещиков. Недовольных, однако, было столько, что нельзя было наказывать всех. Таким образом, во время блестящих побед в области внешней политики вся страна болела внутренним недугом, излечение которого казалось невозможным.

К тому же во время турецкой войны крестьяне страдали от постоянно повторяющихся и усиливавшихся рекрутских наборов. С рекрутами обращались немилосердно. Понятно, что весьма сильный контингент в разбойничьих шайках составляли беглые крестьяне. Мы видели, что между самозванцами, выдававшими себя за Петра III, были дезертиры. Рекрутские наборы

нередко давали повод к ужасным насилиям помещиков, которые, например, отдавали в солдаты богатых крестьян, заставляя их большими суммами денег освобождать себя от военной службы. По рассказу Сиверса, иногда случалось, что крестьяне, которых помещики хотели было отдавать в солдаты и которые по росту, или по летам, или по состоянию здоровья оказывались негодными к военной службе, подвергались телесным наказаниям, иногда равнявшимся смертной казни¹. Не мудрено, что войско, состоявшее из таких элементов, весьма часто обнаруживало склонность действовать заодно с противниками правительства.

В продолжение столетий правительство боролось против своеволия и необузданности казацких элементов на юго-востоке. Здесь, в начале XVII века, Заруцкий собирал свои шайки, с которыми воевал против власти; отсюда Стенька Разин, при царе Алексее, грозил государству; здесь происходили бунты во время Петра; сюда спасались отовсюду беглецы разных классов общества. Все старания центральной власти приучить казаков к дисциплине и безусловному послушанию оказывались тщетными. Наказания неповиновавшихся усиливали антагонизм между казаками и правительством. В шестидесятых годах беспорядки в этих местах напоминали своими размерами стрелецкие бунты XVII века. Казаки убивали нескольких офицеров, старавшихся усмирить мятежное войско. Берега Урала и Дона сделались исходною точкою Пугачевского бунта. Столетием раньше Стенька Разин сделался бунтовщиком после того, как был свидетелем казни брата, нарушившего военную дисциплину; совершенно так же Пугачев столкнулся с начальством, содействуя бегству одного родственника, и, сам принужденный бежать, начал свою борьбу против правительства. Его агитаторская деятельность оказалась тем более успешною, что казаки, после убийства генерала Траубенберга, подвергались разным притеснениям. К лицам и донским казакам охотно присоединились и малороссийские казаки, толпами бежавшие с берегов Днепра в направлении к востоку. Во время чумы, свирепствовавшей в Москве в 1770—1771 годах, отсюда также бежали многие из

¹ Blum. «Ein russ. Staatsmann», I, 394.

казаков на юго-восток, усиливая число находившихся здесь недовольных. И казакам, как крестьянам, было запрещено жаловаться на притеснения начальства. Казацкие депутаты, желавшие передать императрице донос на своих офицеров, были наказаны как бунтовщики. Не мудрено, что между казаками, при слухе о появлении Пугачева как претендента, возникла надежда тем самым поправить свое положение.

Чрезвычайно сильным и опасным элементом были раскольники. Хотя во время царствования Петра III и при Екатерине правительство в отношении к раскольникам руководствовалось правилами терпимости, например, позволяло раскольникам, бежавшим в Польшу, возвратиться беспрепятственно, между раскольниками, обремененными налогами и иногда притесняемыми местными органами правительства и церкви, господствовало сильное неудовольствие. В среде раскольников имя Петра III пользовалось большим авторитетом; между ними ходили слухи о том, что бывший император спасся бегством за границу, вернулся в Россию, был наказан кнутом, сослан в Сибирь, откуда скоро должен вернуться, и проч. На Яике и на Иртызе было множество беглых раскольников, которых правительство преследовало всеми мерами. Нетерпимость некоторых архиереев усиливало ожесточение этих элементов.

При Стеньке Разине весьма важную часть его шаек составляли инородцы. Они же сделались союзниками-товарищами Пугачева. Татары, киргизы, башкиры, мордва, чуваш, черемисы, вотяки и прочие страшно страдали от произвола и сребролюбия чиновного люда. Особенно калмыки были стеснены в своем быте регламентациею и надзором и терпели насилия всякого рода. Некоторые инородческие племена были раздражены насильственными мерами к распространению между ними христианской веры. Буджакские татары, переселившиеся на юго-восток России после взятия Бендер, были недовольны своим положением и произволом подьячих, за ними надзиравших. Башкиры были раздражены отнятием у них алчными чиновниками значительной доли занятых им до этого земель. Все эти элементы, склонные к кочевой жизни, грабежу, насилию и разбою, приставали к толпе, окружавшей Пугачева, прида-

вали ей еще более азиатский характер, которым и без того отличалось восстание.

Между приверженцами Пугачева было очень много ссыльных, каторжников, бежавших во время следования в Сибирь. Случаи к бегству представлялись весьма часто. Надзор над арестантами тогда оказывался недостаточным. На пути с ними обращались бесчеловечно. Несчастные гибли от холода и голода. Следствия, производимые над преступниками, продолжались иногда по несколько лет; приговоренные к ссылке в Сибирь иногда долго оставались в острогах до отправления в путь, или на пути, до продолжения путешествия. Тем временем арестантам, которых водили по улицам, дозволялось просить милостыню. При этом им иногда удавалось бежать. Весьма часто конвойные действовали заодно с арестантами. Население сочувствовало «несчастным», что объяснялось злоупотреблениями и жестокостью в уголовном судопроизводстве. В начале пугачевщины в Казани находилось не менее 4000 арестантов.

Таковы были элементы в народе, откликнувшиеся на призыв Пугачева. Сначала в этом движении преобладал казачий элемент. Затем бунт, перейдя через берега Волги в направлении к Москве, принимает характер крестьянской войны. «Все недовольные, — сказано в записках одного современника, — ждали лишь повода к началу мятежа; этот повод явился в лице Пугачева»¹.

Емельян Пугачев, сын донского казака, вступил в казачье войско, когда ему было 18 лет, участвовал в походах семилетней войны и своею ловкостью и расторопностью удостоился внимания полковника Денисова. Его мнимое наружное сходство с Петром Федоровичем оказывается баснею позднейшего времени. Не было и следов такого сходства, судя по сохранившимся портретам Пугачева. К тому же современники, знавшие и Петра, и Пугачева, решительно отрицали такое сходство. Уже довольно рано между Пугачевым и его начальством начали происходить столкновения; неоднократно он подвергался телесным наказаниям. После участия в турецкой войне он по болезни

¹ Записки Поспелова в «Вестнике Европы», 1870, № 6, 621.

получил отпуск и возвратился на родину, где, как уже выше было сказано, помог бежать одному родственнику, подвергся за это ответственности, бежал, был арестован, бежал еще раз и удалился в Малороссию. Здесь на польской границе, в одном раскольниковском монастыре, его натолкнули на мысль назвать себя Петром III и вооружить казаков на юго-востоке против власти. Руководствуясь этими внушениями и получив кое-какие денежные средства от раскольников, надеявшихся чрез совместные действия с избунтовавшимися казаками поправить свое положение, Пугачев явился на Урале, где вскоре был схвачен. Его привезли в Казань, откуда, однако, ему удалось бежать (в мае 1773 г.) как раз в то время, когда состоялось утверждение приговора; таким образом, он избежал от телесного наказания и от ссылки в Пелым. Вскоре после этого он очутился на берегах Иргиза, где опять завел сношения с казаками, выдавал себя за Петра III. Здесь он нашел сообщников для своего предприятия, рассказывая сложную басню о том, как ему удалось избавиться от преследований Екатерины, какие им совершены путешествия в Польшу, Египет, Иерусалим и проч. и как он явился с целью защитить народ от разных обид и притеснений.

Хотя шайка, образовавшаяся около Пугачева, в принципе ратовала против государства и правительства вообще, хотя идеалом этих людей было превращение всей России в казачье царство, все-таки они подражали некоторым образом внешним формам двора и государственного организма. Женившись на молодой казачке, Пугачев окружил ее «фрейлинами». Казак Чика сделался графом Чернышевым и удостоился сана фельдмаршала; другие казаки превратились в графов Орлова, Воронцова, Панина. Какой-то каторжник, у которого были вырезаны ноздри, получил должность начальника артиллерии и проч. Два-три грамотных казака в манифестах и других бумагах старались подражать стилю бумаг Военной коллегии. Впоследствии бывший офицер Шванвич, захваченный бунтовщиками и решившийся примкнуть к ним, занимался редакцией кое-каких бумаг на иностранных языках; казак Падуров, за несколько лет до того участвовавший в заседаниях «Большой комиссии для составления нового уложения», занимал должность статс-секретаря. Неболь-

шой форт в окрестностях Оренбурга, занятый бунтовщиками, был назван ими Москвою, другой — Петербургом. Ежедневно, совершенно так же, как и в обеих столицах, происходило учение войскам, причем присутствовал сам Пугачев. Говорили о необычайной способности его к артиллерийскому искусству и к фортификации. В обращении с народом он умел держать себя с важностью и достоинством. Его товарищи, обращаясь с ним почтительно в присутствии толпы, наедине считали его равным себе и руководили его действиями, так что ему приходилось жаловаться на свою несамостоятельность.

Осень 1773 года была временем значительных успехов Пугачева. Он брал одну крепость за другою, например Илецкий Городок, Рассыпную, Нижне-Озерную, Татишевскую, Черно-реченскую и проч. Затем началась осада Оренбурга. Толпа, окружавшая Пугачева, росла постоянно. К нему приставало множество мещераков, калмыков и башкир.

Иногда Пугачев говорил народу о своих правах на престол, о своем намерении заключить Екатерину в монастырь, о надежде в Петербурге увидеть сына Павла, о предстоящей в ближайшем будущем казни виновников государственного переворота 1762 года, о необходимости отнять у бояр деревни и проч. Найдя в одном доме портрет Павла, он целовал его и уверял, что, победив своих противников, отдаст престол своему сыну¹. Немного позднее при Пугачеве находился мальчик, которого он показывал под именем великого князя Павла². Обещая крестьянам свободу, Пугачев жаловался на Екатерину, состоявшую будто бы в связи с дворянскою партией, и говорил о своем намерении истребить до последнего всех дворян и т.п.

Все это действовало сильно на воображение народа, целыми толпами примыкавшего к шайке Пугачева. В продолжение нескольких дней пламя бунта охватило весь юго-восточный край России.

Сначала в центре государства не придавали особенного зна-

¹ «Записки о Бибикове», 129.

² Литографированный курс В. Иконникова «Время Екатерины II», где, впрочем, неверная ссылка.

чения этому движению. Мало-помалу начали сознавать меру опасности, как это видно, между прочим, из следующего обстоятельства. Прежде за арестование Пугачева назначали награду в 500 рублей, обещая тому, кто доставит его труп, 250 рублей; несколько месяцев спустя эти награды возвышены на 10 000 и 5 000 рублей; наконец, генерал П. С. Потемкин обещал тому, кто доставит Пугачева живым в руки правительства, 28 000 рублей и более¹.

Не чуя беды, двор в сентябре 1773 года праздновал свадьбу великого князя Петра Петровича, в то самое время, к которому относились первые успехи Пугачева. Только в октябре были получены в Петербурге первые известия о бунте. Зато уже в конце ноября весь город говорил лишь о пугачевщине. В весьма оживленной переписке между Екатериною и московским губернатором, князем Волконским, впервые упоминается об этих событиях не раньше 23 ноября 1773 года. Волконский писал: «Я опасаясь, что всего этого (отправленного в Казань войска) там мало будет, в рассуждении распространяющегося зла, злодея бунтовщика, донского казака, который час от часу сильнее становится, а тамошние люди все колеблются»².

Болотов, вспоминая об этой эпохе, пишет о своем пребывании в Москве в начале 1774 года: «Узнали мы о загремевшем везде слухе о появившемся на Яике бездельнике бунтовщике Емельке Пугачеве... Все смеялись только тогда дерзновению сего злодея и надеялись, что отправленные для усмирения его команды скоро все сие уничтожат и злодействам его скоро конец сделают. Но как мало знали все мы отсюда, что впоследствии после, и какой великий пожар произведет сия искра»... А далее: «Мы узнали, слух о Пугачеве не только не уничтожился, но увеличивался от часу больше. ... Мы ясно видели, что дело сие не походило уже нимало на шутку, а становилось час от часу важнейшим и сумнительнейшим»³.

¹ Грот. «Державин», V, 164.

² «Осьмнадцатый век», I, 125.

³ Записки Болотова, III, 349, 352.

Волконский советовал императрице отправить против бунтовщиков гораздо большие отряды войск. Она отвечала: «По оренбургским обстоятельствам я, видя, что выбором и худым поведением генерал-майора Кара дела там более испорчены, нежели поправлены, и получая ежечасно известия о усилении тамошней зловредной толпы, попала на ваши мысли и посылаю туда несколько полков» и проч. Затем императрица выразила надежду, что народ, видя несправедливую и неистовую казнь многих офицеров, сам собою «почувствует омерзение» и отстанет от Пугачева. «В несчастии сем, — писала она, — можно почесть за счастье, что сии каналы привязались два месяца целых к Оренбургу, а не далее куда пошли... Бог весть, чем сие кончится; может статься, что и сами разбегутся. Я начинаю походить приключениями моего века на Петра Первого; но, что Бог ни даст, по примеру дедушкину, унывать не станем. Кара я велела отставить, ибо в нужное время не надобно, чтоб больной и трус занял место и получал жалованье по пустому» и т.д.¹

Во все это время, впрочем, правительство желало избежать гласности относительно бунта. Даже в переписке между сановниками о пугачевщине говорилось как о событии, не заслуживающем особенного внимания. 7 января 1774 года вице-канцлер, князь Голицын, в первый раз коснулся этих дел в депеше к посланнику в Берлине, князю Долгорукому: «Вы слышали, конечно, — писал он, — об оренбургских происшествиях. Дело преувеличено молвой. Эти беспорядки произведены бродягами и разбойниками, которые воспользовались отсутствием войск»².

В письме Волконского к императрице от 2 декабря 1773 года, сказано: «Три дня назад приехал сюда генерал-майор Кар, сообщает, по причине болезни. Оный его приезд сюда произвел в публике толкования об оренбургских обстоятельствах. Я теперь стараюсь публику уверить, что оренбургские дела никакого уважения не заслуживают и никаких худых следствий ожидать не можно, а что тогда шайка никуда негодных людей собралась,

¹ «Осмынаццатый век», I, 127.

² Щербальский. «Начало и характер пугачевщины», Москва, 1865, 60.

которая вскоре и истреблена будет; а Кару я велел сказать, чтоб он сам об тамошних делах ничего ни с кем, а по малой мере предосудительного, не говорил, так бы и людям своим запретил»¹.

То обстоятельство, что Екатерина отправила именно А. И. Бибикова с тремя полками к Оренбургу для укрощения мятежа, заключало в себе доказательство, что она сознавала всю опасность восстания. Бибиков пользовался особенным доверием Екатерины, принадлежал к числу ее приближенных людей и неоднократно имел случай выказать необычайную опытность в делах и распорядительность². Переписка императрицы с Бибиковым во время вверенной последнему диктатуры на юго-востоке служит мерою того значения, которое она придавала этим событиям. Не должно забывать, что в это самое время турецкая война требовала напряжения сил и значительных пожертвований со стороны государства.

Между тем как во всех заседаниях Государственного Совета, в которых императрица присутствовала весьма часто, обсуждался вопрос о средствах, при помощи которых можно было справиться с бунтовщиками, между тем как Екатерина сильно беспокоилась и не раз выражала опасение, что Оренбург не выдержит осады, правительство все-таки старалось успокаивать публику относительно происходящих событий. Когда в Государственном Совете читали проект манифеста, в котором проводилась параллель между Пугачевым и Дмитрием Самозванцем, то некоторые сановники полагали, что такое сравнение может усилить беспокойство публики и придать чрезмерное значение бунту. Екатерина, однако, настаивала на первоначальной редакции манифеста, утверждая, что сравнение Пугачева с Лжедмитрием должно будет усилить раздражение общества против Пугачева. Вообще, совещания Государственного Совета во все это время свидетельствуют о личном участии Екатерины во всех делах, принятых против пугачевщины.

¹ «Осьмнадцатый век», I, 128.

² Наказ Бибикову в «Сб. Ист. общ.», XIII, 367 и след. Частности при его назначении в «Записках о Бибикове», 108.

10 декабря 1773 года Екатерина писала к Сиверсу: «Два года тому назад у меня была чума в центре империи; теперь у нас, на границах Казанского царства, свирепствует политическая чума, которая доставляет нам много забот. С Божией помощью мы справимся с нею, потому что у этой сволочи нет ни разума и толку, ни порядка и способности; это ничто такое, как недодля, во главе которых находится наглый обманщик. Все дело кончится вешанием. Но каково мое положение, так как я не люблю вешать? Европа подумает, что мы живем во временах царя Иоанна Васильевича; такова честь, которой мы удостоимся вследствие выходки преступного мальчишки. Впрочем, я приказала, чтобы вся эта история не оставалась тайною; пускай люди знающие сообщат свои соображения по этому делу» и проч. В ответном письме Сиверс советовал без замедления сообщить всему народу о случившемся для избежания ложных толков. Далее он писал, что, по его мнению, должно считать особенно опасным положение Астрахани, бывшей театром бунтов в царствования Алексея Михайловича и Петра Великого¹.

К г-же Бьельке, сильно беспокоившейся относительно пугачевщины, Екатерина писала 16 января 1774 года: «Спешу вас успокоить. В Казани нет возмущения: в этой области спокойно; но в сопредельной с нею губернии Оренбургской завелись шайки грабителей; они очень многочисленны, и один из предводителей их выдает себя то за Петра Третъего, то за его представителя. Они повесили в три месяца более пятисот человек всякого пола и возраста. Генерал-майор Кар был послан против них, но он так худо действовал, что только увеличил зло, вместо того, чтобы уменьшить его; я выключила его с бесчестием из службы своей и отправила туда генерала Бибикова, который, по всей вероятности, образумит их». Довольно подробно Екатерина пишет о ипографии края, об инородцах, о прежних бунтах, происходивших в этих же местностях. «Очень вероятно, — продолжала императрица, — что это кончится в скором времени. У генерала Бибикова все средства к тому. И притом дело, в котором нет ни ума, ни порядка, не может устоять, когда

¹Blum, II, 33—35, 545—546.

столкнется с законом и разумом». Наконец, она выставила в особенно выгодном свете образ действий казанского дворянства, изъявившего готовность содействовать подавлению мятежа, и проч.¹.

К Бибикову императрица писала между прочим: «Не упустите, где за способно найдете, в подлых душах вселить душу, к службе нужную, а думаю, что ныне, окромя уместной строгостью, не с чем. Колико возможно, не потеряйте времени и старайтесь прежде весны окончить дурные и поносные сии хлопоты. Для Бога вас прошу и вам приказываю всячески приложить труда для искоренения злодейств сих, весьма стыдных пред светом», и проч.².

Как видно, императрица опасалась серьезно последствий бунта. Однако в тот же самый день, 9 февраля, она писала к г-же Бьельке: «Мне очень приятно сообщить вам, что оренбургское восстание, которое вас так напугало и о котором так много шумят наши завистники, очень серьезно распадается, к погибели тех несчастных, которые были в него вовлечены; войска генерала Бибикова четырьмя различными дорогами подступают к Оренбургу и очищают страну. Башкиры, как уже сами признаются, ясно видят, что им придется расплачиваться за мятежников; очень многие между ними изъявили покорность» и проч.³. В шутиливом тоне Екатерина писала и к Вольтеру, смеясь над газетами, столько занимавшимися Пугачевым, и замечая, что последний «прядет себе каждый день пеньковую веревку»⁴. Г-же Бьельке императрица писала, что Голицын нанес войскам Пугачева решительное поражение, между тем как военные действия Голицына не могли вовсе считаться удачными. О Пугачеве сказано далее в письме Екатерины: «Предводитель, которого талант так превозносили в газетах и который однако ж не более, как глупец и пьяница, уже и прежде наказанный кнутом за раз-

¹ «Сб. Ист. общ.», XIII, 382—384.

² Там же, 386.

³ Там же, 387.

⁴ Там же, 394.

ные преступления казаками донскими, его земляками, убежал за реку Яик»¹. Довольно часто и в письмах Екатерины к Гриму упоминается о Пугачеве, об осаде Оренбурга и проч., но, как вообще, так и в отношении к пугачевщине, Екатерина в переписке с Гриммом любила шутить, относилась ко всем предметам слегка; она замечает, что вся эта «комедия» (*farce*) кончится очень скоро, причем нельзя будет обойтись без случаев телесного наказания, вешания и проч. Несколько раз Екатерина употребляла выражение «*le marquis Pougatcheff*»².

Все это оказалось чрезмерным оптимизмом. В начале 1774 года не было основания надеяться на скорое окончание бунта. Напротив того, предстояла самая тяжелая эпоха.

Генерал-майор Кар, при своих операциях в борьбе с мятежниками, располагал недостаточным количеством войск. Солдаты страдали от стужи. Не без основания Кар жаловался на мятежный дух в войске, на склонность к бунтам крестьян. Недаром он требовал гораздо больших средств для подавления мятежа. Однако, так как во все это время продолжалась турецкая война, правительство не так скоро могло располагать достаточным количеством войск для борьбы против Пугачева.

Между тем бунтовщики брали на Волге и на Урале один город за другим. Все башкирское население восстало. В конце декабря Пугачев занял Самару.

Бибикову приходилось организовать ополчение местных жителей. Тотчас же после своего прибытия в Казань он убедил собравшихся там дворян к принятию чрезвычайных мер. Положение оставалось весьма опасным. Бибиков писал к Фонвизину: «Побить злодеев я не отчаиваюсь, да успокоить почти всеобщего черни волнения великие предстоят трудности. Более же всего неудобным делает то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня!.. Делаю и буду делать, что могу. Неужели то проклятая сволочь не образумится? Ведь не Пугачев

¹ «Сб. Ист. общ.», XIII, 399.

² Там же, XXIII, 2, 6, 8.

важен, да важно всеобщее негодование; а Пугачев — чучело, которою воры ялицкие казаки играют. ... Неужели теперь о мире не думаете? Эй, пора! право, пора!» и проч.¹

В письмах к императрице Бибииков горько жаловался на «слепоту и невежество» жителей края, на неспособность и недобросовестность служащих, на слабость и «глупость» офицеров и проч. Особенно, писал он, нет возможности надеяться на гарнизоны. Своей жене он писал: «Дела здесь нашел я прескверными, так что и описать, буде бы хотел — не могу; вдруг я себя увидел в гораздо худших обстоятельствах... Правда, позденько схватились. Войска мои начали прибывать вчера, но к утушению заразы сего очень мало... Ух, дурно!» и проч.

Впрочем, меры, принятые Бибииковым и его помощником Державиным, не оставались без последствий. Довольно отрядным эпизодом была победа, одержанная Голицыным у Татищевской крепости в марте 1774 года. Осада Оренбурга прекратилась. Вскоре Голицыну удалось нанести мятежникам второе поражение. Однако одновременно с известием об успешных действиях Голицына в Петербурге была получена печальная весть о кончине Бибиикова, умершего в Бугульме 9 апреля. Английский посланник доносил своему правительству: «Монархия и империя не могли никогда, особенно же в настоящую минуту, потерпеть более тяжелой утраты». В другом донесении сказано: «Мне передавали, что из бумаг генерала Бибиикова оказалось, что, по его мнению, невозможно подавить этот мятеж одной только силой оружия, но что необходимо отыскать какое-либо средство удовлетворить народ, имеющий справедливые основания к жалобам»².

Пока движение ограничивалось лишь юго-восточным краем. Однако и центр легко мог подвергнуться заразе бунта. Чернь в разных местах империи, в особенности же в Москве, сочувствовала Пугачеву; кое-где замечалось некоторое волнение в народе.

Из писем Волконского к Екатерине видно, как он сам, московский губернатор, не доверял духу населения древней столи-

¹ «Записки о Бибиикове». Приложения, 76.

² «Сб. Ист. общ.», XIX, 411 и 418.

цы, как он через шпионов старался узнавать о толках в народе, как иногда привлекал к суду главных крикунов, какие им были приняты меры против мятежного настроения черни.

Три года раньше Москва во время чумы была театром ужасных беспорядков, производимых чернью, убившею при этом случае архиепископа Амвросия. Возмущение тогда было остановлено усилиями Еропина и Григория Орлова. Однако уже при этом случае можно было видеть, сколько горючего материала находилось в древней столице. Теперь же опасность возобновилась. Болотов рассказывает: «Мысли о Пугачеве не выходили у всех нас из головы, и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда не въявь, так в тайне сердцами своими были злодею сему преданы и в сердцах своих вообще бунтовали, и готовы были при малейшей возгоревшейся искре произвести огонь и полымя. Пример бывшего незадолго в Москве страшного мятежа был у нас еще в свежей памяти, и мы не только подобного тому ж опасались, но ожидали того ежеминутно», и проч. Болотов к этому прибавляет, что он был очень рад возможности уехать из Москвы.

Рунич говорит в своих записках о Пугачеве: «Если бы сей государственный злодей с бунтовщиками Яика не занялся шестимесячною осадой Оренбурга, но устремился бы на Казань, то до прибытия Бибикова дошел бы до самой Москвы. Но благость и священнейший промысел всевидящего и всемудрого Бога ослепили ум злодея и злодеев яицких занятием Оренбурга и избавили Москву от разорения, а с нею вместе и весь российского дворянства род от гибели»².

После кончины Бибикова Павел Потемкин, родственник фаворита, некоторое время играл главную роль в борьбе с мятежниками. И он жаловался на неспособность офицеров и на общую склонность к бунту. В его письмах к Григорию Потемкину сказано между прочим: «Самое главное несчастье, que le

¹ Записки Болотова, III, 377—378.

² «Русская Старина», II, 216.

peuple n'est pas sur»¹. Оказалось невозможным остановить движение мятежников на Казань и занятие ими этого города. Около 2000 домов сделались жертвою пламени. Многие монастыри и церкви были превращены в пепел. Колодники, содержащиеся в Казани, получили свободу. Повторились преступления, совершившиеся столетием раньше при занятии Астрахани Стенькою Разиным.

Пугачев намеревался идти на Москву. Перекинувшись на правый берег Волги, бунт все более и более принимал характер крестьянской войны. Пугачев обещал крестьянам свободу, призывая их к отчаянной борьбе против помещичьего сословия. На всем протяжении между Москвою и Казанью совершались ужасы; сохранилось множество подробностей о разных эпизодах пугачевщины. Опасность для общества и государства достигла крайности.

На заседании Государственного Совета 21 июля императрица сообщила о своем намерении отправиться в Москву для того, чтобы самолично руководить всеми мерами борьбы против пугачевщины и во что бы то ни стало восстановить тишину и порядок. Граф Н. И. Панин и фельдмаршал Чернышев заявили, что личное участие в этом деле императрицы должно будет усилить опасность и придаст чрезмерное значение бунту². Таким образом, Екатерина решила отправить для действий против мятежников графа Петра Панина, отличавшегося при взятии Бендер во время турецкой войны.

Нелегко было императрице назначить Петра Панина, так сказать, диктатором для подавления бунта. Петр Панин, недовольный правительством, считавший себя недостаточно вознагражденным за подвиги, совершенные им во время турецкой войны, просил отставки, проживал в Москве и любил подвергать острой критике правительственные меры. Волконский в своих письмах к Екатерине не раз жаловался на «известного большого болтуна», рассуждавшего громко, и не стеснялся, о действиях Екатерины. Однако выбор Петра Панина, состояв-

¹ «Русская Старина», II, 804.

² «Архив Гос. Совета», 454.

шийся не без участия его брата, графа Никиты Ивановича¹, оказался весьма удачным. Нельзя было не снабдить его самыми широкими полномочиями, хотя Екатерина в письме к Потемкину сильно роптала на чрезмерные претензии обоих братьев Паниных². Императрица знала, что оба брата были склонны к поддержанию прав Павла на престол. Поэтому она могла считать делом более или менее опасным в минуту столь ужасного кризиса вручать Паниным значительные средства, предоставить им широкую власть. Однако Петр Панин действовал весьма энергично, без всякой задней мысли; меры, принятые им для подавления мятежа, оказались целесообразными; он не только защищал интересы государства, но отстаивал в то же время и выгоды сословия помещиков. Он сумел организовать борьбу рабовладельцев против бунтовщиков. В данном случае интересы привилегированного класса вполне совпадали с интересами государства.

Мятежники, узнав о назначении Петра Панина, сначала думали, что брат графа Никиты Ивановича, воспитателя великого князя Павла Петровича, станет действовать в пользу прав последнего, т.е. некоторым образом будет поддерживать движение, направленное против власти. Панин спешил разуверить бунтовщиков решительными угрозами, написанными в строгом тоне прокламациями и жесткими казнями. На этот раз даже Екатерина, постоянно отстаивавшая начала кротости, должна была допустить террористические меры, необходимые для подавления мятежа; однако и при этом случае она не переставала внушать Панину и его сотрудникам сдержанность и гуманность.

Между тем шайки Пугачева свирепствовали на всем пространстве между Казанью и Нижним Новгородом. Множество помещиков с их семьями и духовных лиц было убито. Во многих деревнях все крестьяне до последнего приставали к бунтовщикам. Иногда, впрочем, и крестьяне находились в отчаян-

¹ «Сб. Ист. общ.», VI, 74—76.

² Лебедев. «Графы Панины», СПб., 1863, 116.

ном положении. С одной стороны, мятежники насильно заставляли их действовать с ними заодно против правительства и вышших классов общества, с другой — представители власти наказывали их жестоко за участие в бунте. Как только Пугачев оставил Саратов, туда прибыл Михельсон с войсками. Саратовцы, поневоле только что присягнувшие Петру III, теперь опять должны были признать власть императрицы. Вчера вешали всех не признававших Петра III, сегодня противников Екатерины; завтра могли очутиться на виселице и те и другие. Иногда несчастные отвечали на вопрос, кого они признают государем: «Того, кого и вы считаете царствующим лицом».

В конце концов вопрос о том, кто считался законным владельцем престола, оказался неважным, второстепенным, внешним, случайным. Сущность дела заключалась в грабеже и разбое, в наживе на общий счет, в желании отомстить владельцам крестьян за их поступки с крепостными людьми. Во время пугачевщины, как уже выше сказано, бывали случаи появления еще других самозванцев, выдававших себя за Петра III. Иногда также претенденты сталкивались между собою, боролись друг с другом. Не только помещичьи дома, но и крестьянские дворы бывали часто разграбляемы шайками разбойников, атаманы которых пользовались минутным весом и значением. Главным несчастьем был недостаток в среднем классе, так сказать, в консервативном элементе, который мог бы иметь влияние. Таким образом, было возможно временное торжество анархических элементов в обществе. При отсутствии порядка вообще в стране, где свирепствовали злодеи вроде Обрывалова, Брагина и проч., вопрос о правах Павла и Екатерины не мог иметь какого-либо значения. Даже сам Пугачев впоследствии, на допросе, показал, что «не думал к правлению быть и владеть всем Российским царством», а шел на то, «если удастся чем поживиться или убиту быть на войне». «День мой — век мой — вот девиз Пугачева», справедливо замечает один из исследователей этих событий¹.

С большим трудом органы правительства продолжали борьбу

¹Щебальский, 52.

против мятежников. Везде чувствовался недостаток в военных припасах. Многие меры, принятые правительством, оставались на бумаге. В среде военных, чиновников встречались измена, продажность, трусость, колебание. Пугачев награждал своих людей более щедро, чем правительство могло обеспечить своих солдат, офицеров и чиновников. Дисциплина в войске была далеко не образцовою. Спор о неравенстве между офицерами да пугачевцам занять Саратов. Весьма лишь немногие из предводителей войска, как, например, Голицын, комендант Царицына Цыплетов и генерал Михельсон выказывали силу воли, присутствие духа и распорядительность. Почти все другие действовали медленно, нерешительно, теряли время и этим самым содействовали разгару бунта. Почти всегда, при столкновениях между пугачевцами и войсками правительства, мятежники численною превосходили своих противников.

Успехи Голицына весною 1774 года не надолго оживили надежду на скорое укрощение мятежа. С тех пор, в продолжение недель и месяцев, бунт принимал все большие и большие размеры. Наконец, в августе 1774 года, Михельсону удалось нанести удар мятежникам при Царицыне: около 2000 пугачевцев пало в битве, около 8000 взято в плен. Успехи продолжались: к тому же голод начал свирепствовать во всем крае, где земледельческая деятельность была остановлена беспорядками, повсеместною анархией; кроме того, строгие меры, принятые Петром Паниным после его прибытия в Пензу, произвели действие на население. Мятеж стал утихать мало-помалу. В Пензе Панин получил известие о захвате Пугачева, разбитого Михельсоном, бежавшего к Уралу и сделавшегося жертвою измены окружавших его казаков. 14 сентября он очутился в руках правительства, как раз в то время, когда на театре действий появился Суворов для участия в подавлении бунта. Пугачева отправили сначала в Симбирск, затем в Москву, где он был казнен 10 января 1775 года.

Екатерина во все это время с крайним напряжением следила за ходом событий, обращая внимание на все подробности. Ее интересовали военные события, слухи о бунте, газетные статьи о пугачевщине. Не раз она обращалась к Волконскому с разными вопросами о пугачевцах. После ареста Пугачева она руко-

водила допросами и следствием. И при этом случае, как прежде, она требовала решительно, чтобы судьи не употребляли пытки. «Для Бога, — писала она Волконскому, — удержитесь от всякого рода пристрастных расспросов, всегда затемняющих истину»¹. По поводу смягчения смертной казни Пугачева Екатерина писала г-же Бьельке: «Сказать вам правду: вы верно отгадали относительно промаха палача при казни Пугачева²; я думаю, что генерал-прокурор и оберполицеймейстер помогли случиться этому промаху, потому что, когда первый из них уезжал из Петербурга для производства суда, я сказала ему шутя: никогда больше не попадайтесь мне на глаза, если вы допустите малейшее мнение, что заставили кого бы то ни было претерпеть мучения, — и я вижу, что он принял это к сведению»³.

Неоднократно во время бунта был возбуждаем вопрос об участии других держав в пугачевщине. Алексей Орлов, находившийся в то время в Италии, подозревал в пугачевщине какую-то интригу Франции. Такое же предположение было высказано Вольтером. Однако еще Бибииков уверял императрицу, что не может быть и речи о влиянии при этом какой-либо другой державы; также и Рунич отрицал всякое политическое значение бунта. В толпе Пугачева встречались поляки, советами которых бунтовщики руководствовались иногда при своих стратегических операциях; однако нельзя было говорить о какой-либо связи между пугачевщиною и Польшею. Екатерина справедливо писала Вольтеру в октябре 1774 года: «До сих пор нет ни малейшего признака, чтобы Пугачев был орудием какой-либо иностранной державы или стороннего замысла, ни чтобы он следовал чьим-либо внушениям, и надо полагать, что г. Пугачев разбойник-хозяин, а не слуга»⁴.

Пугачевщина главным образом была борьбою сословий. Болотов, рассказывая подробно о казни Пугачева, говорит, что

¹ «Осмынацатый век», I, 153.

² В газетах говорили, что Пугачеву по ошибке палача сначала отрубили голову, а потом его четвертовали.

³ «Сб. Ист. общ.», XXVII, 32.

⁴ «Maitre-brigand et non valet». См. «Сб. Ист. общ.», XXVII, 3.

между свидетелями было особенно много «дворян и господ», и продолжает: «Как их набралось тут превеликое множество, то, судя по тому, что Пугачев наиболее против их восставал, то и можно было происшествие и зрелище тогдашнее почесть и называть истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем»¹.

В этой борьбе между дворянами и крестьянами Екатерина поневоле должна была находиться в союзе с привилегированным классом. Напрасно она говорила о свободе и равноправии, о гуманности и народном богатстве. Прежде всего, она должна была заботиться о поддержании государственного авторитета и порядка. Однако вообще этот кризис оказался полезным для представителей власти, которым пугачевщина доставила случай всмотреться во всю глубину общественного зла, заключавшегося в крепостном праве. В этом смысле Бибиков и Панин отзывались о пугачевщине. Екатерина и до этого была проникнута убеждением в необходимости реформы. Независимо от ее воззрений и в этом случае, как всегда и везде после крестьянских бунтов, положение крепостного сословия ухудшилось. Осуществление теорий об эмансипации крестьян оставалось впереди. Пока приходилось залечивать раны, нанесенные пугачевщиной общественному и государственному организму, вознаграждать дворян, лишившихся состояния, кормить народ, страдавший от голода, наказывать главных преступников, награждать оставшихся верными долгу и присяге. Победа над чернью дорого была куплена. Торжество правительства над охлократиею, однако, содействовало упрочению престола Екатерины.

¹Записки Болотова, III, 488.

ГЛАВА V

Мнимая дочь Елизаветы

Одновременно, когда на юго-востоке России свирепствовал Пугачев, в Западной Европе появилась мнимая дочь императрицы Елизаветы.

По новейшим исследованиям, относящимся к так называемым князьям и княжнам Таракановым, можно считать по меньшей мере весьма вероятным, что у Елизаветы Петровны никогда никаких детей не бывало¹. Во всяком случае, не было никакой связи между так называемыми Таракановыми и тою авантюристкою, которая в семидесятых годах прошлого века выдавала себя за дочь Елизаветы и впоследствии в исторической литературе сделалась известною под именем княжны Таракановой.

Самозванка, по свидетельству всех видевших ее, имела весьма привлекательную наружность, отличалась быстрым умом, не лишена была некоторого образования, весьма свободно говорила по-немецки и по-французски и немного по-английски и итальянски. По словам ее, в 1775 году ей было от роду 23 года, но, по-видимому, она была старше². То она называла себя султан-

¹ «Осмынадцатый век», II, 439. О том, что не было основания называть авантюристку Таракановой, см. статью Васильчикова о Разумовских в «Осмынадцатом веке», II, 443—445.

² См. статью В. Панина в «Чтениях Московского общества истории и древностей», 1867. I, 3 и след.

шей Селиной или Али-Эмете, то принцессой Владимирской, то г-жою Франк, Шелль, Тремуль и проч. В Венеции она явилась под именем графини Пиннеберг. Английский посланник в Петербурге утверждал, что она дочь трактирщика в Праге; английский консул в Ливорно считал ее дочерью Нюрнбергского булочника. В Лондоне и в Париже она вращалась в обществе разных обманщиков и искателей приключений; она находилась некоторое время в связи с польским посланником в Париже, Огинским, а затем с князем Лимбургским, который, любя ее страстно, обещал вступить с нею в законный брак. Она жила у него в замке Оберштейне, получала с разных сторон деньги, вела переписку с разными высокопоставленными лицами и при случае занималась политическими вопросами. Сношения авантюристки с польскими эмигрантами подали повод к тому, что она начала играть роль претендентши на русский трон.

После многих приключений и пребывания в разных странах она явилась в Италии, в Рагузе, и в Венеции в обществе знатных поляков, например, богатого литовского вельможи, князя Радзивилла. Тут она начала выдавать себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, рассказывая при этом довольно сложные басни — о своем пребывании в детстве в Сибири, у персидского шаха и проч.

В то время в газетах весьма часто писали о турецкой войне и о Пугачеве; авантюристка начала говорить о своем намерении отправиться в Константинополь и оттуда действовать на Россию с целью добыть корону. Есть основание думать, что в продолжение некоторого времени французское правительство намеревалось поддерживать самозванку, которая в Венеции жила в доме французского резидента, а в Рагузе, в доме французского консула. Лица, окружавшие ее, обращались с нею, как с русскою принцессою. Князь Лимбургский в письмах называл ее не иначе как «*Princesse Elisabeth de toutes les Russies*». Нет сомнения, что со стороны польской эмиграции она пользовалась материальною поддержкой. Противники России желали употребить ее как орудие для борьбы против Екатерины. Найденные у нее документы — мнимые завещания Петра Великого, Екатерины I, Елизаветы Петровны — были писаны рукою аван-

тюристики, но редакция этих бумаг была сделана, очевидно, другими лицами. В силу мнимого завещания Елизаветы она была назначена преемницею всероссийского престола, причем, однако, ее опекуном был назначен принц Петр Голштинский. Порою она выражала надежду завладеть короною при помощи Турции. Вскоре Огинский и Радзивилл предоставили ее самой себе. Не имея точных понятий о состоянии России, о лицах и обстоятельствах, служивших предметом ее выдумок и проектов, она должна была погубить себя уже одною странностью и нелепостью своих предположений. Так, например, она выдавала себя за дочь гетмана Кирилла Григорьевича Разумовского, между тем как не он, а его брат находился в связи с императрицею Елизаветою. Далее, она считала возможным склонить к измене Алексея Орлова, находившегося в то время с военным флотом у берегов Италии; чрезвычайно наивно она обратилась к экипажу русского флота с манифестом, в котором указала на завещание Елизаветы Петровны и который был подписан «Екатерина II». В одном из своих писем к Орлову она называла Пугачева своим братом, т.е. также сыном Разумовского; далее она хвасталась особенным покровительством султана, говорила о множестве приверженцев в народе, страдавшем под игом честолюбивой Екатерины; Орлову она сулила неслыханно щедрые награды, прося его предоставить ей средства, необходимые для путешествия в Константинополь.

Некоторое время незнакомка прожила в Неаполе, затем в Риме, где удостоилась особенного внимания иезуитов. Здесь, однако, она, как, впрочем, иногда случалось и прежде, страдала безденежьем. Отсюда она писала к английскому посланнику Гамильтону о Пугачеве, которого, однако, на этот раз не называла своим братом и о котором сочинила разные басни. Это письмо, которое Гамильтон чрез английского консула в Ливорно доставил графу Алексею Орлову, содействовало ее катастрофе.

Орлов, разумеется, счел нужным сообщить императрице Екатерине о появлении самозванки. Он писал в сентябре 1774 года: «Есть ли эдакая на свете или нет (т.е. вообще дочь Елизаветы), я не знаю; а буде есть и хочет не принадлежащего себе, то я бы навязал камень ей на шею да в воду. Сие же письмо (т.е.

письмо незнакомки к нему, Орлову) при сем полагаю, из которого явно увидеть изволите желание. Да мне помнится, что и от Пугачева несколько сходствовали в слог сему его обнародования; а может быть, и то, что и меня хотели пробовать, до чего моя верность простирается к особе вашего величества; я же на оное ничего не отвечал, чтоб чрез то не утверждать более, что есть таковой человек на свете, и не подать о себе подозрение... От меня же послан нарочно верный офицер, и ему приказано с оною женщиною переговорить, и буде найдет что-нибудь сомнительное, в таком случае обещал бы на словах мою услугу, а из-за того звал бы для точного переговора сюда, в Ливорно. И мое мнение, буде найдется таковая сумасшедшая, тогда, заманя ее на корабли, отослать прямо в Кронштадт; и на оное буду ожидать повеления: каким образом повелите мне в оном случае поступить, то все наиусерднейше исполнять буду¹.

Екатерина отвечала Орлову: «Письмо, посланное к вам от мошенницы, я читала и нашла, оное сходственное с таковым же письмом, от нее писанным к графу Н.И. Панину. Известно здесь, что она с князем Радзивиллом была в июле в Рагузе, и я вам советую туда послать кого и разведывать о ее пребывании и куда девалась и, если возможно, приманите ее в таком месте, где вам ловко бы было ее посадить на наш корабль и отправить ее за караулом сюда; буде же она в Рагузе гнездить, то я вас уполномочиваю чрез сие послать туда корабль или несколько, с требованием о выдаче сей твари, столь дерзко на себя вклепавшей имя и природу, вовсе не сбыточные, и, в случае непослушанья, позволяю вам употребить угрозы, а буде и наказание нужно, то бомб несколько в город метать можно; а буде без шума достать способ есть, то я и на сие соглашаюсь», и проч.².

В этом письме императрицы заметно некоторое раздражение. В России считали возможным, что авантюристка действовала, подстрекаемая Портою. С часу на час обстоятельства изменялись к худшему для самозванки. Арестование Пугачева и заклю-

¹ «Чтения», 1867, I, приложение, 57.

² «Сб. Ист. общ.», I, 104—105.

чение Кучук-Кайнаржийского мира лишили ее союзников, на которых она до того времени могла рассчитывать. Тем более странным оказывается то легкоеверие, с которым она относилась к предложениям, сделанным ей от имени Алексея Орлова его адъютантом Кристенеком. Она решилась отправиться в Ливорно после того, как получила от Орлова значительные суммы денег для удовлетворения кредиторов.

Обстоятельность и хитрость, которыми отличаются действия Орлова, Кристенека и английского консула в Ливорно при этом случае, производят чрезвычайно неблагоприятное впечатление. С необычайною ревностью Орлов старался исполнить поручение императрицы. Он встретил мнимую принцессу с особенным почетом, приготовил для нее великолепное помещение в Пизе, прикидывался страстно влюбленным в самозванку, и проч.

Цель была достигнута. Несчастную в Ливорно пригласили на корабль, где она и была арестована. Орлов доносил императрице об удавшемся предприятии, причем, однако, заметил, что находится в опасности сделаться жертвою раздражения жителей Ливорно, бывших свидетелями интриги¹.

Екатерина, узнав об успехе Орлова, писала: «Вероятнее есть, что за таковую сумасбродную бродягу никто горячо не вступится не токмо, но всяк постыдится скрытно и явно показать, что имел малейшее сношение. Конфедератов польских таковая комедия им самим, как разныя подобные посрамления, кои они вчинали, послужить к наивящему позору»².

Императрица зорко следила за дальнейшим ходом дела. Так, например, она писала князю А. Голицыну: «Господин Грейг, чаю, несколько поспешить, потому что он везет на своем корабле, под караулом, женщину ту, которая, разъезжая повсюду с беспутным Радзивиллом, дерзнула взять на себя имя мнимой дочери покойной императрицы Елизаветы Петровны... Контр-адмиралу приказано ее без именного указа никому не отдавать. И так воля моя есть, чтоб вы, если Грейг в Кронштадт приедет, женщину сию приказали принять и посадить ее в Петропавлов-

¹ «Чтения», 1867, I, 62 и след.

² «Сб. Ист. общ.», I, 107—108.

ской крепости, под ответом обер-коменданта... В случае же если бы Грейг прибыл в Ревель, то изволь сделать следующее распоряжение: в Ревеле есть известный цухтауз; отпишите к тамошнему вице-губернатору, чтоб он вам дал знать, удобно ли это место будет, дабы там посадить сию даму под караулом... Письма сих беспутных бродяг теперь разбирают, и что выйдет, и кто начальник сей комедии, — вам сообщим, а только известно, что Пугачева называли братом ее родным»¹.

24 мая, вечером, корабль контр-адмирала Грейга прибыл в Кронштадт; 26-го, утром, мнимая принцесса уже находилась в Петропавловской крепости в Петербурге. Екатерина, пребывавшая в это время в Москве, следила за всеми частностями допросов.

Главным образом старались узнать от незнакомки, кем ей была внушена мысль выдавать себя за дочь Елизаветы. Оказалось невозможным привести в ясность это дело. Она довольно подробно рассказывала о своем детстве, проведенном будто бы отчасти в Киле, отчасти в Персии, упомянула о путешествии по России, которое будто бы совершила в 1761 году; далее она уверяла, что никогда не называла себя дочерью Елизаветы. Нельзя было убедить ее к более открытым и правдивым показаниям. Прибегли к несколько строгим мерам, лишая ее того комфорта, которым она была окружена и в заключении, давая ей лишь самую необходимую пищу и заставляя ее постоянно находиться под надзором одного офицера и двух солдат. Она была в отчаянии; к тому же усилились и прежде заметные признаки быстрой чахотки; она харкала кровью, страдала лихорадкою и сильно заболела; но все время уверяла, что ни в чем не виновата, что лишь другие лица рассеивали на ее счет разные слухи, будто она дочь султана или сестра Иоанна Антоновича, и проч.

Несколько раз самозванка, находясь в Петропавловской крепости, писала то к императрице, то к князю Голицыну. Так, например, она просила личного свидания с Екатериною, замечая: «Я решаюсь умолять ваше императорское величество лично меня выслушать; я имею возможность доказать и доставить боль-

¹ «Сб. Ист. общ.», I, 169—170.

ше выгоды вашей империи». Она подписывалась «Elisabetta». Екатерина в раздражении писала к князю Голицыну: «Попшите сказать известной женщине, что если она желает облегчить свою судьбину, то бы она перестала играть ту комедию, которую она и в последних к вам присланных письмах продолжает и даже до того дерзость простирает, что подписывается Елизаветою; велите к тому прибавить, что никто ни малейшего не имеет сомнения о том, что она авантюрьерка, и для того вы ей советуйте, чтоб она тону убавила и чистосердечно призналась в том, кто ее заставил играть сию роль, и откуда она родом, и давно ли плутни сии примышлены. Повидайтесь с нею и весьма серьезно скажите ей, чтоб она опомнилась. *Voilà une fieffée saignée!* Дерзость ее письма ко мне превосходит, кажется, всякого чаяния, и я начинаю думать, что она не в полном уме»¹.

Старания Голицына привести в некоторую ясность дело авантюристки оставались тщетными. Он предложил ей двадцать вопросов, в редакции которых участвовала императрица; в этом случае незнакомка, вместо того, чтоб отвечать на вопросы, рассказывала новые басни, так что даже добродушный и гуманный Голицын вышел из терпения и в своем донесении к императрице называл ее «человеком коварным, лживым, бесстыдным, злою и бессовестною, «лживицею» и проч.»².

Следующий эпизод характеризует образ действий самозванки. Она заявляла о своем знании персидского и арабского языков; по желанию князя Голицына, она немедленно написала продиктованную фразу буквами, выдаваемыми ею за персидские и арабские. Но сведущие люди, которым на другой день показали написанное ею, уверяли, что письмена эти им совершенно незнакомы и, во всяком случае, не персидские и арабские. Сообщением этого мнения Голицын думал было смутить наконец арестантку, но она ответила, что, вероятно, люди, им спрошенные, ничего не смыслят в обоих языках³.

¹ «Сб. Ист. Общ.», I, 184—185.

² Там же, I, 188.

³ Чтения, 1867, I, 80—81.

Осенью 1775 года самозванка стала постепенно слабеть; болезненные припадки возвращались все чаще. Больная просила Голицына прислать к ней священника. Голицын позвал протоиерея Казанского собора, говорившего по-немецки. И в этой последней беседе со священником авантюристка не сообщила ничего такого, что могло бы дать хотя некоторое понятие о ее происхождении, о ее сообщниках и проч. 4 декабря она скончалась. На другой день солдаты, стоявшие при ней все время на часах, глубоко зарыли ее тело на дворе в Петропавловской крепости.

За исключением краткого времени, в продолжение которого Голицын путем некоторой строгости старался узнать в точности судьбу и намерения незнакомки, ее содержали хорошо и обращались с нею почтительно. Ей давали обильную пищу. При ней находилась прислуга. Помещение, в котором она содержалась, состояло из нескольких комнат. Описание предметов, оставшихся после нее в двух баулах (т.е. чемоданах), свидетельствует о той роскоши, которою она окружала себя в прежнее время¹. Зачатки болезни, жертвою которой она сделалась в Петропавловской крепости, обнаружились уже во время пребывания ее в Риме и Неаполе. И на корабле, и в крепости ее пользовали врачи.

Между арестантами, захваченными вместе с незнакомкою, были два поляка, Чарномский и Доманский, принадлежавшие в Италии как бы к придворному штату самозванки. Доманский страстно любил ее и изъявил готовность оставаться вечно в тюрьме, лишь бы было ему дозволено на ней жениться. Обоим полякам, так же как и слугам и служанке незнакомки, было разрешено свободное возвращение в Западную Европу. Всем были даны деньги на проезд с тем, что, если кто-либо из этих лиц возвратится в Россию, тот без дальнейшего суда подвергнется смертной казни.

Чем более правительство старалось сохранить в глубочайшей тайне частности дела самозванки, тем легче распространялись разные слухи относительно этого эпизода.

Иностранные дипломаты лишь случайно узнавали кое-что о

¹Сб. Ист. Общ., I, 193—196.

судьбе авантюристки. Саксонский резидент, барон Сакен, 28 мая (8 июня) 1775 года доносивший из Москвы о прибытии Грейга в Кронштадт с арестованной в Ливорно так называемой русской княжной, писал не ранее как 16 (27) февраля 1776 года из Петербурга, что сумасшедшая, так называемая принцесса Елизавета, вскоре по приезде своем отправлена была в Шпассельбург и там умерла от болезни два дня тому назад. Сакен прибавлял, что все это ему известно из верных источников и он положительно знает, что смерть последовала совершенно естественно, но, вероятно, это не помешает распространению иных слухов и рассуждений. «Что стало с ее прислугой и с ее вещами, — заключает Сакен свой рассказ, — я не знаю»¹.

Два года позже, в 1777 году, случилось наводнение, во время которого казематы Петропавловской крепости были залиты водою. Хотя помещение, в котором содержалась мнимая дочь Елизаветы, находилось гораздо выше и не могло быть наводняемо, все-таки сложилась легенда о гибели самозванки во время наводнения 1777 года и о том, что правительство, желая ее смерти, нарочно не приняло мер для ее спасения. Этот рассказ встречается в записках политического преступника Винского, находившегося немного позже в Петропавловской крепости и узнавшего от одного сторожа о такой насильственной кончине мнимой принцессы². Записки Винского ходили по рукам в некоторых кружках петербургского общества. Благодаря замечательной в художественном отношении, но не соответствующей исторической истине картине Флавицкого на выставке в С.-Петербургской Академии Художеств, изображающей весьма эффектно мнимую гибель самозванки во время наводнения, до настоящего времени распространено в публике ложное мнение относительно этого события, так что даже в новейшее время, иногда без опровержения, в исторических журналах воспроизводятся нелепые сказки о катастрофе несчастной незнакомки³.

¹ Herrmann. «Gesch. d. russ. Staats», V, 780.

² «Русский архив», 1865, 655—656.

³ См., например, в «Русской Старине», X, 773.

Между бумагами, хранящимися в Британском музее в Лондоне, есть подробный рассказ о мнимой дочери Елизаветы. Автор этого донесения узнал кое-какие подробности о судьбе незнакомки от адмирала Грейга, лично знавшего ее. «Одному из ее слуг, сказано, между прочим, в этом документе, итальянцу, разрешено было находиться при ней во время ее заключения. Купец, который рассказывал мне все это, встретил впоследствии этого слугу, продававшего по улицам барометры и термометры, и, спросив его об его бывшей госпоже, получил в ответ, что она умерла от колик в желудке. Но всем известно, какого рода были колики, которые свели ее в могилу. Я слышал также, что Алексей Орлов тяготился тем, что был виною ее заключения и смерти»¹.

Разумеется, историки-памфлетисты вроде Гельбига и Кастера указывали на кончину мнимой дочери Елизаветы, как на одно из многих преступлений, совершенных будто императрицею Екатериною². Мы видели, что нет основания обвинять императрицу в несчастии, постигшем самозванку. Принятие мер против нее, при тогдашнем положении государства, было делом необходимости. Императрица, в особенности тогда, когда ей приходилось бороться против пугачевщины, не могла оставаться равнодушною к подобным случаям самозванства.

В продолжение тринадцати лет со времени вступления на престол Екатерина постоянно боролась с разными затруднениями. То являлись претенденты на престол, самозванцы и проч., то императрицу беспокоили страшные взрывы в низшем классе народа. Во всех отношениях правительство восторжествовало над всеми этими оппозиционными и революционными элементами. Есть основание думать, что императрица считала 1775 год временем окончательного упрочения своего положения. Говоря в письме к Гримму от 20 июня 1785 года о своих распоряжениях («arrangements»), Екатерина замечает, что они

¹Чтения, 1870, III, 38—39.

²Ссылаясь на какой-то достоверный источник, Кастер пишет: «Elle fut noyée dans la prison», II, 25.

«исполняются в точности и буквально в продолжение последних десяти лет»¹.

Для совершенного обеспечения авторитета Екатерины, кроме безусловной победы над врагами внутри государства, были необходимы успехи в области внешней политики.

Напрасно противники России в продолжение первого десятилетия царствования Екатерины надеялись на внутренние кризисы в России, чтобы с большим успехом противодействовать видам Екатерины в польском и восточном вопросах. Перевес России в области внешней политики во время этого царствования, поддерживаемый торжеством императрицы над представителями смуты внутри государства, оказался безусловным.

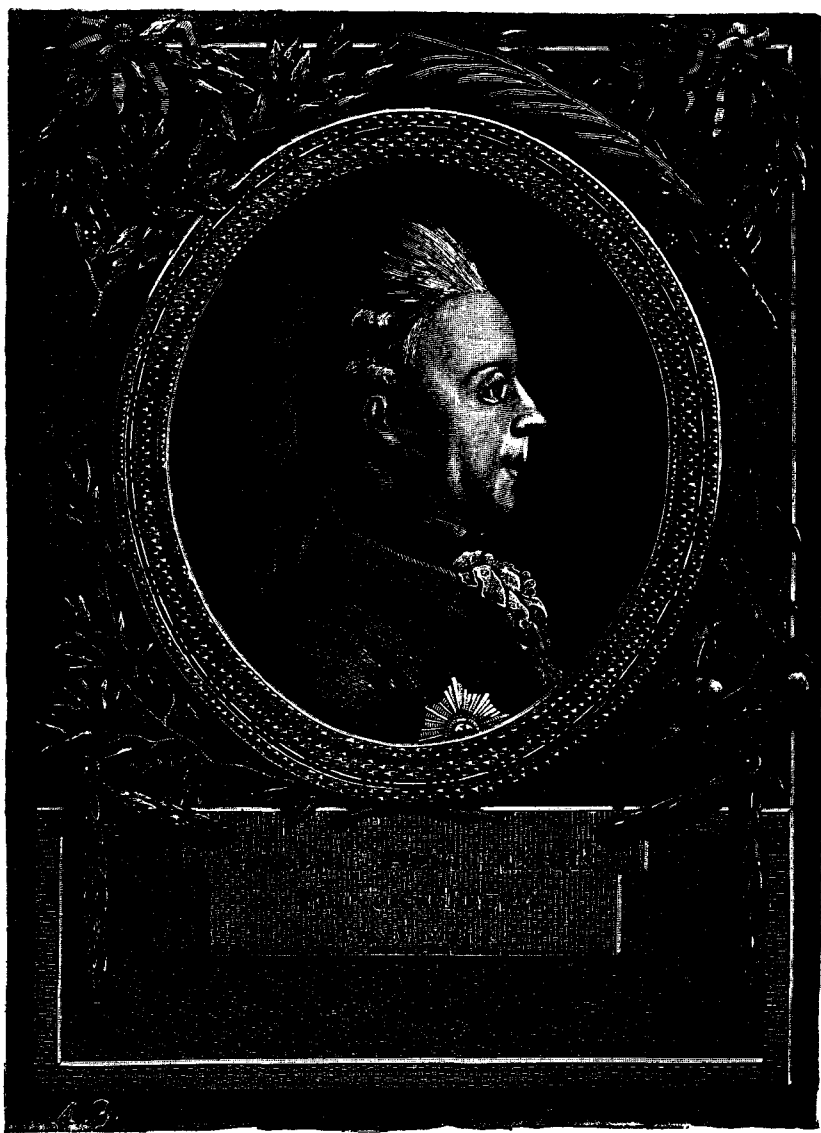
¹ «Qui s'exécutent à la lettre depuis dix ans». «Об. Ист. общ.», XXIII, 343.

Императрица Екатерина II в 1773 году.

Император Австрийский Иосиф II.

Принц Генрих Прусский.

Станислав-Август Понятовский, король Польский.

Engraved by W. B. Smith, del. by J. W. Smith, sculp.

**ГЕНЕРАЛЪ ФЕЛДМАРШАЛЪ
ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
РУМЯНЦОВЪ ЗАДУНАЙСКІЙ.**

Родился 1735 г. Генваря 4. дня. скончался 1796 г. Декабря 6. дня.

*Сынъ Его Императорскому
Величеству
отъ преданнаго ему
Мажорна Волгскаго*

Engraved by W. B. Smith, del. by J. W. Smith, sculp.

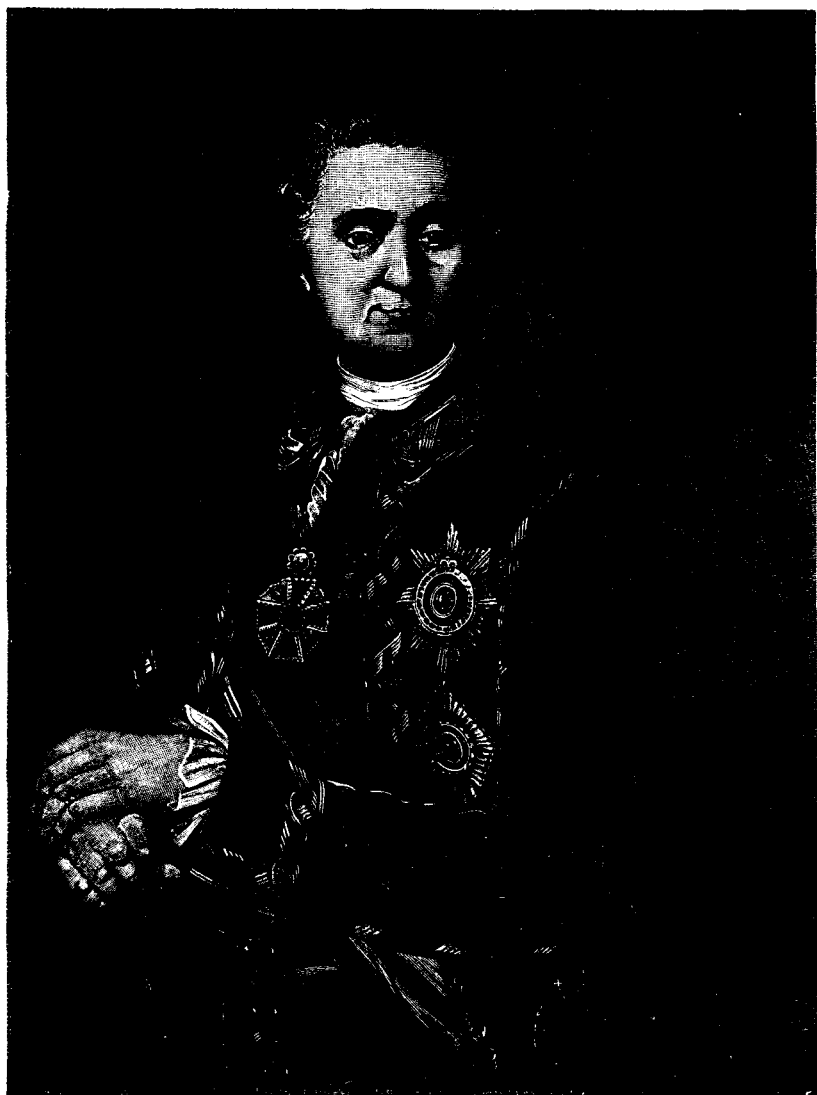
Engraved by J. W. Smith, del. by J. W. Smith, sculp.

**GENERAL FEILD MARSHALL
COUNT PETER ALEXANDROVITSH
ROMANSOFF ZADOUNAISKI.**

Born January 4. 1735. Died December 6. 1796.

*To his Son the Grand Maître de la Cour
This plate is humbly inscribed
by his devoted servant
James Milner*

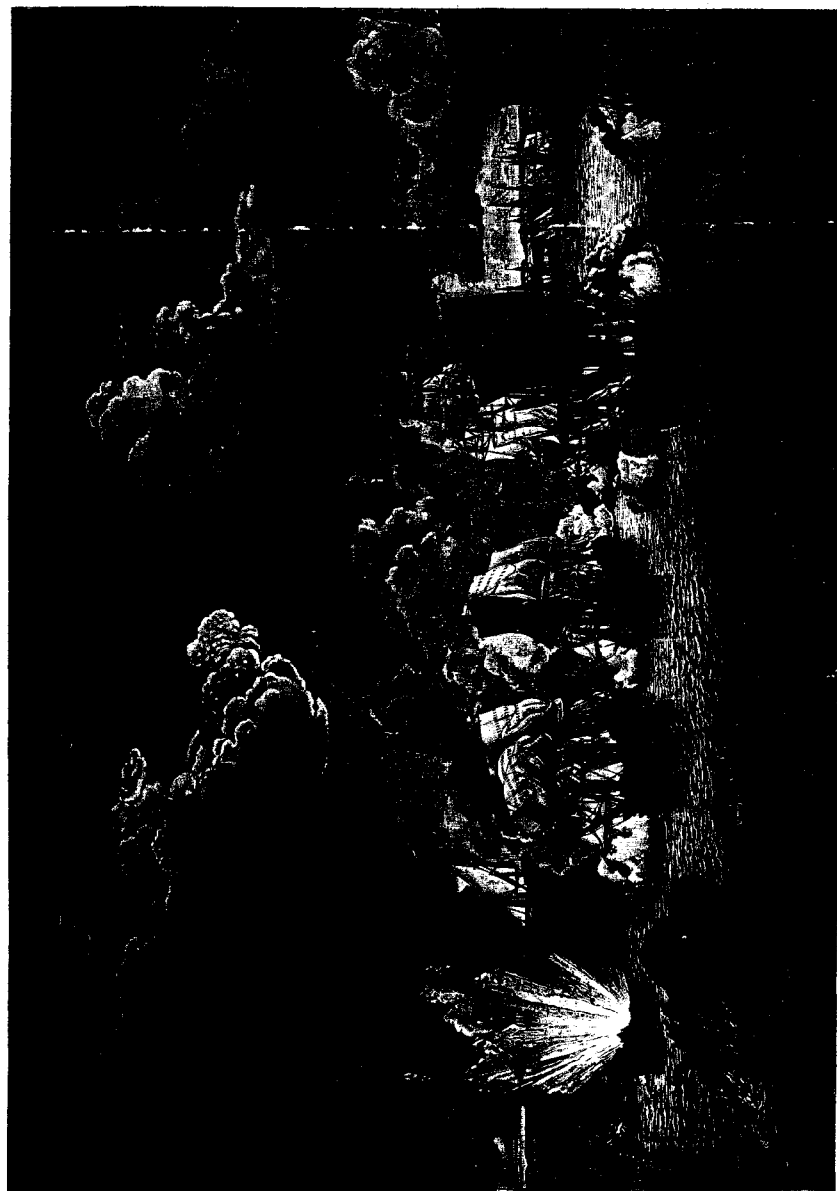
Граф П. А. Румянцев-Задунайский.

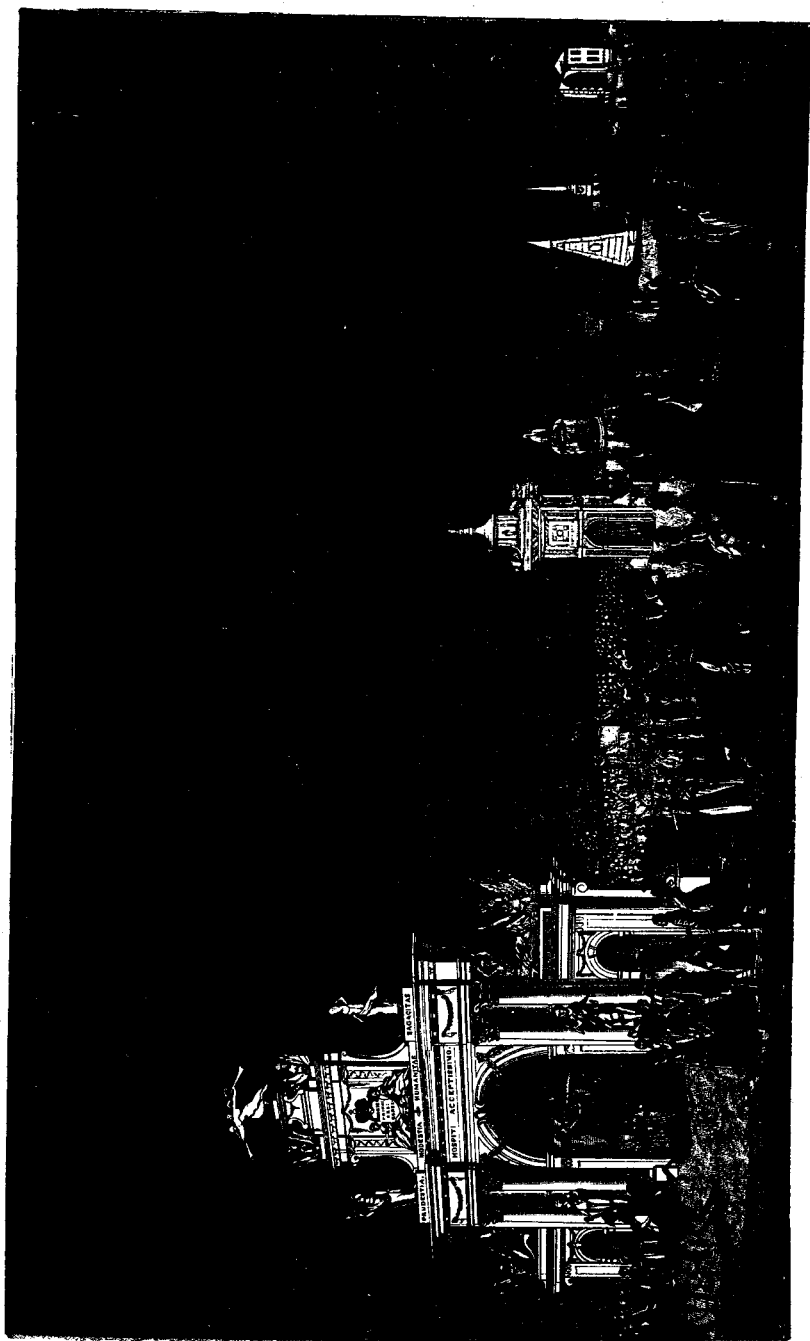
Charles Townsend del. et sculpit. London 1781.
 Son Excellence Monsieur Le Comte
 General en Chef, des Armées de
 toutes les Russies, Chevalier

Alexis d'Orloff Cheshmensky
 de Sa Majesté Impériale de
 de Ses Ordres &c. &c. &c.

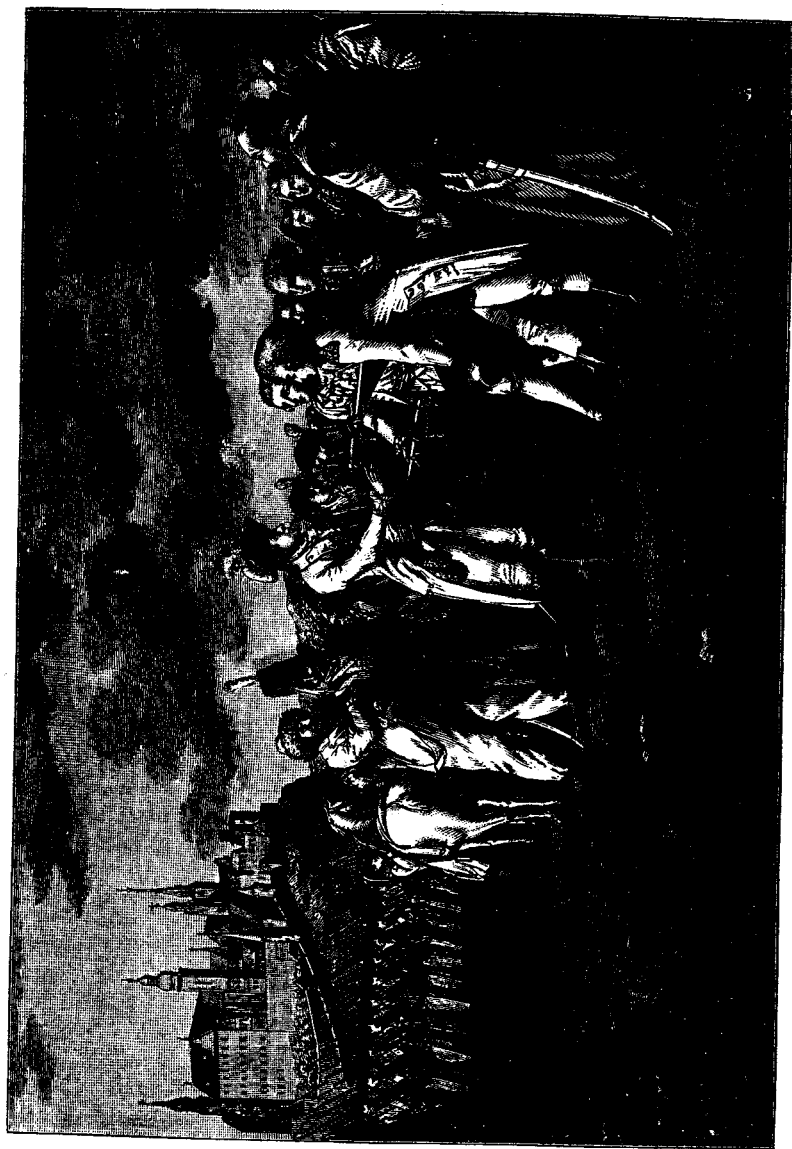
Граф А. Г. Орлов-Чесменский.

Чесменская битва.

Иллюминация на дороге между Петербургом и Царским Селом
по случаю приезда прусского принца Генриха.

Изъятие конфедератами покорности Суворову
после взятия Краковского замка в 1772 г.

Dessiné par Schuchmanoff

Reconnu vers le Nord l'aimant qui nous attire

Cet heureux conquérant, profond législateur,

Femme aimable, grand homme et que l'envie admire

Qui parcourt ses États, y verse le bonheur:

L'original se trouve dans la collection de Monsieur le General Mamonoff à qui cette planche est dédiée avec le plus profond respect

Musée impérial, publié par Sa Majesté l'Impératrice et l'Imprimerie de l'Imperial

Maitre en l'art de regner, savante en l'art d'écrire,

Reparant la lumière, éclairant les erreurs,

Si le sort n'avoit pu lui donner un Empire

Elle auroit eu toujours un Trône dans nos cœurs

qui son bon humeur obéisse à son bon vouloir

Gravé par P. H. B. pour le Musée de Sa Majesté l'Impératrice, par le Baron de Schuchmanoff

**Екатерина II в дорожном платье, которое она носила
во время путешествия в Крым, в 1787 г.**

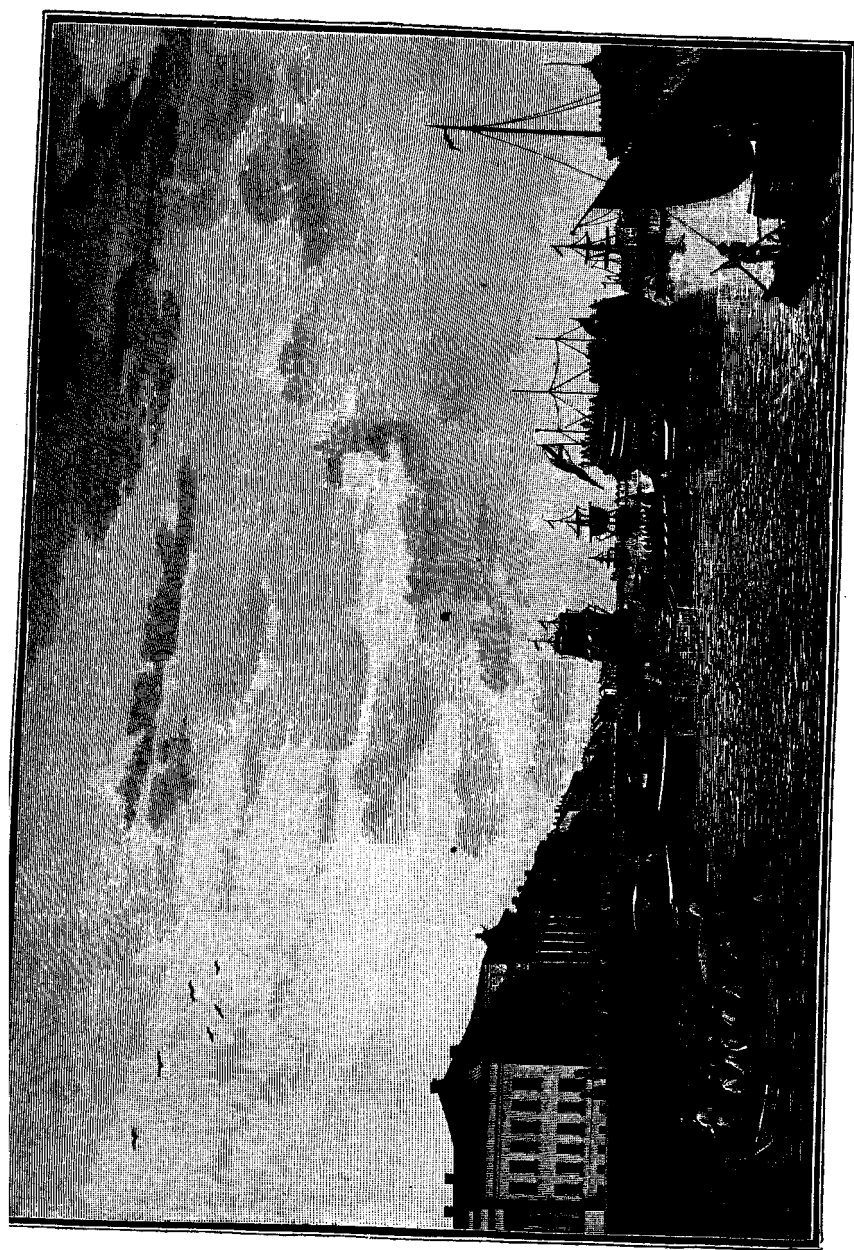
Взятие крепости Очаков 6 декабря 1788 года.

GUSTAVE III.
Rex Suecicæ

Phototypie Gailhard, Berlin.

Густав III, король шведский.

Спуск корабля на Неве в конце XVIII столетия.

Вид главной квартиры Густава III, в Финляндии, близ Фридрихстама,
во время войны 1788—1789 годов.

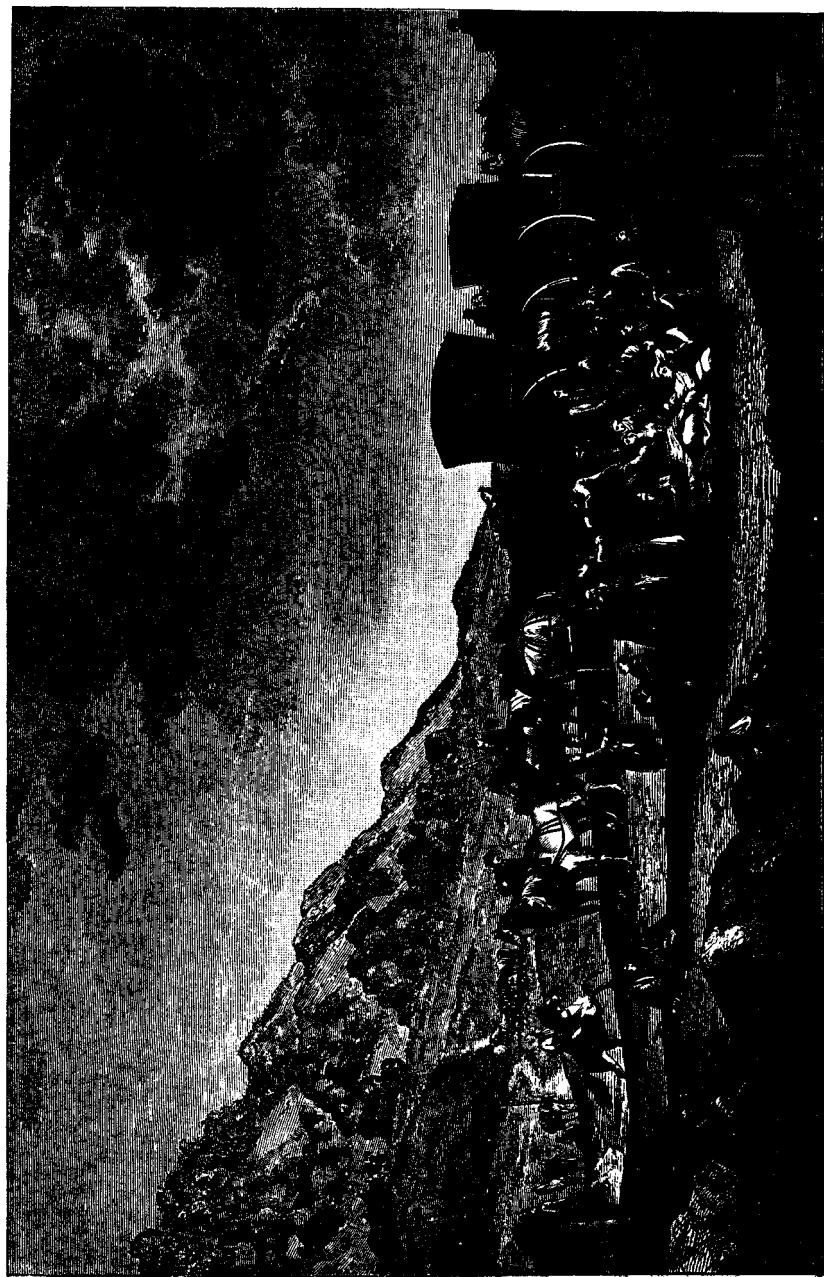
Победа при Фокшанах.
Встреча Суворова с принцем Кобургским.

СУВОРОВЪ

Гравированъ Н. Уткинъ съ портрета писаннаго Ш. Иттанъ
живописцомъ Курфюрста Саксонскаго.

Суворов.

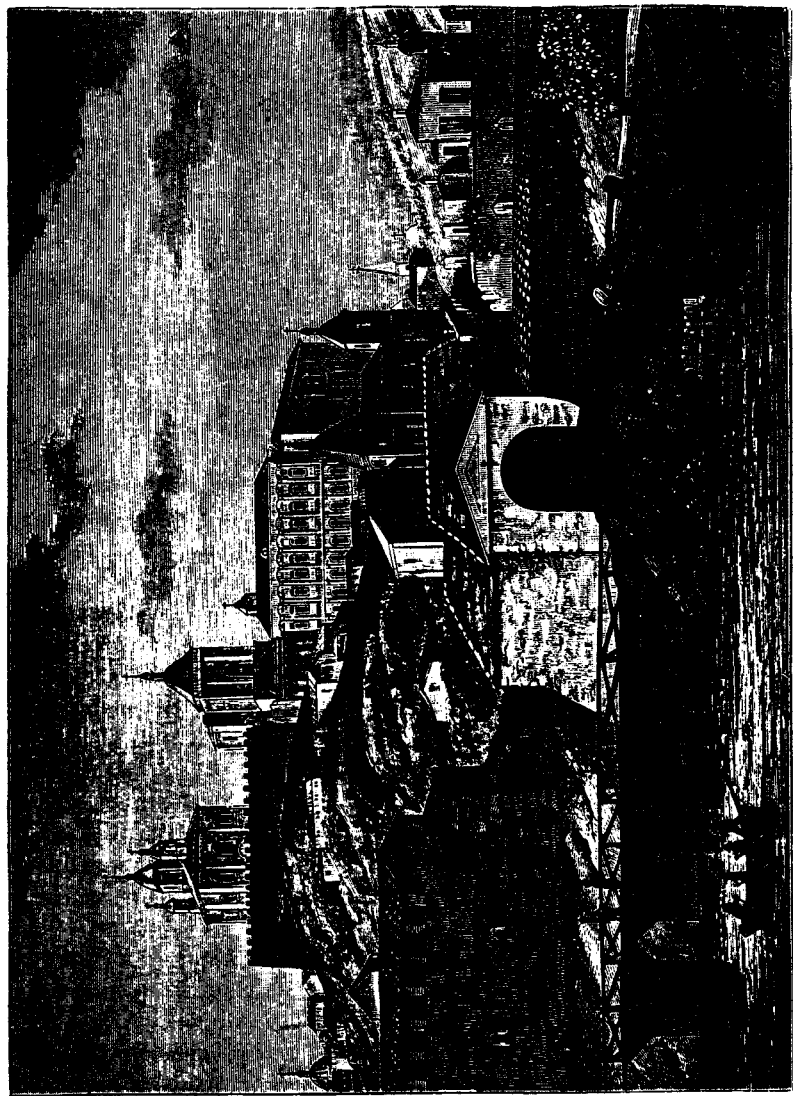
Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврического.

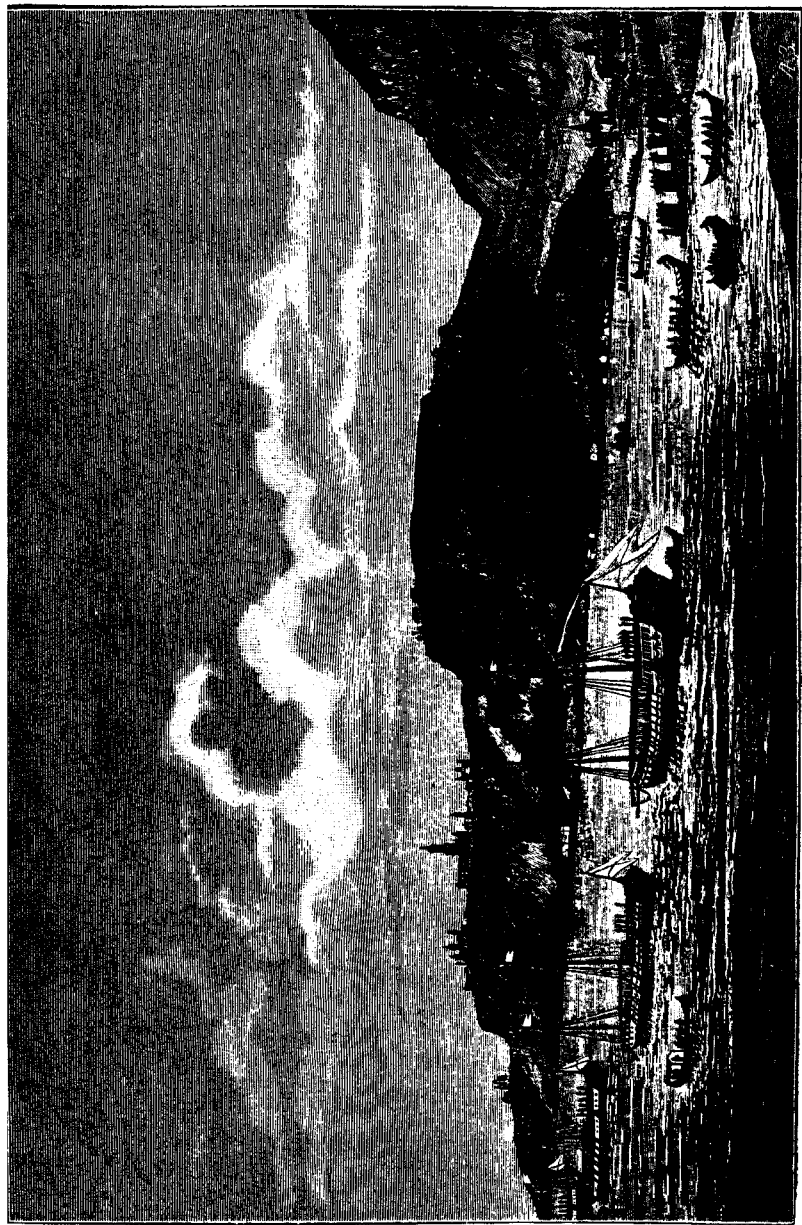
Аллегория на заключение Ясского мира.

Петр Бирон, герцог Курляндский.

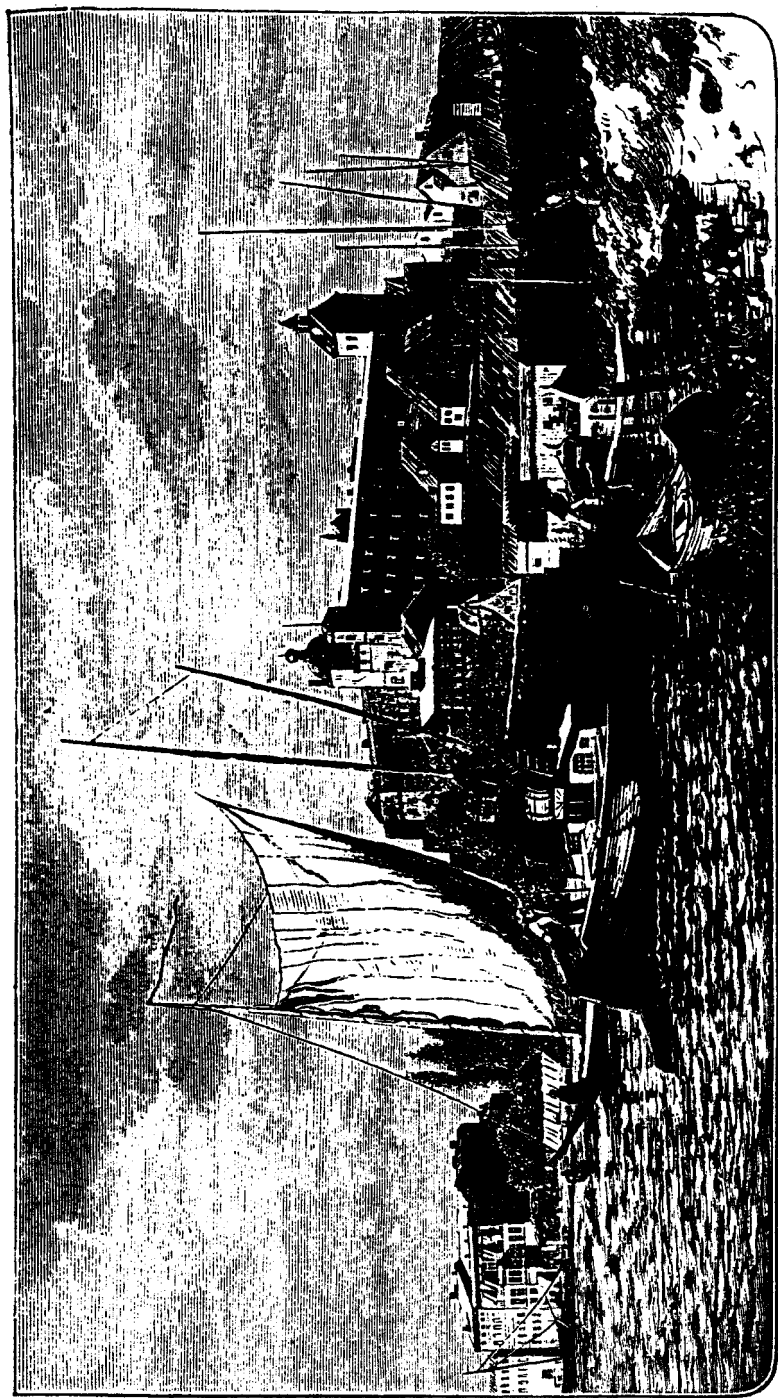
ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 г.
Вид Симферополя в конце XVIII столетия.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ II В КРЫМ В 1787 г.
Императорские галеры, отплывающие из Киева по Днепру.

ФОРМА ОБМУНДИРОВАНИЯ РУССКИХ ВОЙСК В ЕКАТЕРИНИНСКОЕ ВРЕМЯ.
Гвардейские солдаты.

Вид Штетинского замка, в котором родилась Екатерина II.

Вид Петропавловской крепости в Петербурге, в конце XVIII столетия.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Путь к престолу	17
<i>ГЛАВА I</i>	
До брака	19
<i>ГЛАВА II</i>	
Брак	39
<i>ГЛАВА III</i>	
Участие в политических делах до 1761 года	55
<i>ГЛАВА IV</i>	
Царствование Петра III	80
<i>ГЛАВА V</i>	
Государственный переворот	95
<i>ГЛАВА VI</i>	
Начало царствования	110
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Внутренние смуты	123
<i>ГЛАВА I</i>	
Признаки недовольствия	125
<i>ГЛАВА II</i>	
Мирович	140
<i>ГЛАВА III</i>	
Павел и Петр как претенденты	155

ГЛАВА IV

Пугачевщина 171

ГЛАВА V

Мнимая дочь Елизаветы 196

Александр Густавович Брикнер

ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

в 3 томах

Том 1

Редактор *Э. Пономарева*

Художественный редактор *И. Сайко*

Технический редактор *Г. Шитова*

Корректоры *Ю. Диамет, А. Ключикова*

Компьютерная верстка *А. Диамет*

ЛР №030129 от 02.10.91 г.

Подписано в печать 03.04.96 г. Уч.-изд. л. 12,25. Цена 15900 р.

Издательский центр «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.